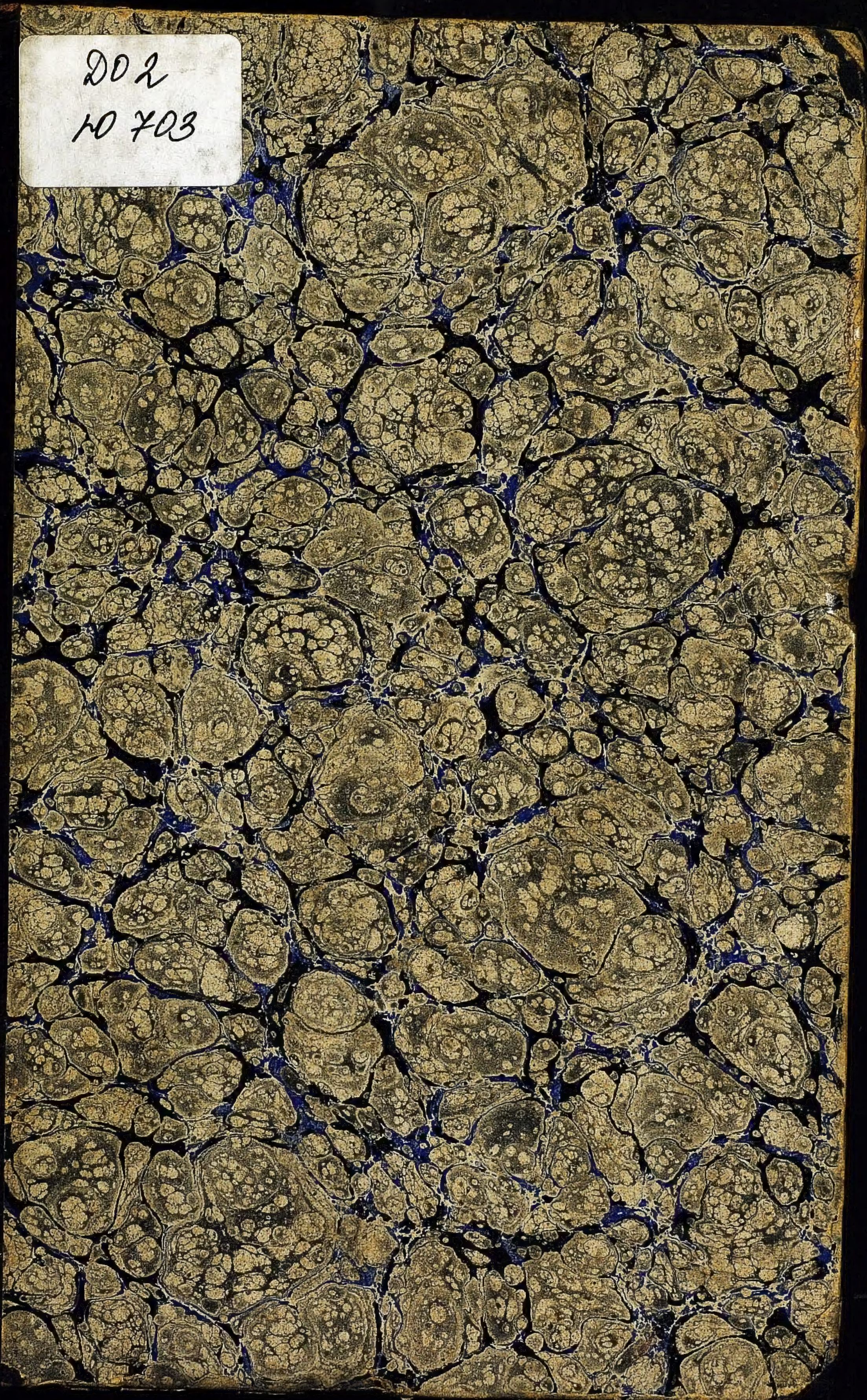

DO2
10 703

ЮРИДИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1889

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

Томъ II

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

(Августъ)

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5

1889

ДЕКЛАРАЦІЯ ПРАВЪ ЧЕЛОВѢКА И ГРАЖДАНИНА.

Съ конца іюня 1789-го года Генеральные штаты Франціи, преобразованные по волѣ средняго сословія въ единую всесословную камеру, Національное собраніе, засѣдаютъ почти безъ перерыва день за днемъ. Сессіи длятся нерѣдко двѣнадцать часовъ подъ рядъ; начинаются въ первомъ или второмъ по полудни и заканчиваются въ третьемъ или четвертомъ утра. Что, спрашивается, побуждаетъ депутатовъ обнаруживать такую лихорадочную дѣятельность; чему посвящаютъ они жаркіе дни лѣтнихъ мѣсяцевъ, не зная усталости, не требуя отдыха?

Они заняты построеніемъ теоріи неправильныхъ спряженій, пишетъ Карлейль. Они вырабатываютъ начала общей всѣмъ народамъ конституціи, думаютъ сами депутаты. Вотъ отзывы, повидимому, исключающіе другъ друга; на самомъ же дѣлѣ каждый въ своей односторонности заключаетъ долю истины.

И Карлейль правъ, думая, что поставленная собраніемъ задача имѣла скорѣе теоретическое, нежели практическое значеніе, что формулировка правъ человѣка принадлежитъ къ кругу дѣятельности ученыхъ академій, отнюдь не законодательныхъ палатъ. И депутаты правы, высказывая надежду, что ихъ манифестъ войдетъ со временемъ въ сознаніе всѣхъ цивилизованныхъ обществъ, сдѣлается и политическимъ credo народныхъ массъ, и руководящею нитью для законодателей. Исторія оправдала эти ожиданія. Кто, въ самомъ дѣлѣ, рѣшится отрицать, что такія положенія, какъ свобода отъ личнаго подчиненія и рабства, равенство всѣхъ предъ закономъ и судомъ, всесословность и равномѣрность податей и повинностей, публичность и гласность правосудія, отдѣленіе судебной власти отъ законодательной, не позволяющая дать закону обратную силу, признаны въ наши дни не только ограниченными, но и неограниченными монархіями — Тур

ціей и Россіей? Кому неизвѣстно также, что свобода духовныхъ проявленій личности соблюдается болѣе или менѣе повсюду, гдѣ существуютъ гарантіи и конституціи, т. е. на протяженіи всей западной Европы, всего Американскаго материка, значительной части Азіи, всей Австраліи и многихъ мѣстностей Африки?

Всесословность—это драгоцѣннѣйшее для людей 89 года благо—настолько успѣла проникнуть во всеобщее сознаніе даже отсталыхъ народностей, что всякая попытка уклониться отъ нея, путемъ расширенія свободы одного класса, хотя бы и безъ ущерба остальнымъ, кажется намъ явною несправедливостью. Мы охотнѣе миримся съ равенствомъ въ безправіи, нежели съ неравенствомъ въ правахъ.

Повсемѣстное усвоеніе принциповъ 89 года само по себѣ уже ручается намъ за то, что принципы эти были не простыми теоретическими домыслами, а наоборотъ, вынесенными изъ жизни убѣжденіями. Философскія абстракціи, воспринятыя въ текстъ конституцій, не становятся отъ этого частью нашего сознанія. Чтобы сдѣлаться ею, они должны отвѣчать существеннымъ потребностямъ общества, всѣми чувствуемой, хотя бы и смутно выражаемой необходимости.

Если философскія абстракціи 1789 года нашли себѣ примѣненіе на практикѣ, оказались не мертвыми формулами, а вполнѣ жизненными началами, то потому, что, думая провозгласить новыя для міра правила, составители деклараціи о правахъ человѣка только давали свое признаніе тому, на что натолкнулъ ихъ, что выработалъ историческій опытъ. На первый взглядъ ихъ положенія представляются намъ цѣликомъ заимствованными изъ сочиненій кабинетныхъ мыслителей — Кумберланда, Локка, Руссо, Вольтера, Монтескье. На самомъ же дѣлѣ ихъ первоисточникомъ являются такіе законодательные памятники, какъ Великая Хартія вольностей, Актъ habeas corpus, Декларація вѣротерпимости и Петиція правъ. Понятіе о неотчуждаемыхъ вольностяхъ, о правахъ, которыя не могутъ быть отняты ни законами, ни конституціями, было вполнѣ установлено уже въ республиканской Англіи XVII-го вѣка. «Неотчуждаемыя и не знающія вліянія давности права», о которыхъ говоритъ декларація 89 года, — это то самое, что англійскіе радикалы полутора столѣтіями раньше, и по ихъ примѣру Кромвель, обозвали «необходимыми устоями всякой конституціи», ея essentials. Вмѣстѣ съ пуританскимъ радикализмомъ эти идеи перешли въ новый свѣтъ, проникли въ конституціи и законы отдѣльныхъ штатовъ и провозглашены были торжественно всему міру въ составленной Джефферсономъ деклараціи. Сама форма, въ которой люди 1789 г. пожелали обнародовать свои воззрѣнія на руко-

водящіе принципы государственнаго устройства—та самая, къ которой ранѣе ихъ не разъ обращались Англичане и къ которой еще недавно прибѣгли піонеры возникающей въ Сѣверной Америки европейской гражданственности.

Если принципы 1789 года въ концѣ XVIII вѣка могли считаться новинкой, то только въ томъ смыслѣ, что отрицали тѣ самыя начала, на которыхъ былъ построенъ общественный и политическій складъ Франціи и всего европейскаго континента. Для феодальныхъ порядковъ, основанныхъ на привиллегіяхъ и изъятіяхъ, провозглашаемый декларацiей принципъ равенства предъ закономъ и судомъ былъ своего рода смертнымъ приговоромъ. Политическая и гражданская свобода и начало народнаго суверенитета, очевидно, въ такой же мѣрѣ противорѣчили ученію «l'état c'est moi», пророча неминуемую гибель всемогущей и вездѣсущей бюрократіи.

Ошибочно было бы думать однако, что разлагающая сила принциповъ 89 года не сказалась на континентѣ Европы задолго до ихъ обнародованія. Уже въ пятнадцатомъ вѣкѣ писатели, въ родѣ Филиппа де-Коминъ, почерпая свѣдѣнія объ англійской конституціи изъ сочиненій знаменитаго Фортескью [1]), будили въ общественномъ сознаніи французовъ никогда не исчезающій вполнѣ запросъ на политическую свободу. Ихъ проповѣдь не можетъ быть названа безпочвенной, такъ какъ въ сравнительно недавнемъ прошломъ французы надѣлены были тѣми же учрежденіями, которыя послужили англичанамъ средствомъ къ обезпеченію себѣ началъ неприкосновенности личности и самодѣятельности общества. Не о простомъ заимствованіи чужихъ гарантій говорятъ также писатели Лиги, призывая къ возстановленію во Франціи той же системы ограниченной сословіями монархіи, которая для англичанъ явилась очагомъ политической свободы. Вызывая въ памяти попеременно примѣры средневѣковыхъ сословныхъ монархій, съ Англіей во главѣ, и классическихъ республикъ древности, писатели какъ Готоманъ и Ла-Боэси, одинаково подымали голосъ противъ добровольнаго рабства, указывая въ то же время выходъ изъ него въ началѣ самодѣятельности общества.

Въ XVII вѣкѣ въ борьбѣ съ королевскимъ абсолютизмомъ и господствующею церковью начала англійской политической свободы не только получаютъ ту опредѣленность и законченность, которая недоставала имъ дотолѣ; но и находятъ себѣ существенное дополненіе въ невѣдомомъ еще Мору принципѣ гражданскаго равенства. Этотъ принципъ впервые находитъ признаніе себѣ въ сферѣ религіозной. Онъ провозглашается представителями наиболѣе передовыхъ протестантскихъ сектъ,

вожаки которыхъ незамѣтно вводятъ его въ область политики, объявляя себя «левеллерами», или нивелляторами. Вызванная въ значительной степени религіозными преслѣдованіями, первая англійская революція, въ виду невозможности достигнуть того «единообразія» въ дѣлахъ вѣры, о которомъ мечталъ Генрихъ VII, Эдуардъ VI и Елизавета, впервые вводитъ также въ понятіе личныхъ правъ англійскаго гражданства принципъ вѣротерпимости, а этотъ принципъ въ свою очередь является источникомъ развитія свободы слова и печати. Въ томъ же столѣтіи сперва въ Англіи, а затѣмъ на континентѣ составные элементы англійской свободы находятъ себѣ теоретическое выраженіе и обозначаются далеко не новымъ терминомъ «естественныхъ правъ личности» [2]). Памфлетная литература временъ республики и протектората подымаетъ и разрабатываетъ уже всѣ тѣ вопросы, болѣе систематическое выраженіе которыхъ мы находимъ впослѣдствіи у Локка, Кумберланда, Юма, Монтескье и Руссо.

Ученіе о неотчуждаемыхъ правахъ и въ числѣ ихъ о свободѣ совѣсти, неприкосновенности личности и собственности, о значеніи, какое для свободы гражданъ имѣетъ отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, какъ лишающее законъ его обратной силы, и т. п. уже ясно выражены въ многочисленныхъ трактатахъ и петиціяхъ Лильборна и не отрицаются самимъ Кромвелемъ. — Континентальной публицистикѣ XVIII вѣка останется только усвоить эти принципы, дать имъ болѣе полное метафизическое обоснованіе, привести ихъ въ стройную логическую послѣдовательность; Монтескье и Руссо одни внесутъ нѣкоторыя измѣненія въ эту въ полномъ смыслѣ слова англійскую систему личныхъ и народныхъ правъ. Первый доведетъ теорію Лильборна и Локка о раздѣленіи властей до ея абсурда—полнаго обособленія и равновѣсія [3]), второй —исказитъ англійское начало ограниченнаго народнаго суверенитета, суверенитета не устраняющаго существованія не подлежащихъ отчужденію человѣческихъ правъ—античной идеей о всецѣломъ поглощеніи личности государствомъ и установитъ такимъ образомъ свой принципъ неограниченнаго и недѣлимаго народнаго верховенства. Ошибки теоретиковъ вслѣдъ за тѣмъ отразятся на дѣятельности законодателей, и творцы единой американской гражданственности поспѣшатъ внести въ выработанный ими текстъ федеральной конституціи заимствованное у Монтескье начало обособленія властей, «какъ существеннѣйшую гарантію англійской свободы». Политическое сознаніе Франціи въ свою очередь усвоитъ себѣ всѣ эти провозглашаемыя теоріей положенія во всей ихъ исключительности и доктринерствѣ, и данные депутатамъ въ 1789 г. «на-

казы» почти въ одинъ голосъ потребуютъ составленія особой «декларацiи правъ человѣка и гражданина», а нѣкоторые включатъ въ нее наряду съ безспорными началами всякой, и прежде всего англійской, свободы болѣе спорныя положенія о неограниченности народнаго суверенитета и необходимости въ интересахъ свободы не только раздѣлить, но и обособить другъ отъ друга законодательство, судъ и управленіе.

Правда, большинство наказовъ, и въ томъ числѣ тотъ, который данъ былъ Парижемъ депутатамъ отъ средняго сословія, указывая на націю, какъ на источникъ всякой власти въ государствѣ, въ то же время провозглашаютъ начало ограниченности этой власти, запрещая ей всякое посягательство на свободу и собственность гражданъ; правда, тѣ же наказы открыто высказываются и противъ недѣлимости народнаго суверенитета, и противъ начала полнаго обособленія властей, и предоставляютъ законодательную власть совмѣстно королю и націи; но можно указать и на такіе, въ которыхъ, какъ, напр., въ наказахъ Медона, Этампа или Ниверне, строго проводится грань отличія между «областью воли—законодательствомъ» и «областью дѣйствія—исполненіемъ». Въ первой — полная неограниченность власти признается за націей, во второй—за королемъ. Власти должны быть такъ строго отдѣлены другъ отъ друга, что у короля отнимается всякое право измѣнить что либо въ текстѣ вотированнаго народнымъ представительствомъ закона.

То обстоятельство, что большинство дѣятелей 89 года было знакомо съ требованіями свободы не изъ указаній опыта, а изъ чтенія метафизическихъ трактатовъ и кабинетныхъ размышленій [4]), не могло, разумѣется, не отразиться на ихъ дѣятельности. Читая дебаты учредительнаго собранія, невольно выносишь представленіе о какомъ то свѣтскомъ соборѣ, занятомъ скорѣе формулированіемъ политическихъ догматовъ, нежели реформой въ законодательствѣ и управленіи. Членамъ его недостаточно отмѣны старинныхъ злоупотребленій и установленія новыхъ государственныхъ порядковъ. Они мечтаютъ еще о томъ, чтобы своими предначертаніями произвесть переворотъ въ самомъ складѣ мышленія, въ политическихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ. Отсюда включеніе ими въ свою задачу такихъ цѣлей, которыя, пожалуй, были бы понятны со стороны древняго законодателя, на половину религіознаго и нравственнаго, на половину свѣтскаго реформатора, но которымъ нѣтъ мѣста въ современныхъ кодексахъ и законахъ, обособляющихъ право отъ нравственности и религіи.

Къ чему, напримѣръ, безконечныя разсужденія о томъ, признать

ли Бога источникомъ естественнаго закона, провозгласить ли общественный договоръ [5])—началомъ всякаго общежитія, включить или не включать въ декларацію правъ тезисъ Кумберланда о томъ, что единственная цѣль правительства [6]) — благоденствіе гражданъ? Къ чему также предложенія въ родѣ слѣдующаго: внести въ декларацію тезисъ, что «человѣкъ имѣетъ священное право на самосохраненіе и спокойствіе и что Верховное Существо создало всѣхъ людей свободными и равноправными» [7])? Вѣдь, по самому характеру своему, всѣ постановленія подобнаго рода необходимо должны остаться безъ санкціи, а санкція есть именно то, что отличаетъ законъ отъ нравственной или религіозной максимы.

Учредительное собраніе несомнѣнно исключило бы подобные вопросы изъ сферы своихъ обсужденій, если бы его цѣлью не было выработать «догматы вѣры» (articles de foi), обязательные для всѣхъ людей и для всѣхъ націй. Не ставь оно себѣ этой цѣли—оно избѣжало бы справедливаго упрека Мирабо: «увлекаясь метафизическими тонкостями, вы рискуете быть понятыми лишь немногими и заслужить восторгъ всѣхъ, кто не уразумѣлъ васъ» [8]). Только тѣмъ, кто подобно Мирабо или Муэнье, Лалли Толендалю или Мале Дюпанъ, знакомы были съ механизмомъ свободныхъ учрежденій, могло прійти въ голову выбросить изъ деклараціи правъ «все, чему можно научиться изъ книгъ и абстрактныхъ размышленій» [9]). Большинство депутатовъ держалось на этотъ счетъ противуположнаго взгляда. «Я намѣренъ представить на ваше обсужденіе то, до чего я додумался въ тиши и уединеніи. Я не имѣлъ инаго руководителя, кромѣ разума, и другаго двигателя, кромѣ любви къ человѣчеству». Эти слова депутата Креньера, требовавшаго, чтобы собраніе включило въ текстъ деклараціи его личные домыслы, какъ нельзя лучше рисуетъ намъ точку зрѣнія законодателей 89 года. Понятіе о томъ, что конституціи не сочиняются, а растутъ, что ихъ значеніе и сила зависитъ не отъ логической послѣдовательности установляемыхъ ими абстракцій, а отъ соотвѣтствія ихъ съ выработанными исторіей особенностями національнаго характера, повидимому, было чуждо большинству депутатовъ. «Всѣ народы призваны природой къ одной и той же конституціи, такъ какъ всѣ получили отъ нея одинаковыя права» [10]),—таково послѣднее слово ихъ политической мудрости. Оно объясняетъ намъ причину, по которой составители деклараціи смотрѣли на свою роль, какъ на роль всемірныхъ законодателей. Дать законодательное признаніе долго остававшимся въ забвеніи естественнымъ правамъ—развѣ это не тоже, что надѣлить всѣ народы единственно возможной для нихъ конституціей, конституціей, источникомъ которой

являлся бы не предшествующій опытъ, не историческое право, а разумъ, или что для нихъ тоже: природа (la nature)? «Наша задача, говоритъ Петіонъ—не ограничивается одной Франціей, мы должны объявить, какія права составляютъ общее достояніе всѣхъ людей и всѣхъ временъ» [11]).

При такомъ настроеніи приходится только удивляться, что выработанная собраніемъ декларація отличается относительной трезвостью и практичностью, что, отказываясь отъ мысли опредѣлить, въ чемъ состоятъ права человѣка, «живущаго внѣ общежитія, въ такъ называемомъ естественномъ состояніи», она озабочена установленіемъ того драгоцѣннаго для свободы начала, что верховная власть не въ правѣ посягать на всѣ права, что есть такія, признаніе которыхъ обязательно для нея. «Цѣль всякаго политическаго сообщества, читаемъ мы въ Деклараціи—охрана естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Права эти: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію. Общество, въ которомъ эти права не гарантированы, не имѣетъ конституціи». Присутствія однихъ этихъ словъ въ текстѣ деклараціи достаточно для того, чтобы признать въ ней не простое метафизическое разсужденіе о прирожденныхъ правахъ, но практическую попытку обезпеченія политической свободы.

Результатомъ продолжительныхъ и по выраженію одного изъ современниковъ, «смертельно скучныхъ [12]) разсужденій о правахъ и гарантіяхъ» явился не отвлеченный трактатъ о политикѣ, а основной законъ, провозглашающій, вопреки ходячей теоріи о безграничности суверенитета, освященное опытомъ Англіи и Америки ученіе о неотъемлемыхъ правахъ. Руссо утверждалъ, что, при выходѣ изъ естественнаго состоянія, люди путемъ общественнаго договора всецѣло отчуждаютъ себя и принадлежащія имъ права въ руки общества [13]) (aliénation totale de chaque associé avec tous ses droits à toute la communauté). Отсюда то послѣдствіе, что, такъ какъ никто не сохранилъ за собою никакихъ правъ, суверенитетъ общества или, что тоже, народа, безграниченъ и не можетъ быть связанъ законами [14]). Дѣятели 89 г. не повѣрили обѣщанію Руссо, что «при такой взаимной уступкѣ всѣми и каждымъ принадлежащихъ ему правъ, и отдѣльные граждане не только ничего не потеряютъ, но и пріобрѣтутъ еще большую силу для сохраненія того, что имѣютъ». Они справедливо признали безграничность власти источникомъ деспотизма и тиранніи. Подобно англійскимъ радикаламъ XVII-го вѣка и дѣятелямъ американской революціи, дѣятели 89 г. сочли нужнымъ поэтому не признавать во всѣхъ его послѣдствіяхъ ученія о неограниченности суверенитета,

ученія, завѣщаннаго намъ древностью, нашедшаго выраженіе себѣ и въ Аристотелевой политикѣ и въ Комментаріяхъ на нее Бодена, и въ политическихъ измышленіяхъ Гоббса и въ соціальныхъ фантазіяхъ Руссо. Провозглашая новыя начала политической жизни, они избрали отправной точкой для своихъ построеній выработанный не теоріей, а практикой принципъ, что власть всякаго правительства останавливается тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о посягательствѣ на личность и собственность. Въ теоріи это начало не было признано и въ самой Англіи, гдѣ всемогущество парламента, составленнаго изъ короля, лордовъ и общинъ, доселѣ находитъ наглядное выраженіе въ поговоркѣ: «парламентъ все можетъ сдѣлать; онъ безсиленъ только обратить мужчину въ женщину и женщину въ мужчину». Англійская жизнь тѣмъ не менѣе въ теченіе столѣтій стремилась къ ограниченію этого правила, создавая съ каждымъ поколѣніемъ новыя гарантіи для свободы физическихъ и духовныхъ проявленій личности, свободы, нарушенія которой запрещены были самому парламенту. Съ расцвѣтомъ американской гражданственности, съ возникновеніемъ отдѣльныхъ штатовъ и ихъ конституцій и это, всецѣло опирающееся на обычай, правило нашло выраженіе себѣ на бумагѣ. Американскія деклараціи и въ числѣ ихъ виргинскія включили его въ число обѣщанныхъ ими народу гарантій. Ихъ примѣръ оказался заразительнымъ и для французовъ. Кондорсе настолько увлекся имъ, что при самомъ созывѣ штатовъ сталъ требовать составленія акта, «который, заявляя о существованіи у человѣка неотъемлемыхъ правъ, тѣмъ самымъ связалъ бы до нѣкоторой степени руки всѣмъ властямъ, и судебной, и военной, и даже законодательной» [15]).

Законодатели 1789 г., трудамъ которыхъ мы обязаны деклараціей правъ человѣка и гражданина, неоднократно ссылаются въ своихъ проектахъ на ея американскіе образцы. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ не оставалось тайной, что практическій смыслъ всякой деклараціи подобнаго рода лежитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности установить съ помощію ея извѣстныя границы всемогуществу не только исполнительной, но и законодательной власти. Въ той редакціи, на которой, въ виду необходимости скорѣйшаго завершенія работъ, остановилось большинство депутатовъ, декларація 89 г. далеко не точно передаетъ то значеніе, какое связывали съ ея обнародованіемъ ближайшіе участники ея составленія.

Текстъ деклараціи говоритъ намъ о возможности найти въ признаваемыхъ ею правахъ разумный критерій для сужденія о дѣятельности законодателей и правителей. Зная, въ чемъ состоятъ права человѣка,

люди съумѣютъ правильно отнестись ко всему, что нарушаетъ эти права. Они вѣрнѣе поймутъ также въ каждомъ данномъ случаѣ характеръ падающихъ на нихъ обязанностей. Все это, очевидно, лежитъ далеко отъ той вполнѣ практической цѣли—установить границы для всякой власти, которая, какъ мы видѣли, составляла заботу депутатовъ и нашла выраженіе себѣ въ отдѣльныхъ статьяхъ воздвигнутаго ими законодательнаго памятника. Объясняется это тѣмъ, что въ своемъ окончательномъ видѣ декларація представляетъ результатъ компромисса между различными теченіями, изъ которыхъ одно занято было установленіемъ практическихъ гарантій въ родѣ тѣхъ, какія извѣстны были въ Англіи и Америкѣ, а другое заботилось о возможно полномъ и послѣдовательномъ перечнѣ не только правъ, но и обязанностей гражданъ, съ указаніями на народъ, какъ на источникъ власти, и Верховное Существо (Etre Suprême), какъ на высшую санкцію провозглашаемыхъ политическихъ афоризмовъ.

Но что ближайшей цѣлью составителей деклараціи было поставить государственную власть—все равно, будетъ ли ею король или народное представительство—въ невозможность отнять у личности ея прирожденныя права, это ясно слѣдуетъ какъ изъ содержанія происходившихъ въ собраніи дебатовъ, такъ и изъ того отношенія, въ какое стали къ нимъ представители прессы и наиболѣе популярные вожди революціи. Одинъ изъ депутатовъ, де-ла-Бордъ, предложилъ включить въ самый текстъ деклараціи слѣдующій афоризмъ: никакая власть не должна нарушать положенныхъ ей границъ; она преступитъ эти границы, если дозволитъ себѣ малѣйшее посягательство на естественныя права личности [16]). Одновременно никто иной, какъ Камилль Демуленъ, высказывалъ ту мысль, что на землѣ не можетъ существовать власти неограниченной и что надъ «общею волею», или—что тоже—народнымъ суверенитетомъ надо поставить «естественное право» (au dessus de la volonté générale il y a le droit naturel) [17]).

Все значеніе деклараціи правъ сводится для меня къ признанію этой истины; составители ея не имѣютъ иной заслуги предъ потомствомъ. Самыя границы суверенитета указаны ими не всегда вѣрно, языкомъ сбивчивымъ и неточнымъ. Множество совершенно побочныхъ вещей и безцѣльныхъ разсужденій закрываютъ предъ читателемъ настоящій смыслъ деклараціи; спорныя по существу положенія, о происхожденіи общества путемъ договора, о необходимости войска для гарантіи правъ человѣка и гражданина и т. п. наполняютъ ея столбцы, вызывая со стороны критиковъ справедливыя замѣчанія, что «высшая похвала, которая можетъ быть сдѣлана имъ, есть признаніе ихъ ненужности» [18]). Декла-

рація, слѣдуя предсказанію Мирабо, не оказала большей живучести, чѣмъ та, какая составляетъ удѣлъ ежегодно возобновляемыхъ календарей, но провозглашенный ею принципъ необходимости ограниченія всякой, хотя бы и верховной власти, въ наши дни, какъ и сто лѣтъ назадъ, продолжаетъ оставаться наиболѣе существеннымъ требованіемъ политической свободы. Установленіе его было равнозначительно разрыву не только съ тѣми взглядами, которыя завѣщаны дѣятелямъ 89 года всею предшествующею исторіей ихъ страны, но и съ присущимъ всей древности воззрѣніемъ, что верховная власть по природѣ своей всесильна. Это воззрѣніе настолько еще живо во многихъ изъ современниковъ революціи, что одинъ изъ нихъ, Бентамъ, даже прямо ставитъ составителямъ декларацій въ вину то, что даетъ имъ наибольшее право на нашу признательность. Если бы декларація, говоритъ онъ, была въ силахъ поставить границы законодательному собранію, это было бы большимъ зломъ. Такія границы ненужны и опасны (toute limite est inutile et dangereuse). Бентамъ, или точнѣе его женевскій истолкователь—Дюмонъ, поясняетъ свою мысль, говоря: Въ странѣ, въ которой законодатель озабоченъ расширеніемъ народнаго вліянія, въ которой предоставлено народу выбирать себѣ представителей, собираться на сходки и составлять петиціи, сдѣлано все возможное къ предотвращенію злоупотребленій: у свободнаго народа, надѣленнаго правомъ представительства, уздой по отношенію къ законодателямъ можетъ быть одно общественное мнѣніе. Когда власть ихъ приведена только что указанными средствами въ зависимость отъ общественнаго мнѣнія, нѣтъ больше мѣста для опасеній и нѣтъ необходимости въ мѣрахъ предосторожности. «Ничто не въ состояніи замѣнить этой узды, ничто не въ состояніи придать ей больше силы, чѣмъ та, которую она имѣетъ. Всего же забавнѣе мысль, что законодатель можетъ связать себя фразами своего собственнаго изобрѣтенія» [19]).

Говоря это, критикъ декларацій 89 года упускаетъ изъ виду, что какъ законъ, такъ и общественное мнѣніе въ представительныхъ государствахъ всегда являются выразителями одного большинства, что въ критическіе моменты народной жизни, подобные тѣмъ, какія представляетъ собою исторія революціонныхъ собраній Франціи, свободное отъ всякой удержи, всемогущее собраніе легко можетъ подавить малѣйшее выраженіе разномыслія; разогнать митинги, запретить петиціи, отнять у члена меньшинства право голоса и тѣмъ самымъ подавить въ зародышѣ всякій протестъ. Въ такія эпохи серьезную гарантію даетъ интересамъ меньшинства лишь та конституція, которая непосредственно принимаетъ подъ свою защиту публичныя права граж-

данъ и ввѣряетъ ихъ охранѣ независимой отъ законодательства судебной власти.

Гдѣ нѣтъ этого, тамъ возможно, какъ показалъ опытъ конвента, и при самой неограниченности народной власти то, что весьма удачно было названо Робеспьеромъ «деспотизмомъ свободы» (le despotisme de la liberté). Дѣятели 89 года ясно сознавали эту возможность. «Неограниченность власти въ ихъ глазахъ необходимо должна была вести къ деспотіи», все равно, будетъ ли эта власть ввѣрена одному лицу, или цѣлому собранію [20]); и это тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленія, что, по вѣрному замѣчанію Ланфре, «люди, только что вышедшіе изъ подъ ига абсолютизма, весьма склонны думать, что источникъ угнетенія лежитъ всецѣло въ принадлежности власти одному лицу. Замѣните его собраніемъ, и они охотно надѣлятъ собраніе еще болѣе неограниченными правами и вообразятъ себя свободными» [21]).

Но если выставленный людьми 89 года принципъ заслуживаетъ полнаго одобренія, то справедливость заставляетъ сказать, что они не приняли всѣхъ нужныхъ мѣръ къ его упроченію.

Ихъ заявленія о неприкосновенности личности и собственности, о свободѣ мысли и религіозной терпимости, остаются простыми обѣщаніями. Никакая власть не призвана спеціально къ охранѣ этихъ вольностей, никакихъ практическихъ средствъ не указано къ тому, чтобы доставить имъ торжество, въ случаѣ попытокъ къ ихъ низверженію со стороны законодательныхъ или административныхъ органовъ. Это тѣмъ болѣе непростительно, что законодатели Франціи имѣли передъ собою готовый опытъ Англіи и Америки. Гдѣ есть право, тамъ должно быть и средство къ его защитѣ—судъ (ubi jus, ibi justitia), говорятъ римскіе юристы. Изъ народовъ новаго міра англичане ранѣе другихъ поняли всю обязательность такого правила, и провозглашая, напр., свободу отъ произвольныхъ арестовъ, снабдили ее исковой охраной, поставили стражемъ ея суды королевства. Тоже, на еще болѣе широкую ногу, было задумано и проведено творцами американскаго единства. Тѣ самыя начала, которыми члены учредительнаго собранія думали облагодѣтельствовать человѣчество путемъ простаго напоминанія о нихъ, защищены были Гамильтономъ и Джефферсономъ не только отъ произвола администраціи, но и отъ тираніи законодательной власти, и съ этою цѣлью ввѣрены спеціальной заботливости федеральныхъ судовъ. Законы, противорѣчащіе этимъ началамъ, были объявлены неконституціонными, и, какъ таковые, не подлежащими исполненію. Частному лицу, интересы котораго задѣваемы были ими, дано право судебнаго обжалованья этихъ законовъ,

а за судомъ признана обязанность освободить въ каждомъ данномъ случаѣ доказавшаго свой искъ жалобщика отъ подчиненія имъ. Французскіе законодатели не сдѣлали ничего подобнаго. А между тѣмъ данные имъ избирателями наказы открыто высказывались въ пользу исковой охраны «естественныхъ правъ».

Дворянство Монтаржиса, Ока, Гвіены, Кверси, Мелена, Лилля, Верманду, Понта-Мусона, Нижняго Лимузена, Бове и др. бальяжей, въ одинъ голосъ требовало, чтобы лицо, виновное въ произвольномъ арестѣ, являющееся исполнителемъ не легально состоявшагося судебнаго приговора, а исходящаго отъ администраціи приказа о задержаніи (lettre de cachet), могло быть преслѣдуемо предъ судами и подлежало не только обязанности возмѣстить вредъ и убытки, но и тѣлесному наказанію [22]. Среднее сословіе присоединяло къ этому заботливость о томъ, чтобы залогъ допускаемъ былъ возможно часто къ замѣнѣ личнаго задержанія. «Хартія Короля Іоанна», дозволяющая подобную замѣну, не разъ упоминается наказами, какъ достойный примѣръ для подражанія [23]). Суду также желаютъ ввѣрить избиратели Франціи охрану другаго естественнаго права человѣка—свободу печати. Мѣры предупрежденія по отношенію къ ней должны быть отмѣнены и никто, кромѣ суда, не вправѣ рѣшать, совершено ли въ каждомъ данномъ случаѣ путемъ печати оскорбленіе религіи, нравственности и чести гражданъ, и подлежитъ ли соотвѣтственно писатель и типографщикъ опредѣленному закономъ наказанію [24]).

Хотя дѣятели 1789 года ни словомъ не обмолвились о той гарантіи, какую въ Америкѣ даетъ личнымъ правамъ возможность судебнаго обжалованія законовъ по причинѣ ихъ неконституціонности, но сознаніе, что законъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ нарушать созданныхъ ими конституціонныхъ гарантій, повидимому, было имъ присуще. Лоранъ справедливо останавливается на слѣдующихъ двухъ случаяхъ, какъ на рѣшительныхъ доказательствахъ того, что члены учредительнаго собранія считали себя связанными декларацiей и выраженными въ ней правами. «Когда въ іюлѣ 1789 г., въ виду возникшаго подозрѣнія, что дворянство Бретани вступило въ заговоръ съ англичанами, одинъ изъ депутатовъ, Реубелъ, потребовалъ вскрытія частной корреспонденціи, собраніе отклонило это предложеніе, не желая опорочить своихъ реестровъ подобнымъ рѣшеніемъ. Когда, два года спустя, въ собраніе внесенъ былъ проектъ закона, воспрещающаго эмиграцію, Мирабо, усматривая въ немъ нарушеніе принципа личной свободы, открыто заявилъ, что никогда не станетъ повиноваться ему [25]) (je jure de n'y obéir jamais). Само собраніе, въ виду, какъ значится

въ его протоколахъ, несоотвѣтствія проекта съ принципами конституціи, отказалось выслушать докладчика [26]).

Послѣ этого остается только удивляться, какъ при такомъ ясномъ пониманіи отношенія, въ какомъ законы должны стоять къ конституціи, учредительное собраніе не приняло никакихъ судебныхъ гарантій къ обезпеченію ихъ «конституціонности». Оно не только не сдѣлало этого, не только не дало гражданамъ судебной защиты противъ тиранніи законодательныхъ палатъ, но не установило даже начала исковой охраны публичныхъ правъ противъ произвола исполнительной власти. Средствомъ къ этому могло быть созданіе такъ называемой административной юстиціи, все равно—въ рукахъ спеціальныхъ или общихъ судовъ. Необходимо было надѣлить гражданъ, личныя права которыхъ провозглашались декларацiей, правомъ обжалованья въ судебномъ порядкѣ всѣхъ дѣйствій чиновниковъ, клонящихся къ нарушенію этихъ правъ. Объявляя свободу отъ арестовъ, или равномѣрность налоговаго обложенія, необходимо было снабдить эти права исковой охраной. Въ такой охранѣ не отказывала вполнѣ гражданамъ и примирившаяся, повидимому, съ бюрократическимъ произволомъ Франція стараго порядка. Она не допускало ея, правда, по отношенію къ органамъ полиціи. Но юрисдикція налоговъ, возможность судебной защиты въ случаяхъ неправильной или неравномѣрной ихъ разверстки, была вполнѣ признана. На половину судебныя, на половину административныя учрежденія, и во главѣ ихъ палаты сборовъ (Cours des Aides) и отчасти парламенты являлись стражами этой равномѣрности, и только въ послѣднія два столѣтія ихъ роль въ этомъ отношеніи была принижена захватами интендантовъ провинцій и королевскаго совѣта.

Ничто не могло быть цѣлесообразнѣе, ничто не обѣщало большихъ выгодъ для политической свободы, какъ дальнѣйшее расширеніе системы судебнаго обжалованія административныхъ мѣропріятій. Но провозглашая своимъ принципомъ подсудность каждаго его естественнымъ судьямъ (nul ne doit être distrait de ses juges naturels), учредительное собраніе сразу приступило къ уничтоженію всѣхъ тѣхъ органовъ судебной власти, которые въ его глазахъ носили характеръ чрезвычайныхъ. Парламенты и палаты сборовъ были отмѣнены, съ той оговоркою однако, что функціи ихъ будутъ переданы обѣщаннымъ французамъ новымъ судамъ.

Когда же дѣло дошло до надѣленія этихъ судовъ контролемъ за администраціею, юристы, въ родѣ Турэ, поспѣшили выставить принципъ: «il faut que le cours de l'administration ne soit pas entravé par la justice» [27]): необходимо, чтобы дѣятельность администраци не

была стѣсняема судами. Въ этомъ принципѣ видѣли прямое примѣненіе теоріи Монтескье объ отдѣленіи судебной власти отъ административной. Мысль о томъ, что торжество его было равнозначительно отказу дать практическое признаніе провозглашеннымъ декларацiей принципамъ, повидимому, не смущало законодателей Франціи. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, и во главѣ всѣхъ Мирабо, въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ англійской конституціи, признавалъ за каждымъ гражданиномъ и право, и обязанность доводить до свѣдѣнія судовъ о всѣхъ нарушеніяхъ закона, какія позволяетъ себѣ администрація, но собраніе громаднымъ большинствомъ высказалось въ пользу того принципа, что для обжалованія такъ называемыхъ «délits d'administration», т. е. преступленій по должности, необходимо предварительное разрѣшеніе высшаго органа исполнительной власти въ департаментѣ (такъ называемой директоріи) [28]). Это правило, въ которомъ одинъ изъ депутатовъ— Реубель справедливо находилъ полное противорѣчіе съ свободой, было затѣмъ примѣнено и по отношенію къ судебному преслѣдованію министровъ. Вышедшая изъ рукъ учредительнаго собранія конституція допустила обжалованіе ихъ дѣйствій предъ судами не иначе, какъ съ разрѣшенія законодательнаго собранія. Такимъ образомъ положено было начало тому правилу, полнымъ выраженіемъ котораго является знаменитая 75 статья консульской конституціи, сохранившая свою силу до временъ третьей республики: статья эта не допускаетъ преслѣдованія чиновниковъ иначе, какъ съ разрѣшенія ихъ начальства, въ частности государственнаго совѣта. Тщетно жирондисты, въ лицѣ Бюзо [29]), указывали на «опасность, какой грозятъ свободѣ гражданъ подобныя ограниченія», тщетно требовали они, чтобы, по крайней мѣрѣ, вышедшіе въ отставку министры признаны были непосредственно подлежащими судебной отвѣтственности. Начало «безспорности» дѣйствій администраціи было установлено на практикѣ, частью подъ вліяніемъ унаслѣдованныхъ традицій, частью въ угоду теоретическому требованію о раздѣленіи и обособленіи властей.

Итакъ, провозглашая принципъ ограниченности суверенитета, отказывая въ полнотѣ самодержавія не только королю и собранію, но и совокупности обоихъ, составители декларацiи 1789 года въ то же время не сдѣлали нужнаго, чтобы дать этому началу практическое признаніе. Они не устранили возможности нарушающихъ свободу и равенство дѣйствій ни со стороны законодательной, ни со стороны исполнительной власти; не сдѣлали суда стражемъ конституціонности издаваемыхъ собраніемъ законовъ, ихъ согласованности съ провозглашенными декларацiей началами. Они не озаботились также правильнымъ

устройствомъ административной юстиціи, не надѣлили гражданъ исковой охраной принадлежащихъ имъ публичныхъ правъ, не поставили администрацію подъ единственно дѣйствительный для нея контроль судебныхъ органовъ.

Эта ошибка сдѣлалась источникомъ постепенной отмѣны путемъ закона и административнаго распоряженія тѣхъ самыхъ принциповъ свободы и равенства, въ которыхъ учредительное собраніе справедливо находило выраженіе существеннѣйшихъ правъ личности.

Но, можетъ быть, такой исходъ былъ неизбѣженъ, можетъ быть, данныя декларацией обѣщанія несбыточны по самой своей природѣ, а защищаемыя ею начала не иное что, какъ разлагающіе принципы и «анархическіе софизмы»? Такъ, повидимому, склонны думать и баронъ Этвешъ въ своемъ «Разсужденіи о господствующихъ идеяхъ нашего времени», и Бентамъ въ своей знаменитой критикѣ самой деклараціи. Но въ такомъ случаѣ, какъ объяснить, что всѣ свободныя правительства построены на признаніи этихъ же самыхъ принциповъ, какъ объяснить, что Англія и Америка положили ихъ въ основу своей гражданственности, что вопросъ о неприкосновенности личности и собственности, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ и судомъ ставился и ставится повсюду, гдѣ только возникаетъ рѣчь о гарантіяхъ и конституціяхъ, о защитѣ противъ насилія и произвола? Но исчерпываютъ ли собою эти «вольности» содержаніе самой деклараціи и то-ли именно представленіе связывали съ началами свободы и равенства люди 89 года, какое мы соединяемъ съ ними нынѣ и какое сотнями лѣтъ раньше придаваемо было имъ составителями Великой Хартіи вольностей, Акта Habeas Corpus, Деклараціи вѣротерпимости и Билля о правахъ? Если отвлечься отъ вѣрно отмѣченныхъ Бентамомъ несовершенствъ редакціи, если имѣть въ виду, какъ понимали сами составители деклараціи, формулируемыя ими понятія свободы и равенства, необходимо придешь къ заключенію, что между ихъ точкой зрѣнія и нашей нѣтъ существенной разницы. Понятіе о томъ, что въ наше время привыкли разумѣть подъ терминомъ матеріальной свободы, въ противность свободѣ формальной, о равенствѣ по отношенію не къ одному закону и суду, но и къ состоянію, остается имъ чуждымъ. Неприкосновенность собственности для нихъ такое же естественное право, какъ и свобода личная. Самые смѣлые изъ нихъ— и опять таки во главѣ всѣхъ Мирабо—не идутъ дальше пожеланія, чтобы каждый гражданинъ имѣлъ свой участокъ земли — идеалъ, очевидно навѣянный на него американскими порядками. Въ доложенномъ Мирабо отъ имени Комитета проектѣ деклараціи прямо значится:

«Гражданское равенство не есть равенство имуществъ, оно состоитъ въ томъ, что всѣ граждане равно подчиняются законамъ и имѣютъ равное право на ихъ защиту» [30]). Основою всякому обществу, говоритъ другой участникъ въ составленіи деклараціи—Пеллеренъ—служитъ собственность и свобода [31]).

Въ первомъ по времени проектѣ деклараціи,—а такимъ надо признать тотъ, который изложенъ въ наказѣ, данномъ депутатами средняго сословія Парижа,—цѣлью законовъ признается защита собственности, и неприкосновенность ея возводится на степень обязательнаго для законодателя принципа [32]). Право собственности поставлено въ числѣ прирожденныхъ и неотчуждаемыхъ правъ, какъ въ проектѣ Лафайета, такъ и въ тѣхъ, авторами которыхъ являются Мунье и Сіэсъ. Формула, придуманная Дюпономъ, и цѣликомъ вошедшая въ окончательную редакцію, заявляя, что собственность священна и неприкосновенна и что никто не можетъ быть лишенъ ея иначе, какъ въ силу засвидѣтельствованной въ законномъ порядкѣ общественной необходимости и подъ условіемъ справедливаго вознагражденія (ст. XVII), отвѣчаетъ такимъ образомъ общему воззрѣнію людей 89 года, что собственность есть неотъемлемое право человѣка. Будущіе монтаньяры и въ числѣ ихъ Камиль Демуленъ открыто объявляли себя сторонниками такого пониманія. Экспропріація государствомъ частной собственности помимо вознагражденія владѣльцевъ, какъ и всякій аграрный законъ, направленный къ передѣлу имуществъ, кажется ему невозможностью. Необходимость такого закона не вытекаетъ, по мнѣнію Демулена, изъ признаннаго собраніемъ принципа равенства. «Общество, разсуждаетъ онъ, не имѣетъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, какія даны ему частными лицами, его составившими. Было бы безсмысліемъ допустить, что люди, соединившись въ общество для защиты отъ разбойниковъ, надѣлили верховную власть правомъ ихъ ограбить» [33]). Между депутатами идутъ, правда, споры о томъ, что считать собственностью, подводить ли подъ понятіе ея церковную десятину, тѣ или другіе виды феодальныхъ правъ. Видѣть ли въ налогѣ частичное отрицаніе собственности или, какъ думаетъ Мирабо, ту часть личнаго достоянія, какую гражданинъ отдаетъ въ общее пользованіе. Депутатовъ раздѣляетъ также такой вопросъ, какъ прирожденность права собственности. Одни, слѣдуя Локку, признаютъ ее существующей до государства, другіе, согласно съ ученіемъ Гоббса, Руссо и всей современной исторической школы правовѣдѣнія, утверждаютъ, что въ догосударственномъ состояніи всѣ вещи состояли въ общемъ владѣніи. Но эти частныя разнорѣчія не выходятъ изъ сферы метафизическихъ и

историческихъ проблемъ и нисколько не подрываютъ силы того общаго положенія, что люди 89 г. далеко не были комунистами, а наоборотъ, приверженцами начала частной собственности. Гражданское равенство для людей 89 года сводится прежде всего къ отмѣнѣ той эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, какую представляло собою все еще остававшееся въ силѣ крѣпостное право. Наказы депутатамъ единогласны въ требованіи уничтожить безвозмездно гражданскую несвободу, барщину и др. такъ называемыя личныя права сеньеровъ по отношенію къ ихъ вилланамъ, а благородное соревнованіе, обнаруженное въ знаменитую ночь 4 августа привиллегированными сословіями въ добровольномъ отказѣ отъ своихъ правъ, и сравнительно слабое впечатлѣніе, какое произвела эта отмѣна въ народныхъ массахъ, какъ нельзя лучше доказываютъ, по вѣрному замѣчанію Кине, что равенство, въ смыслѣ отсутствія личной зависимости, проникло уже въ общее сознаніе и всѣми ожидалось, какъ нѣчто должное и неизбѣжное. Равенство означало также для составителей деклараціи, какъ показываетъ самый ея текстъ, единообразіе законовъ и судовъ, отсутствіе элемента сословности въ налоговомъ обложеніи и отправленіи государственной службы. Далѣе не шли ни требованія наказовъ, ни обѣщанія деклараціи. Правда, въ ней можно найти намекъ на то, что въ будущемъ всѣ граждане равно будутъ участвовать въ изготовленіи законовъ и вотированіи налоговъ, но что подъ этимъ далеко не имѣлось въ виду введеніе всеобщаго права голосованія, доказываетъ легкость, съ которой незначительному и непопулярному меньшинству удалось, по собственному его сознанію, провести при обсужденіи конституціи правило объ ограниченіи избирательнаго права одними «активными гражданами», т. е. лицами, платящими налогъ, равный заработку трехъ рабочихъ дней [34]).

Нельзя также назвать крайними тѣ взгляды, какихъ составители деклараціи придерживаются по вопросу о личной свободѣ, свободѣ совѣсти и печати, петицій и сходокъ. Параграфъ деклараціи, говорящій о свободѣ отъ арестовъ, напоминаетъ своимъ содержаніемъ знаменитую статью Великой Хартіи: «nullus liber homo capiatur vel imprisonetur... nisi per legale judicium.... vel per legem terrae». «Ни одинъ человѣкъ не будетъ обвиненъ, арестованъ или содержимъ въ заточеніи иначе, какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ и съ соблюденіемъ предписанныхъ имъ формъ», гласитъ ст. 7-я. Извѣстно, что обѣщанная англичанамъ свобода отъ арестовъ была обезпечена не раньше, какъ послѣ того, когда новымъ актомъ (Habeas corpus)

она поставлена была подъ защиту судовъ и ея нарушителямъ стало грозить положенное закономъ наказаніе. Эта истина сознаваема была въ 1789 году одинаково избирателями и депутатами. Первые открыто высказали въ своихъ наказахъ требованіе, чтобы исполнители противозаконныхъ предписаній, клонящихся къ лишенію гражданъ свободы, подлежали уголовной отвѣтственности. Вторые дали удовлетвореніе такому желанію, включивъ въ текстъ разбираемаго нами параграфа слѣдующія слова: «Наказанію подлежитъ всякій, кто издастъ приказъ о произвольномъ арестѣ или станетъ слѣдить за приведеніемъ его въ дѣйствіе, равно и тотъ, кто ходатайствуетъ о его изданіи».

Остается только сожалѣть, что въ ближайшемъ будущемъ собраніе лишило эту гарантію всякаго практическаго значенія, защитивъ, какъ мы видѣли, чиновниковъ отъ возможности судебнаго преслѣдованія. Опять таки, въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями англійской свободы, составители декларацiи спѣшатъ прибавить, что гражданинъ, призванный къ суду или задержанный властями «согласно закону», долженъ повиноваться немедленно; кто не дѣлаетъ этого, становится виновнымъ въ сопротивленіи властямъ. Что означаютъ эти слова, какъ не тоже, къ чему стремится практика великобританскихъ или американскихъ судовъ, признавая за арестованнымъ право самозащиты въ томъ случаѣ, когда арестъ сдѣланъ чиновникомъ, не снабженнымъ письменнымъ приказомъ о его производствѣ, или когда этотъ приказъ составленъ не по формѣ, не заключаетъ въ себѣ имени или внѣшнихъ примѣтъ лица, которое предписано задержать, и не указываетъ на побудительную причину ареста?

Гарантію личной свободы англичане и, по ихъ примѣру, американцы видятъ также въ правѣ арестованнаго требовать замѣны личнаго задержанія залогомъ и поручительствомъ. О такой свободѣ поднята была рѣчь въ стѣнахъ учредительнаго собранія, но желаніе избѣжать частностей въ формулировкѣ этого справедливаго требованія повело къ принятію собраніемъ положенія, которое по своей неопредѣленности оправдываетъ всякія ожиданія, а на самомъ дѣлѣ ничего не обѣщаетъ. Всякій считается невиннымъ, пока не объявлена его виновность, гласитъ девятая статья декларацiи. Въ случаѣ, если признано будетъ необходимымъ арестовать его, всякая суровость (rigueur), не необходимая для пресѣченія ему способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда (pour s'assurer de sa personne), должна быть строго преслѣдуема закономъ. Что надо разумѣть подъ такою суровостью, составители декларацiи не говорятъ, а между тѣмъ не только въ англійскомъ, но и во французскомъ прошломъ, они бы

легко могли открыть нѣкоторыя положенія, указывающія на то, какія дѣйствія народное сознаніе признавало чрезмѣрно суровыми даже по отношенію къ справедливо задерживаемымъ преступникамъ: такими древніе кутюмы Франціи, за одно съ англійскимъ общимъ правомъ, признавали вторженіе ночью въ чужое жилище, отказъ въ замѣнѣ ареста поручительствомъ, чрезмѣрность требуемаго съ арестуемаго залога или самое недопущеніе его къ представленію залога. Учредительное собраніе оказало бы бо́льшую услугу свободѣ, еслибы ограничилось напоминаніемъ объ этихъ гарантіяхъ. За то полнаго одобренія заслуживаетъ та статья, которая, повторяя истину, сознанную англичанами въ серединѣ XVII вѣка и поведшую къ отмѣнѣ билля of attainder, постановляетъ, что законъ не будетъ имѣть обратнаго дѣйствія. «Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію, читаемъ мы въ 8-ой статьѣ деклараціи, иначе, какъ въ силу закона, изданнаго ранѣе совершеннаго имъ проступка». Это правило, выставляемое уже какъ требованіе политическими агитаторами временъ англійской республики, является дѣйствительнымъ источникомъ той теоріи, которая требуетъ отдѣленія судебной власти отъ законодательной. Распространенная въ равной мѣрѣ на отношенія законодательства къ исполненію, теорія эта сдѣлалась въ устахъ Монтескье пресловутымъ ученіемъ о раздѣленіи властей. Учредительное собраніе не преминуло включить ее въ свою декларацію въ той же общей формѣ, въ какой она вышла изъ рукъ ея ближайшаго творца. Статья 16-я гласитъ, между прочимъ, что общество, въ которомъ не установлено раздѣленія властей, не имѣетъ конституціи. Эта теоретическая сентенція въ гораздо меньшей степени призвана гарантировать неприкосновенность публичныхъ правъ, нежели менѣе общая по своему содержанію формула: «законъ не имѣетъ обратной силы». Истина этого послѣдняго положенія такъ велика, услуга, оказываемая имъ свободѣ такъ существенна, что оно проникло въ общественное сознаніе всѣхъ почти образованныхъ народовъ. Судебные уставы Императора Александра II дали ему открытое признаніе и у насъ.

Личная свобода, какъ понимаютъ ее составители деклараціи, такъ далека отъ крайностей и излишествъ, что Бентаму она кажется даже недостаточной. Критикуя 7-ю статью деклараціи, онъ замѣчаетъ: Статья эта въ той редакціи, какая дана ей собраніемъ, могла бы съ удобствомъ фигурировать и въ кодексѣ Марокской имперіи. Слѣдуя ей, надо признать, что нѣтъ ничего беззаконнаго въ исполненіи малѣйшихъ предписаній марокскаго султана. Вѣдь воля его законъ, все, что дѣлается согласно ей, имѣетъ законную силу [35]). Этотъ упрекъ

былъ бы справедливъ, если бы собраніе въ самой деклараціи не высказало ясно, что именно оно считаетъ закономъ: «законъ, значится въ ней, есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ равное право участвовать въ его составленіи лично или чрезъ представителей». Подъ такое опредѣленіе закона воля марокскаго султана очевидно не можетъ быть подведена.

Гораздо справедливѣе было бы, на мой взглядъ, обвинить составителей деклараціи въ слишкомъ робкомъ и далеко не достаточномъ обезпеченіи религіозной свободы. Разбираемый нами памятникъ довольствуется заявленіемъ, что «никто не долженъ быть преслѣдуемъ за убѣжденія, хотя бы и религіозныя, подъ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы ихъ внѣшнее выраженіе не нарушало закономъ установленнаго общественнаго порядка». Бентамъ правъ, утверждая, что, въ виду подобной оговорки, Людовикъ XIV охотно бы подписался подъ этой статьей. Вѣдь и въ его царствованіе протестанты подвергались преслѣдованію за нарушеніе закона, не признававшаго другой вѣры, кромѣ католической, а кто нарушаетъ законъ, очевидно подрываетъ и охраняемый имъ общественный порядокъ? При той формулировкѣ, какую свобода совѣсти получила со стороны учредительнаго собранія, еще вопросъ, имѣютъ ли члены другихъ церквей, кромѣ господствующей, свободу проповѣди и свободу культовъ. Та и другая вѣдь необходимо ведутъ къ дѣйствіямъ, легко подводимымъ подъ квалификацію «нарушающихъ общественный порядокъ». Только читая наказы 1789 года, начинаешь понимать дѣйствительный источникъ той сдержанности, чтобы не сказать робости, съ которой собраніе выражаетъ новое для Франціи начало религіозной свободы.

Въ самомъ Парижѣ среднее сословіе настаиваетъ еще на признаніи одной господствующей вѣры (une religion dominante), и къ этому пожеланію жители Ренна въ Бретани прибавляютъ требованіе, чтобы католической вѣрѣ одной было дозволено публичное отправленіе богослуженія. Вѣротерпимость, въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она признаваема была за протестантами до отмѣны нантскаго эдикта,— вотъ къ чему сводится программа большинства избирателей средняго сословія Ниверне, Провинъ, Труа и другихъ бальяжей Франціи. Этотъ идеалъ почти уже былъ достигнутъ въ эпоху составленія деклараціи. Людовикъ XVI эдиктомъ 1787 возстановилъ для протестантовъ свободу, дарованную имъ при Генрихѣ IV. Онъ допустилъ ихъ снова къ пользованію гражданскими и политическими правами. Болѣе этого въ концѣ XVIII вѣка не требовали и сами протестанты. Что же касается до католиковъ, то имъ нельзя поставить въ вину,

что ихъ заботливость о «схизматикахъ» «ограничивалась, по выраженію дворянства Нижняго Лимузена, однимъ устройствомъ ихъ гражданскаго состоянія». Высказываясь въ пользу отмѣны уголовныхъ законовъ противъ претестантовъ, католическое духовенство въ то же время вооружалось противъ «универсальнаго толерантизма ретивыхъ декламаторовъ вѣка» [36]).

При такихъ условіяхъ, удивительно ли, если предложеніе депутата Кастеллана, включить въ текстъ деклараціи слова: «никто не долженъ подлежать преслѣдованію за свои религіозныя убѣжденія или встрѣчать препятствіе въ отправленіи своего культа», не смотря на горячую защиту его Мирабо, не встрѣтило дружной поддержки въ стѣнахъ собранія и если большинство депутатовъ дало предпочтеніе редакціи епископа Лиддскаго, ставящей свободу вѣроисповѣданія въ зависимость отъ такого разнорѣчиваго въ своей интерпретаціи требованія, какъ ненарушеніе отдѣльными церквами существующаго общественнаго порядка. Тщетно доказывалъ Мирабо, что одной терпимости со стороны господствующей церкви недостаточно для обезпеченія религіозной свободы, тщетно ратовалъ онъ противъ самаго термина «господствующій» въ примѣненіи къ культу большинства, тщетно доказывалъ необходимость безусловнаго невмѣшательства государственной власти въ отправленіе отдѣльными церквами ихъ религіозныхъ требъ; большинство предпочло остановиться на формулѣ, оставлявшей ему свободу сохранить за католической церковью принадлежащія ей препреимущества [37]).

Какъ ни несовершенна была избранная учредительнымъ собраніемъ редакція, какой произволъ ни представляетъ она вмѣшательству властей въ дѣла культа и проповѣди, все же справедливость заставляетъ признать, что въ деклараціи правъ религіозная свобода дѣлаетъ значительный шагъ впередъ на пути къ ея окончательному признанію. Надо вспомнить только, что нигдѣ въ Европѣ, не исключая даже короткаго періода республиканскаго режима въ Англіи, свобода вѣры не шла далѣе терпимости по отношенію къ однимъ христіанскимъ сектамъ. Англійскіе радикалы XVII вѣка, не говоря уже о Кромвелѣ, не считали возможнымъ распространить эту терпимость, по крайней мѣрѣ путемъ закона, на магометанство и іудейство, а тѣмъ болѣе на язычество и невѣріе. Пуританская Англія принимала мѣры противъ перевода Корана на англійскій языкъ, настаивала на запрещеніи евреямъ свободнаго поселенія, открыто враждовала со всѣмъ, что въ ея понятіяхъ не отвѣчало вѣрѣ въ Христа и началамъ христіанской нравственности. Для атеистовъ одинаково, по воззрѣніямъ

Вена, Кромвеля и Локка, не можетъ быть терпимости. Никакихъ подобныхъ различій не устанавливаетъ декларація. Для нея нѣтъ болѣе «христіанъ и нехристей, эллиновъ и іудеевъ». Учредительное собраніе озабочено только тѣмъ, чтобы равно допускаемыя имъ религіозныя секты не нарушали мира государства, но каковъ будетъ источникъ самихъ этихъ сектъ, и будутъ ли лежать въ основаніи ихъ христіанскіе догматы или проповѣдь невѣрія и свободнаго мышленія—для него безразлично. Въ этомъ отношеніи оно идетъ несравненно дальше не только Англіи XVII и XVIII в., но и Америки, которая по примѣру своей бывшей метрополіи признаетъ христіанство, «однимъ изъ элементовъ своей конституціи», хотя и болѣе широко подводитъ подъ понятіе его раздѣляющія ея гражданъ вѣроученія, въ томъ числѣ гонимые Кромвелемъ квакерство и социніанство. Справедливость заставляетъ сказать также, что къ протестантизму революціонная Франція отнеслась гораздо терпимѣе, чѣмъ сдѣлала это два столѣтія раньше революціонная Англія по отношенію къ католицизму. Подъ предлогомъ, что главою послѣдняго является иноземный государь, съ которымъ не только позволительно, но и благоразумно никогда не прекращать борьбы, Англія временъ Кромвеля поставила «папизмъ» въ число непризнаваемыхъ ею сектъ. До 1829 года католики не пользовались въ Англіи той полнотою гражданскихъ правъ, какая обезпечена была во Франціи протестантамъ деклараціей правъ и даже ранѣе этого эдиктомъ 1787 года. Въ Ирландіи они всю первую половину вѣка продолжали оставаться въ «осадномъ положеніи». — Итакъ, хотя не полной, но въ то же время далеко превосходящей все предшествующее, надо признать ту гарантію, какую религіозная свобода получила въ деклараціи правъ 89 года.

Еще строже былъ формулированъ собраніемъ другой видъ свободы духовныхъ проявленій личности — свобода слова, письма и печати. Свободное сообщеніе мыслей и взглядовъ есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка, гласитъ 11-ая статья деклараціи. Каждый гражданинъ въ правѣ поэтому говорить, писать и печатать свободно; онъ отвѣчаетъ только за злоупотребленія этой свободой въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ. Смыслъ этой статьи вполнѣ станетъ яснымъ, если сопоставить ее съ другими, встрѣчающимися въ той же деклараціи, четвертой статьей, опредѣляющей свободу, какъ право дѣлать все то, что не вредитъ другому, и пятой, постановляющей, что все незапрещенное закономъ должно считаться дозволеннымъ. Изъ сопоставленія этихъ статей легко вынести то заключеніе, что учредительное собраніе, отрицая въ корнѣ всякую систему предупрежденія,

въ то же время не закрывало глазъ на возможность нарушенія словами и печатью правъ частныхъ лицъ и общества, что, вопреки несправедливо взводимому на него обвиненію въ полнѣйшемъ разнузданіи прессы, оно озабочено было мыслью о подчиненіи ея закону и суду. Провозглашая свободу отъ предварительной цензуры, дѣятели 89 года въ то же время высказывалась въ пользу установленія карательныхъ мѣръ противъ всякихъ злоупотребленій свободою слова, какъ устнаго, такъ и печатнаго.

Въ этомъ отношеніи, какъ и при регулированіи порядковъ личнаго задержанія, они руководствовалось не только теоретическими положеніями, но и вѣковымъ опытомъ свободныхъ странъ и, во главѣ ихъ, Англіи. Раздѣляя положеніе Мильтона о невозможности задержать свободное проявленіе мысли, они въ то же время не расходились съ нимъ въ оцѣнкѣ результатовъ, достигаемыхъ печатнымъ словомъ. И для нихъ, какъ и для англійскаго мыслителя, было ясно, что печать то же, что «зубы Дракона», что она можетъ сдѣлаться угрозой и общественному порядку, и мирному существованію частныхъ лицъ, если не дать одинаково правительственнымъ властямъ и подданнымъ исковую охрану ихъ добраго имени и чести. Эта охрана дана была въ Англіи такъ называемымъ lybel-act, которымъ предоставлялось право преслѣдовать предъ судомъ всѣ случаи не только клеветы, но и диффамаціи, сдѣланныхъ путемъ печати, и подвергать виновныхъ какъ уголовной карѣ, такъ и имущественному взысканію. Составители деклараціи, очевидно, прониклись вполнѣ тѣми мыслями, которыя лежатъ въ основаніи англійскаго законодательства о печати. И это тѣмъ болѣе счастливо, что общественное мнѣніе Франціи, насколько можно судить о немъ по цаннымъ избирателямъ наказамъ, далеко не было единодушно въ требованіи отмѣнить цензуру. Духовенство настаивало даже на усиленіи ея, видя въ ней защиту противъ невѣрія и свободнаго мышленія. Правительство призываемо было уничтожать въ корнѣ возможность изданія книгъ, брошюръ и журналовъ, враждебныхъ вѣрѣ, добрымъ нравамъ и репутаціи частныхъ лицъ. Установленіе духовной цензуры, наряду съ свѣтской, входило въ число желаній довольно либерально настроенныхъ въ другихъ вопросахъ привиллегированныхъ сословій [38]). Одно среднее сословіе открыто признавало право каждаго говорить, писать и печатать что угодно, подлежа отвѣтственности только въ случаѣ нарушенія этимъ путемъ чужихъ признанныхъ закономъ правъ». Оно прибавляло къ этому требованіе, чтобы авторы и типографщики выставляли свои имена на дѣлаемыхъ ими изданіяхъ и совмѣстно съ авторами отвѣчали за ихъ содержаніе [39]).

Нашъ взглядъ на крайнюю умѣренность, съ которой декларація правъ, провозглашаетъ публичныя права гражданъ, находитъ новое подтвержденіе въ томъ фактѣ, что свобода сходокъ и петицій, давно признаваемая уже,—правда, съ извѣстными ограниченіями—въ Англіи и Америкѣ, не упомянута ею ни единымъ словомъ. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы учредительное собраніе отказывало французамъ въ этой свободѣ. Признаніе ея прямо слѣдуетъ изъ факта отнесенія декларацiей къ числу дозволенныхъ дѣйствій всѣхъ тѣхъ, которыя прямо не запрещаются закономъ. Но умолчаніе, о которомъ идетъ рѣчь, все же знаменательно, такъ какъ оно указываетъ въ составителяхъ декларации отсутствіе яснаго пониманія того громаднаго значенія, какое въ представительныхъ демократіяхъ призвано играть право сходокъ. Они далеки были отъ мысли видѣть въ митингахъ необходимое звено въ общемъ механизмѣ свободныхъ учрежденій, существенное восполненіе неизбѣжныхъ въ конституціяхъ недостатковъ и несовершенствъ. То, что говорятъ о митингахъ и ихъ значеніи для уравновѣшиванія хода парламентской машины и конституціонной борьбы партій современные публицисты и во главѣ ихъ Брайсъ, по всей вѣроятности не было бы понято ни Лафайетомъ, ни Мирабо.—А между тѣмъ, справедливая оцѣнка этой свободы, по всей вѣроятности, избавила бы дѣятелей 89 года отъ необходимости включать въ число заявляемыхъ ими правъ «право сопротивленія». Это право, столь же громко провозглашенное въ Англіи великой Хартіей вольностей, нашло практическое признаніе не раньше, какъ послѣ того, какъ за народомъ была признана свобода выражать это сопротивленіе въ формѣ митинговъ и петицій, открывающихъ, одинаково верховной власти и народнымъ представителямъ, глаза на дѣйствительныя нужды націи, побуждающихъ подчасъ короля распустить сдѣлавшійся непопулярнымъ парламентъ или парламентъ прекратить свою оппозицію популярной правительственной программѣ.

Людямъ 89 года недоставало опыта представительныхъ демократій и ни по какой иной причинѣ, какъ по той, что самихъ этихъ демократій еще не было: Англія оставалась прежней аристократіей, да и Американскіе Штаты, съ ихъ довольно ограниченной системой представительства, мало отвѣчали понятію о демократіи. Если бы составители декларации призваны были дѣйствовать столѣтіемъ позже, они, вѣроятно, съ выгодою для свободы замѣнили бы туманное по своему смыслу и анархическое по содержанію право «сопротивленія» вполнѣ закономѣрнымъ и не грозящимъ порядку правомъ мирно сходиться для обсужденія своихъ нуждъ и мирно заявлять

правительству и палатамъ о желательныхъ въ ближайшемъ будущемъ мѣропріятіяхъ.

Декларація правъ занята не однимъ лишь изложеніемъ публичныхъ правъ гражданъ. Ея заботливость въ равной мѣрѣ вызываютъ и ихъ политическія права. Надо отдать ту справедливость собранію, что оно какъ нельзя вѣрнѣе поняло, въ чемъ именно лежитъ дѣйствительная гарантія системы самоуправленія общества. И говоря это, я разумѣю не провозглашеніе голаго принципа, что нѣтъ власти, которая бы не исходила отъ народа, такъ какъ принципъ этотъ, наравнѣ съ противуположнымъ ему началомъ: нѣтъ власти иже не отъ Бога, можетъ быть одинаково источникомъ и народовластія и деспотіи. Римскіе императоры, какъ извѣстно, не производили своей власти ни отъ кого инаго, какъ отъ народа; на суверенитетѣ народа въ его естественномъ состояніи строилъ Гоббзъ свою теорію неограниченнаго правителя свѣтскаго и духовнаго, а Кромвель свою систему военной диктатуры. И римскіе юристы, съ ихъ lex regia, и авторъ Левіаѳана, ни мало не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, могли бы подписаться подъ третьей статьею деклараціи, гласящей: никакое собраніе и никакое частное лицо не можетъ осуществлять власти, которая бы не исходила отъ народа. И въ столѣтіе, слѣдовавшее за революціей, ученіе о народѣ, какъ источникѣ всякаго верховенства, ни мало не помѣшало полнѣйшему подавленію политической свободы Бонапартами.

Оба Наполеона открыто производили свою власть отъ народа. Объявляя себя единственнымъ представителемъ націи, Наполеонъ I въ своемъ обращеніи къ палатѣ указывалъ на народъ, какъ на виновника его власти. Приверженцы демократическаго цезаризма всегда были и доселѣ остаются партіей непосредственнаго воззванія къ народу (appel au peuple). Тяжелымъ опытомъ Франція дошла до сознанія, что разномысліе по вопросу о первичномъ источникѣ власти въ дѣйствительности мало затрогиваетъ существенный для народа вопросъ о политической свободѣ. Самоуправленіе общества, къ чему сводится на самомъ дѣлѣ эта свобода, отнесемъ ли мы ее, по примѣру англичанъ и американцевъ, къ предначертаніямъ Божескаго Промысла, или, по примѣру французовъ, къ народному выбору, возможно только подъ условіемъ участія народа чрезъ его представителей въ налоговомъ обложеніи, законодательствѣ, и контролѣ за управленіемъ. Средствомъ къ послѣднему является отвѣтственность тѣхъ органовъ, которымъ народное представительство ввѣряетъ осуществленіе правительственныхъ функцій.

Эти далеко не сложныя истины были выработаны многовѣковымъ

опытомъ средневѣковыхъ сословныхъ монархій. Въ серединѣ XIV в. они сознаваемы были во Франціи не хуже, чѣмъ въ Англіи или Аррагоніи. Заслугу людей 1789 года составляетъ то, что, увлекаясь новѣйшими теоріями народнаго суверенитета и раздѣленія властей, платя имъ дань въ отдѣльныхъ положеніяхъ своей деклараціи, они въ то же время оцѣнивали по достоинству все значеніе этихъ старыхъ истинъ и соотвѣтственно постарались дать имъ полное признаніе.

«Всѣ граждане, объявляетъ декларація правъ, участвуютъ чрезъ представителей въ изготовленіи законовъ (ст. 6), имѣютъ право лично или чрезъ представителей удостовѣриться въ необходимости налога, свободно дать или отказать въ согласіи на его взиманіе, опредѣлить его размѣръ, способъ обложенія, срокъ и порядокъ взиманія (ст. 14). Общество въ правѣ требовать отъ всякаго чиновника отчета въ его административной дѣятельности» (ст. 15).

Такое ясное пониманіе дѣйствительныхъ требованій всякаго свободнаго правительства указываетъ на глубое знакомство членовъ учредительнаго собранія съ механизмомъ какъ англійской, такъ и американской конституціи. И дѣйствительно, многіе изъ дѣятелей 89 г. знали ихъ и изъ личныхъ наблюденій, какъ Лафайетъ и Бриссо, и изъ чтенія классическихъ трактатовъ по политикѣ, не исключая въ томъ числѣ знаменитыхъ Комментаріевъ Блакстона. О Лафайетѣ Марія Антунета говорила, что его взгляды и поступки опредѣляются тѣмъ, что дѣлается въ Филадельфіи. Бриссо обязанъ былъ отчасти своимъ вліяніемъ продолжительному пребыванію въ Англіи. Сочиненія Мирабо рисуютъ его намъ человѣкомъ, которому одинаково были доступны всѣ тонкости государственнаго механизма Англіи, Голландіи, Пруссіи и Соединенныхъ Штатовъ [40]. Члены собранія: Малуе, Лалли-Толендаль, Мунье и Вирье, принадлежатъ къ числу немногихъ политическихъ дѣятелей, сужденія которыхъ объ англійскихъ порядкахъ могутъ быть приводимы въ образецъ чуткости и прозорливости французскихъ публицистовъ. Но, можетъ быть, никто изъ французовъ XVIII-го вѣка, болѣе Малле-Дюпанъ не заслуживаетъ названія истолкователя началъ англійской конституціи, главное достоинство которой онъ видитъ въ томъ что «она въ своихъ предначертаніяхъ постоянно имѣетъ предъ глазами неизбѣжное столкновеніе человѣческихъ страстей и одна умѣетъ пользоваться имъ для цѣлей свободы» [41]).

Отъ такихъ руководителей можно было ожидать конституціи, болѣе отвѣчающей жизненному опыту и потому болѣе почвенной и живучей, чѣмъ та, которою надѣлила Францію учредительное собраніе. И дѣйствительно, если бы голосъ ихъ не былъ заглушенъ тѣми, которыхъ

тотъ же Малле-Дюпанъ изображаетъ поборниками начала неограниченнаго народнаго суверенитета и конституція 1791 г. не оказалась бы попыткой примирить непримиримое, монархическую форму и республиканское содержаніе, независимость исполнительной власти и требованіе, чтобы король приводилъ въ дѣйствіе нежелательные ему законы, свободу короля въ выборѣ министровъ и отвѣтственность ихъ передъ собраніемъ за направленіе ихъ политики, государственное верховенство монарха и запрещеніе ему входить въ стѣны палаты. Разумѣется, главная вина лежала въ событіяхъ, въ иноземной войнѣ, поднятой противъ Франціи эмиграціей, въ непрекращавшемся заговорѣ королевской партіи противъ новыхъ порядкокъ, въ возрастающемъ, вслѣдствіе голода, раздраженіи народныхъ массъ... но все это не мѣшаетъ потомству произнести надъ людьми 89 года то справедливое осужденіе, что ихъ важнѣйшій законодательный памятникъ, конституція 91 года, стоитъ несравненно ниже тѣхъ ожиданій, какія могла вызвать составленная ими полтора года ранѣе декларація. Конституція 91 года не болѣе, какъ послѣдовательное развитіе и доведеніе до абсурда теоріи раздѣленія властей. Политическія статьи декларацiи—признаніе завѣщанныхъ опытомъ вѣковъ началъ правоваго государства.

Заключая въ себѣ гарантію публичныхъ правъ человѣка и политическихъ правъ народа, принципы 89 года, по замѣчанію нѣкоторыхъ критиковъ, совершенно упускаютъ изъ виду тѣ посредствующіе органы, какіе существуютъ въ обществѣ между государствомъ и индивидомъ: самоуправляемую сельскую и городскую общину и національность, какъ нѣчто отличное отъ народа, входящее въ его составъ, какъ часть въ цѣлое, подъ условіемъ сохраненія извѣстныхъ отличій, извѣстной доли автономіи, принимающей форму провинціальныхъ вольностей.

Первый упрекъ справедливъ развѣ въ примѣненіи къ тексту декларацiи, который дѣйствительно ни словомъ не упоминаетъ о системѣ мѣстнаго самоуправленія. Его нельзя направить противъ всей учредительной дѣятельности собранія. Мѣстные наказы рекомендовали депутатамъ созданіе системы свободныхъ общинъ и они свято исполнили эту миссію, надѣливъ Францію избирательными мэрами и муниципальными совѣтами.

Второй упрекъ не только не справедливъ, но не имѣетъ подъ собою почвы. Нельзя обвинять людей въ непризнаніи того, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было, или что потеряло уже всякій смыслъ и значеніе; а провинціальныя вольности Франціи—этотъ слабый проблескъ авто-

номіи, признаваемой нѣкогда французскими монархами за присоединявшимися къ Франціи народностями,—въ 1789 г. находились именно въ сказанныхъ условіяхъ. Рука Ришелье и Людовика XIV прошлась по нимъ гораздо ранѣе того, чѣмъ сами депутаты, приравнивая вольности городовъ и провинцій къ потерявшимъ смыслъ и значеніе сословнымъ привиллегіямъ, сочли нужнымъ принесть ихъ въ жертву на «алтарь отчизны». Поступая такимъ образомъ, они по собственному сознанію, руководились тѣмъ соображеніемъ, что ожидаемая конституція обезпечитъ ихъ довѣрителямъ гораздо большія права, чѣмъ тѣ, какія гарантированы были имъ провинціальными вольностями. Полнаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія слова депутатовъ отъ Прованса: «мы отказываемся отъ нашей провинціальной конституціи, надѣясь, что та, которую вы дадите всей Франціи, будетъ лучше (nous vous abandonnons notre constitution de Provence parceque nous espérons que vous nous en donnerez une meilleure) [42]). Слова эти лишній разъ доказываютъ ту неоспоримую истину, что ревнивое охраненіе провинціальной автономіи мыслимо лишь до тѣхъ поръ, пока эта автономія существуетъ бокъ объ бокъ съ безправіемъ остальныхъ частей государства. Но стоитъ только государству вступить на путь политической свободы и всякій мѣстный сепаратизмъ теряетъ свой raison d'être. Разсчетъ въ данномъ случаѣ очень простъ. Неравенство въ правахъ, разумѣется, лучше равенства въ безправіи, но какая надобность держаться за неравенство, когда всѣмъ обезпечена одинаковая свобода? Если отдѣльные города и провинціи, если Парижъ, Монпелье, Эксъ, спѣшили добровольнымъ отказомъ отъ своихъ спеціальныхъ учрежденій и судовъ, если воззваніе муниципалитета столицы къ департаментамъ по случаю предстоящаго праздника федераціи: «мы болѣе не бретонцы, не провансальцы, не овернцы и не парижане, мы французы» всюду встрѣчаемо было съ несомнѣнными признаками энтузіазма, то источникъ всего этого лежитъ въ томъ, что съ 1789 года свобода, по выраженію Малуэ сдѣлалась «свѣтиломъ, одинаково озаряющимъ всѣхъ гражданъ государства» [43]).

Мы кончили съ разборомъ отдѣльныхъ статей декларація и намъ остается высказать нашъ взглядъ, частью на счетъ ея цѣлесообразности, частью на счетъ значенія, какое въ наше время могутъ имѣть провозглашаемыя ею начала. Какъ въ средѣ современниковъ, такъ и въ средѣ потомства, нерѣдко слышатся голоса, что декларація правъ была совершенно излишней. Малуэ и Мирабо одинаково настаивали на необходимости или вовсе не издавать ея, или слить ее воедино съ текстомъ но-

вой конституціи. Бентамъ и его женевскій сотрудникъ Дюмонъ думаютъ, что, издавая свою декларацію, учредительное собраніе спѣшило обѣщать народу права, которыя оно само же принуждено было вскорѣ отобрать. Все это совершенно вѣрно, но вѣрно также и то, что обязательные для депутатовъ наказы требовали наискорѣйшаго изданія собраніемъ торжественнаго объявленія правъ человѣка [44]). Столь же несомнѣнно, что сами депутаты сознавали необходимость въ будущемъ регулировать, т. е. ввести въ извѣстныя рамки обѣщанныя ими вольности. Обнародовать тѣ начала, на которыхъ должна опираться конституція всѣхъ свободныхъ народовъ, думали многіе изъ нихъ, дѣло деклараціи. Она не устраняетъ необходимости органическаго закона, которымъ общія права человѣка были бы согласованы съ особенностями французскаго національнаго характера. «Задача деклараціи, говорилъ Дюпоръ—выразить истины для всѣхъ временъ и народовъ. Что въ томъ, если бы онѣ и противорѣчили отчасти той конституціи, какая будетъ принята нами? Деклараціи достаточно установить ихъ. Дѣло конституціи внести въ нихъ видоизмѣненія и ограниченія» [45]). Нѣкоторые депутаты стояли за то, чтобы восполнить декларацію правъ одновременнымъ заявленіемъ объ обязанностяхъ человѣка, но это заявленіе по своей практичности мало чѣмъ превышаетъ то, какое Карлейль, заднимъ числомъ, дѣлаетъ по адресу учредительнаго собранія, предлагая ему составить инвентарь того, что лежитъ въ предѣлахъ человѣческой возможности (a declaration of human mights). Если въ деклараціи правъ многія положенія являются простыми абстракціями, мѣсто которомъ скорѣе въ Метафизическихъ началахъ правовѣдѣнія Канта, нежели въ актѣ, исходящемъ отъ законодательной власти, то, что сказать о тѣхъ, какія заключаетъ въ себѣ предложенный собранію проектъ перечисленія обязанностей гражданина? «Каждый французъ обязанъ уважать Бога, значится въ немъ, религію и ея служителей, а также оказывать почтеніе королю, какъ особѣ священной и неприкосновенной. Повиновеніе законамъ есть высшая добродѣтель—французъ долженъ признавать права ближняго [46]). Какія юридическія начала заключаютъ въ себѣ эти не снабженныя санкціей нравственныя и религіозныя сентенціи и какое право имѣютъ они на включеніе во что бы то ни было, кромѣ текста даваемыхъ дѣтямъ прописей?

Подтвержденныя опытомъ опасенія Мирабо, что декларація не будетъ понята тѣми, для кого она назначена, объясняются не самой природой этого акта, еще менѣе отсутствіемъ въ немъ параллельнаго правамъ перечня обязанностей, а исключительно несовершенствомъ редакціи, дающей право ожидать отъ данныхъ собраніемъ объ-

щаній болѣе, чѣмъ въ силахъ даровать самое либеральное въ мірѣ правительство. «Люди рождаются и пребываютъ свободными и равными въ правахъ»—фраза, которой начинается первая статья декларацій безъ сопоставленія съ другими статьями и въ связи съ §§ о сопротивленіи, какъ о естественномъ правѣ, очевидно можетъ возбудить въ умахъ надежды на безграничное равенство и вѣру въ священное право революціи. Нечего и говорить, что ни то, ни другое не входило въ разсчеты дѣятелей 89 года.

Но отсюда до признанія безцѣльности или даже вреда деклараціи еще далеко. «Люди потеряли свои права и нуждаются въ напоминаніи, о нихъ, говорилъ депутатъ Дюпоръ». Такое напоминаніе входило въ разсчеты партіи, все будущее которой опиралось на сознаніи народомъ необходимости утерянныхъ имъ вольностей. Чтобы обезпечить себѣ побѣду, дѣятелямъ 1789 года приходилось прежде всего революціонировать умы народныхъ массъ, а для этого не было инаго пути, кромѣ повсемѣстно обнародуемыхъ манифестовъ. Такимъ манифестомъ и была для людей 89 года декларація правъ человѣка. Изданіе ея еще потому должно быть признано мѣрою, вполнѣ политичной, что связывало руки санкціонировавшему ее правительству. Всѣ пути отступленія были отрѣзаны ему съ того времени, когда Людовикъ XVI скрѣпилъ декларацію своею подписью. Поворотъ къ стариннымъ порядкамъ не могъ съ этого момента произойти иначе, какъ путемъ всегда опасной для правительства контръ-революція.

Итакъ, декларація правъ человѣка и гражданина была несомнѣнно мѣрою цѣлесообразною. Остается рѣшить еще, какое значеніе имѣетъ она для нашего времени; слѣдуетъ ли видѣть въ ней великую хартію народныхъ вольностей, общую для всѣхъ временъ и народовъ, или одностороннее выраженіе политическихъ требованій средняго сословія? И то и другое воззрѣніе кажется намъ одностороннимъ. Народныя вольности или, точнѣе, блага, которыхъ подданные въ правѣ ожидать отъ правительства, заботливаго объ обезпеченіи всеобщаго благоденствія, не исчерпываются гарантируемыми деклараціею правами. Уже Малуэ считалъ нужнымъ восполнить ее обѣщаніемъ общественной помощи неимущимъ [47]).

Право на трудъ, признанное еще въ 16 вѣкѣ въ Англіи законодательствомъ Елизаветы, предписывавшимъ устройство рабочихъ домовъ для нищихъ и снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ для производства работъ, необходимо должно найти себѣ мѣсто въ числѣ тѣхъ правъ, гарантія которыхъ падаетъ на обязанность современнаго государства.

И пусть не возражаютъ мнѣ, что включеніе этого права въ де-

кларацію противорѣчило бы тѣмъ представленіямъ, какія ея составители имѣли о задачахъ государства. Декларація 89 года потому и не можетъ быть названа хартіей однихъ буржуазныхъ вольностей, что она ни единымъ словомъ не даетъ права утверждать, будто для ея составителей задача государства исчерпывалась обезпеченіемъ безопасности и правосудія. Ясно выраженное въ ней обѣщаніе подоходнаго, если не прогрессивнаго налога (налогъ долженъ быть равномѣрно распредѣленъ между гражданами, сообразно ихъ платежнымъ способностямъ (facultés, ст. 13) и не менѣе смѣлое заявленіе, что собственность можетъ сдѣлаться предметомъ государственной экспропріаціи, если того будетъ требовать общественная необходимость (ст. 17), не даютъ права сомнѣваться, что составители деклараціи понимали цѣли современнаго государства нѣсколько отлично отъ тѣхъ, которые въ наши дни взываютъ къ деклараціи 89 года для оправданія политики laissez faire.

Принципы 89 года шире того, чѣмъ думаютъ, и нѣтъ основанія полагать, чтобы на почвѣ свободы не было возможности достигнуть рѣшенія соціальнаго вопроса.

---

1) De Laudibus legum Angliae — The difference between an absolute and limited monarchy.

2) Терминомъ natural law—естественное право, уже Фортескью озаглавливаетъ одно изъ своихъ сочиненій.

3) Il faut que le pouvoir arrête le pouvoir, говоритъ онъ.

4) Locke, Cumberland, Hume, Rousseau, et plusieurs autres, говоритъ одинъ изъ депутатовъ учредительнаго Собранія, de Londine, ont développé les mêmes principes que ceux que nous apliquons aujourd'hui, leurs ouvrages les ont fait germer parmi nous (Buchez et Roux, т. II, стр. 205.).

5) Сессія 17 августа 1789 г.

6) Сессія 27 іюля 1789 г.

7) Предложеніе аббата Боннефуа, сдѣланное въ засѣданіи 19 августа 1789 г.

8) Засѣданіе 20 августа 1789 г.

9) См. рѣчь M. de Crenière въ засѣданіи 1 августа 1789 г.

10) Рѣчь того-же депутата Креньера (Buchez et Roux, т. II, стр. 193.)

11) Il ne s'agit pas ici de faire une dèclaration des droits seulement pour la France, mais pour l'homme en général. Ces droits sont de tous les temps et avant les lois.

12) Etienne Dumont de Genève. Souvenirs sur Mirabeau, стр. 138.

13) Contrat Social, ch. VI et VII.

14) Il est contre la nature du corps politique, que le souverain s'impose une loi qu'il ne puisse enfreindre. Contrat social, ch. 7.

15) Lettre d'un gentilhomme à Messieurs du tiers état (Oeuvres, т. IX, стр. 234).

[16]) Buchez et Roux, Hist. parl. т. II, стр. 312.

[17]) Camille Desmoulins, La France libre. 1789, стр. 10.

[18]) Oeuvres de Jérémie Bentham, т. I. Sophismes Anarchiques, стр. 521.

[19]) Sophismes Anarchiques, т. I, стр. 510.

[20]) Buzot: «Un pouvoir ne pouvant etre arrèté par rien, est par cela même despotique». Это мнѣніе раздѣляемо было всѣми членами Жиронды. Уже въ учредительномъ собраніи его открыто высказывалъ Virieu (H. Parl. т. II, стр. 189): „Le despotisme de la multitude est le plus funeste de tous".

[21]) Essai sur la révolution française, стр. 158.

[22]) См. Les Cahiers de 89, par Léon de Poncis, стр. 127.

[23]) Ibid., стр. 135.

[24]) Большинство наказовъ средняго сословія и дворянства, въ частности наказы средняго сословія отъ Медона и Меца. См. Les Cahiers de 89, стр. 153 и 154.

[25]) Moniteur 1 марта 1791 года. Laurent, Études sur l'histoire de l'humanité, La révolution française, т. I, стр. 53—55 втораго изданія.

[26]) Rapport de M. Thouret au nom de comité de constitution (Séance du Mardi 29 septembre 1789, Moniteur, № 65): L'objet essentiel de la constitution étant de définir et de séparer les différents pouvoirs... il parait nécessaire qu'il soit statué constitutionnellement... que les assemblées administratives ne pourront être traversées, ni arrêteés dans leurs fonctions administratives par aucun acte du pouvoir judiciaire.

[27]) Séance du Mardi, Déc. 1789. Moniteur, № 101.

[28]) Moniteur, Séance du mercredi 6 Avril 1791. Discussion sur l'organisation du ministère.

[29]) Buchez et Roux, H. parl., т. II, стр. 274.

[30]) Ibid., стр. 304.

[31]) Buchez et Roux, т. I, стр. 337.

[32]) Ibid., т. II, стр. 79, 178.

[33]) Camille Desmoulins, La France libre (1789), стр. 10.

[34]) См. Hérisson, Autour d'une révolution. Lettre du comte de Virieu: L'opiniâtreté gagne seule des batailles. Par exemple, le principe consacré de la propriété, nécessaire pour entrer dans les assemblées nationales, eut été perdu sans moi... Un jour de bonheur et de courage de ma part a valu à la nation d'être sauvée de ce dernier crime contre son bonheur et sa liberté, I Nov. 1789 (стр. 20).

[35]) Sophismes Anarchiques, т. I, Oeuvres de Jérémie Bentham, стр. 518.

[36]) Poncis. Les cahiers de 89, стр. 139—145.

[37]) Buchez et Roux, т. II, стр. 324—335.

[38]) Résumé des Cahiers, t. II, p. 65.

[39]) Ibid.

[40]) Buchez et Roux, т. I, стр. 337. Extrait des cahiers du tiers-état de Paris.

[41]) «La foule ne voit, ni ne verra de longtemps, que nons n'estimons pas les lois britanniques, uniquement parcequ'elles sont britanniques, mais parcequ'elles reposent sur l'action inévitable des passions humaines et sur les seuls moyens de les rendre utiles à la liberté (lettre à Mounier. Paris le 14 mars 1790). См. Le Comte d'Hérisson. Autour d'une révolution, стр. 94.

[42]) Buchez et Roux, H. Parlementaire, т. II, стр. 316.

43) La liberté doit étre comme l'astre du jour qui luit pour tout le monde (Buchez et Roux, H. parl., т. II, стр. 200). Учредительное собраніе не ограничило своей дѣятельности никакими мѣропріятіями къ искусственному воцаренію въ школахъ и церквахъ одного французскаго языка. Законъ 20 іюля 1794 г., запрещающій употребленіе нѣмецкаго языка въ судахъ, школахъ и церквахъ, подъ страхомъ шестимѣсячнаго тюремнаго заключенія—дѣло якобинцевъ и первымъ его исполнителемъ былъ СенъЖюстъ, засадившій до двухъ тысячъ стразбургскихъ нѣмцевъ въ тюрьму за неисполненіе этого приказа. См. Richter. Staats und Gesellschaftsrecht der französischen Revolution, т. I, стр. 43.

44) Нѣкоторые депутаты прямо начинали свою рѣчь заявленіемъ: Je suis chargé par mon bailliage de réclamer une déclaration des droits de l'homme (Buchez et Roux, т. II, стр. 192).

45) La déclaration est pour les établir, la constitution est pour les modifier et les circonscrire (Buchez et Roux, т. II).

46) Проектъ редактированъ былъ депутатомъ d'Avaray (H. parlem., т. II, стр. 223).

47) „Lui direz-vous (au citoyen) que dans l'indigence il a droit au secours de tous, tandis qu'il invoque peut-être en vain la pitié des passants, tandis qu'à la honte de nos lois et de nos moeurs aucune précaution egislative n'attache à la société les infortunés que la misère en sépara“ (Buchez et Roux, т. II, стр. 203).

Максимъ Ковалевскій.

О БЕЗБРАЧІИ КАКЪ О ПОСЛѢДСТВІИ РАСТОРЖЕНІЯ БРАКА ПО ПРИЧИНѢ ПРЕЛЮБОДѢЯНІЯ.

I.

Христосъ въ нагорной своей бесѣдѣ [1]) изложилъ нравственное ученіе, начавъ съ указанія тѣхъ положительныхъ добродѣтелей и добродѣтельныхъ свойствъ, который входятъ въ идеалъ христіанскаго нравственнаго совершенства и доставляютъ блаженство людямъ [2]), и кончилъ увѣщаніемъ исполнять на самомъ дѣлѣ Его нравственное ученіе, такъ чтобы слушатель христіанской проповѣди уподоблялся мужу мудрому, создавшему храмину свою на камнѣ, а не мужу неразумному, строящему зданіе свое на пескѣ и не могущему охранить его отъ первой случившейся бури [3]). Во время своей нагорной бесѣды съ народомъ, Господь между прочимъ коснулся отношенія между христіанскимъ нравственнымъ закономъ и закономъ ветхозавѣтнымъ. Христосъ пришелъ не отмѣнить ветхозавѣтный законъ, но восполнить и усовершить его, ставя передъ глазами послѣдователей христіанскаго ученія идеалъ нравственнаго совершенства, столь же безконечный, какъ безконечны совершенства Отца небеснаго [4]). Если въ древнемъ законѣ было воспрещено убійство, то, по ученію Христа, подлежитъ осужденію и всякій гнѣвъ на брата, такъ что даже приношеніе къ алтарю должно быть дѣлаемо не иначе, какъ послѣ примиренія съ братомъ [5]). Если древній законъ содержалъ въ себѣ запрещеніе нарушать супружескую вѣрность прелюбодѣяніемъ: то, по христіанскому нравственному закону, уже одинъ похотливый взглядъ на женщину есть подлежащее осужденію прелюбодѣяніе, ибо христіанскій нравственный законъ требуетъ, чтобы зло было вырвано съ корнемъ изъ самой внутренней глубины человѣческаго существа [6]). И если ветхозавѣтный законъ требовалъ, чтобы

мужъ, желающій разорвать брачный союзъ съ женой, дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ случайной вспышки и произвола, а облекалъ разводъ въ законную форму, выдавая женѣ письменный разводный документъ: то, по нравственному христіанскому закону, всякій разводящійся съ женою не по причинѣ любодѣянія даетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать, такъ какъ разведенная получаетъ возможность супружескаго сожитія съ другимъ мущиной, — и всякій, вступающій въ супружеское сожитіе съ разведенною женщиной, прелюбодѣйствуетъ [7]),—такъ какъ женщина эта не перестаетъ быть женою того, кто неосновательно развелся съ нею, т. е. по какой либо другой причинѣ, кромѣ вины любодѣянія. Въ древнемъ законѣ воспрещена ложная клятва; христіанскій же нравственный законъ вообще не одобряетъ клятвы [8]). Ветхій завѣтъ допускалъ возмездіе за насилія и обиды со стороны терпѣвшаго обиду и ненависть къ врагу; по христіанскому же нравственному закону требуется, чтобы тотъ, кого ударили въ правую щеку, подставилъ и лѣвую, чтобы тотъ, у кого соперникъ хочетъ оттягать судомъ верхнюю одежду, отдалъ добровольно этому сопернику и нижнее одѣяніе, и чтобы вообще христіанинъ имѣлъ любовь къ своимъ врагамъ, благословлялъ проклинающихъ его, дѣлалъ добро ненавидящимъ его и молился за тѣхъ, кто угрожаетъ ему и преслѣдуетъ его [8]).

Итакъ, контекстъ нагорной проповѣди Іисуса Христа даетъ видѣть, что заповѣдь о нерасторженіи брака по какимъ либо другимъ поводамъ, кромѣ вины любодѣянія, предложена Христомъ въ связи со многими другими нравственными заповѣдями, какъ одинъ изъ членовъ, или какъ одна изъ составныхъ частей въ системѣ *нравственнаго* христіанскаго закона.

Заповѣдь о нерасторженіи брака по какимъ либо другимъ поводамъ, кромѣ вины любодѣянія, повторена Христомъ въ другой разъ, какъ разсказываетъ тотъ же евангелистъ Матѳей, у котораго изложена нагорная проповѣдь. На вопросъ фарисеевъ: — можно ли человѣку разводиться съ своей женой по всякой причинѣ? Христосъ отвѣтилъ, что Богъ, создавъ мужа и жену, сочеталъ ихъ въ одну плоть не затѣмъ, чтобы человѣкъ разрывалъ этотъ, Богомъ сочетанный, союзъ, и если Моисей, по жестокосердію евреевъ, постановилъ давать женѣ разводъ въ формѣ разводнаго письма, — то, по христіанскому нравственному закону, всякій, разводящійся съ женою не за любодѣяніе и женящійся на другой, прелюбодѣйствуетъ, равно какъ прелюбодѣйствуетъ и тотъ, кто женится на разведенной. Когда это требованіе христіанскаго нравственнаго закона показалось слишкомъ тяжкимъ для учениковъ Христа, слушавшахъ Его проповѣдь,—такъ что они заявили,

что въ такомъ случаѣ лучше человѣку и не жениться, — Христосъ указалъ имъ на идеально-нравственный характеръ этой заповѣди; къ исполненію ея всѣ должны стремиться, но исполнить ее не всѣ могутъ въ одинаковой мѣрѣ; не всѣ вмѣщають эту заповѣдь нравственнаго закона, а только тѣ, кому дано, и кому дано, кто можетъ ее вмѣстить, тотъ пусть ее и выполняетъ [10]).

О расторженіи брака говорятъ еще, кромѣ Матѳея, два другіе евангелиста: Маркъ и Лука. Маркъ разсказываетъ о томъ же случаѣ, который переданъ въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ изъ Евангелія Матѳея, т. е. объ отвѣтѣ Христа на предложенный ему фарисеями вопросъ по поводу расторженія брака. Сущность отвѣта состоитъ въ томъ, что кто разводится съ своей женой и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ съ этою послѣднею, а равно и жена, разводящаяся съ своимъ мужемъ и выходящая за другаго, прелюбодѣйствуетъ [11]). Евангелистъ Лука, не упоминая о вопросѣ, который послужилъ для Іисуса Христа поводомъ къ преподанію Имъ заповѣди, приводитъ только самую заповѣдь: всякій, разводящійся съ женою своей и вступающій въ бракъ съ другою, прелюбодѣйствуетъ, и тотъ, кто женится на женщинѣ, получившей отъ своего мужа разводное письмо, прелюбодѣйствуетъ [12]). Такимъ образомъ оба евангелиста излагаютъ заповѣдь о нерасторженіи брака, какъ безусловную, не упоминая даже и о томъ исключеніи, которое оговорено въ Евангеліи Матѳея, т. е. о возможности расторженія брака по винѣ любодѣянія. Основываясь же на буквальномъ смыслѣ выраженій всѣхъ трехъ евангелистовъ, одинъ другимъ дополняемыхъ, и принимая во вниманіе обстоятельства, при которыхъ предложена была Христомъ Спасителемъ заповѣдь о разводѣ, мы представляемъ себѣ евангельское ученіе объ этомъ предметѣ въ слѣдующемъ видѣ:

1) кто отпускаетъ, т. е. даетъ разводную своей женѣ [13]) не за любодѣяніе, даетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать;

2) кто даетъ разводную женѣ не за любодѣяніе и женится на другой, прелюбодѣйствуетъ;

3) кто женится на разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ;

4) жена, дающая разводъ мужу не по винѣ любодѣянія [14]) и выходящая за другаго мужа, прелюбодѣйствуетъ,—отсюда слѣдуетъ, что мужъ и жена въ отношеніи къ разводу несутъ на себѣ одинаковыя нравственныя обязанности, т. е. нравственное оправданіе для обоихъ супруговъ можетъ имѣть лишь одинъ единственный поводъ къ разводу: вина любодѣянія одного изъ нихъ;

5) въ томъ случаѣ, когда разводъ является нравственно допусти-

мымъ, нравственно допустимъ второй бракъ разведшагося супруга,— это послѣднее вытекаетъ изъ того соображенія, что Господь, говоря съ евреями о разводѣ, могъ понимать разводъ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ понимался и практиковался у евреевъ, т. е. въ смыслѣ развода съ возможностію вступленія въ новый бракъ, и, кромѣ того, изъ буквальнаго смысла евангельскаго ученія: если тотъ, кто разводится съ супругомъ не за любодѣяніе и женится на другой или выходитъ за мужъ за другаго, прелюбодѣйствуетъ, то, напротивъ, тотъ, кто разводится съ супругомъ за любодѣяніе и вступаетъ затѣмъ въ новый бракъ, не прелюбодѣйствуетъ.

Евангельская заповѣдь о нерасторженіи брака поддерживается во всей ея силѣ апостоломъ Павломъ, по ученію котораго супружескій союзъ связываетъ супруговъ узами, расторгаемыми лишь смертію одного изъ нихъ [15]), и не долженъ быть разрываемъ даже и въ томъ случаѣ, когда одинъ сдѣлается христіаниномъ, а другой останется въ невѣріи, т. е. въ язычествѣ, развѣ если самъ невѣрный супругъ откажется отъ продолженія супружескаго сожитія [16]).

Таково ученіе о разводѣ въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта. Прослѣдимъ теперь кратко положеніе вопроса о разводѣ въ исторіи христіанской церкви.

II.

Изъ церковныхъ писателей, оставившихъ свидѣтельство по данному вопросу, всего ближе и тѣснѣе примыкаетъ къ апостольскому времени Ермъ, авторъ книги подъ названіемъ: «Пастырь», которая долгое время пользовалась въ христіанствѣ авторитетомъ, почти равнымъ авторитету апостольскихъ посланій, и читалась публично въ церквахъ. Эта книга служитъ прекраснымъ показателемъ той высоты и строгости не нравственныхъ уже только, а нравственно-дисциплинарныхъ воззрѣній и требованій относительно расторженія брака, на уровнѣ которыхъ церковь стояла въ непосредственно-послѣ-апостольское время. Ангелъ, который въ «Пастырѣ» представляется постояннымъ спутникомъ и руководителемъ Ерма, разъясняетъ ему, что мужъ *долженъ* прервать супружеское сожитіе съ женою, нарушившею вѣрность ему, какъ только сдѣлается ему извѣстною ея невѣрность, и что онъ не прежде можетъ возстановить сожитіе съ нею, какъ по исполненіи ею требуемаго церковною дисциплиною покаянія. Прервавъ супружеское сожитіе съ невѣрною женою, какъ только факты убѣдили его въ ея невѣрности, *мужъ не можетъ вступать въ но-*

вый бракъ, и если вступаетъ, дѣлается виновнымъ въ прелюбодѣяніи, а, по понесеніи женою покаянія, не можетъ не принять ее, какъ искупившую свой грѣхъ покаяніемъ. Точно также должна дѣйствовать и жена въ отношеніи къ мужу, въ случаѣ нарушенія имъ супружеской вѣрности [17]). Нарушеніе же супружеской вѣрности или прелюбодѣяніе должно быть понимаемо не въ буквальномъ только смыслѣ плотскаго грѣха, а и въ смыслѣ впаденія въ идолопоклонство, а также въ другія дѣла, подобныя тѣмъ, которыя совершаются язычниками, такъ что кто упорствуетъ въ этихъ дѣлахъ и не приноситъ покаянія въ нихъ, съ тѣмъ должно быть прекращено супружеское сожитіе [18]). Выразившійся въ «Пастырѣ» взглядъ на разводъ по прелюбодѣянію имѣетъ своимъ источникомъ высокія требованія христіанскаго нравственнаго идеала и въ общемъ соотвѣтствуетъ извѣстнымъ уже намъ мѣстамъ Св. Писанія; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и притомъ весьма важныхъ, онъ не совпадаетъ съ взглядомъ Св. Писанія. «Пастырь» Ерма не знаетъ развода въ смыслѣ разорванія самаго брачнаго союза quoad vinculum съ возможностію для разведеннаго супруга вступить въ новый бракъ, а знаетъ лишь прерваніе супружескаго сожительства на время, въ случаѣ готовности преступнаго супруга къ понесенію покаянія, или навсегда, въ случаѣ его нераскаянности и неисправимости. Съ другой стороны, это прерваніе супружескаго сожительства «Пастырь» допускаетъ не только въ случаѣ прелюбодѣянія въ буквальномъ смыслѣ нарушенія супружеской вѣрности плотскимъ грѣхомъ, но и въ случаѣ впаденія въ идолопоклонство и въ другія дѣла, свойственныя язычникамъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи «Пастырь», держась, повидимому, на почвѣ ученія апостола Павла, допускаетъ нѣкоторое отступленіе отъ него. Апостолъ Павелъ допускаетъ прерваніе супружескаго сожительства на тотъ случай, если одинъ изъ супруговъ обратится въ христіанство, а другой останется въ невѣріи, и послѣдній притомъ самъ не пожелаетъ продолжать сожитіе съ супругомъ-христіаниномъ. А въ «Пастырѣ» говорится о прерваніи супружескаго сожительства въ томъ случаѣ, когда супругъ-христіанинъ сдѣлается апостатомъ въ идолопоклонство или въ другія дѣла, свойственныя язычникамъ, причемъ самое прерваніе не ставится въ зависимость отъ желанія супруга-апостата, а вмѣняется въ непремѣнную обязанность супругу-христіанину.

«Пастыремъ» Ерма открывается замѣчательная эпоха въ исторической жизни церкви, ознаменовавшаяся стремленіемъ поддержать идеальную святость церкви, какъ общества, состоящаго изъ отдѣль-

ныхъ членовъ, суровой дисциплиной и точными предписаніями, регулирующими жизнь христіанина и сообщающими ей христіанскій отпечатокъ, въ противоположность образу жизни окружавшаго христіанъ языческаго міра. Это стремленіе проявилось въ такихъ явленіяхъ, какъ однократное, т. е. не допускающее повторенія покаяніе, неодобреніе втораго брака, безусловное осужденіе клятвы и военной службы и проч. [19]). При подобномъ направленіи въ христіанской жизни, не могло быть одобряемо вступленіе въ бракъ лицъ разведенныхъ, не только виновной въ прелюбодѣяніи стороны, но и невиннаго супруга, хотя разводы, въ смыслѣ прерванія супружескаго сожительства, и практиковались между христіанами [20]). Однако, Ермъ, при всей строгости его нравственныхъ воззрѣній и требованій, долженъ быть разсматриваемъ какъ представитель церковныхъ взглядовъ, а не тенденцій крайнихъ ригористическихъ партій, каковы монтанисты и позднѣйшіе новаціяне съ донатистами. Извѣстный церковный писатель Тертулліанъ, когда онъ сдѣлался монтанистомъ, называлъ Ерма любителемъ, подготовителемъ и сотоварищемъ прелюбодѣевъ (amator, patronus, socius moechorum): настолько казался ему слабымъ и снисходительнымъ въ своихъ требованіяхъ «Пастырь»!

Самъ Тертулліанъ, еще до его присоединенія къ монтанизму, высказалъ свой взглядъ на разводъ, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ церковный взглядъ того времени, т. е. конца II и начала III вѣка. Въ 34 главѣ IV книги противъ еретика Маркіона, который принималъ два начала въ мірѣ, доброе и злое, и противополагалъ законъ Христовъ, какъ выраженіе добраго начала, закону Моисееву, какъ выраженію злаго начала, Тертулліанъ развиваетъ ту мысль, что между Моисеемъ и Христомъ нѣтъ такой противоположности, какую предполагаетъ Маркіонъ. Христосъ, по словамъ Тертулліана, запрещаетъ разводъ не безусловно, а только лишь расторженіе самаго союза брачнаго, т. е. разводъ quoad vinculum, исключая возможность вступленія въ новый бракъ, но не воспрещаетъ развода, въ смыслѣ прерванія супружескаго сожительства.—Позднѣе, сдѣлавшись монтанистомъ, Тертулліанъ въ своемъ сочиненіи «О единобрачіи» (liber de monogamia) сталъ доказывать, что даже и по смерти перваго супруга второй бракъ не можетъ быть дозволенъ христіанину [21]).

Христіанскаго писателя III вѣка Оригена занималъ вопросъ: ужели ни въ какомъ другомъ случаѣ мужъ не можетъ отпускать отъ себя жену, за исключеніемъ случая прелюбодѣянія? Ужели онъ обязанъ жить съ женщиной, которая подсыпаетъ ядъ въ пищу и въ питье его, умерщвляетъ его дѣтей, расхищаетъ его домъ? Но чѣмъ очевиднѣе

усилія Оригена истолковать смыслъ заповѣди Господней съ соображеніемъ внушеній здраваго человѣческаго смысла, тѣмъ цѣннѣе и рѣшительнѣе его свидѣтельство, справедливо говоритъ фонъ-Мой [22]), относительно того, что̀ онъ разсматривалъ и признавалъ за дѣйствующія дисциплинарныя нормы церкви. Для Оригена не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что разведенные супруги не могутъ вступить въ новые браки: подобные браки были бы не браками, а прелюбодѣяніемъ. Оригенъ желаетъ лишь разъяснить для себя недоумѣнный вопросъ, позволительно ли прерваніе супружескаго сожитія въ какомъ-нибудь еще другомъ случаѣ, кромѣ прелюбодѣянія. Правда, уже и у этого христіанскаго писателя есть указанія на то, что дѣйствительная жизнь иногда представляла явленія, несогласныя съ строгими нравственно-дисциплинарными предписаніями древней церкви. Нѣкоторые епископы, какъ разсказываетъ Оригенъ въ своемъ комментаріи на XIX главу Евангелія Матѳея,—дозволили одной женщинѣ, при жизни ея мужа, вступить въ новый бракъ: этотъ шагъ, разсуждаетъ съ своей стороны Оригенъ, могъ бы быть, пожалуй, и одобренъ въ виду практическихъ соображеній, *хотя онъ противорѣчитъ Писанію и не согласуется съ закономъ, установленнымъ отъ начала* [23]). Но, очевидно, не менѣе справедливо говоритъ опять фонъ-Мой [24]), что единичный фактъ, обратившій на себя вниманіе Оригена, раньше не встрѣчался въ церковной практикѣ и точно также не можетъ служить аргументомъ въ пользу допустимости вступленія разведенныхъ въ новые браки въ первые вѣка христіанства, какъ отмѣченный Тертулліаномъ [25]) фактъ вступленія въ бракъ христіанскихъ женщинъ, которымъ, по смерти мужей, представился удобный случай къ воздержанію отъ удовольствій плоти, но которыя не только не воспользовались этимъ случаемъ, но и пренебрегли церковнымъ предписаніемъ заключать браки не иначе, какъ въ Господѣ, выйдя замужъ за язычниковъ. Въ Апостольскихъ Постановленіяхъ, именно въ шестой книгѣ, т. е. въ одной изъ тѣхъ, появленіе которыхъ падаетъ на вторую половину III вѣка, вопросъ о расторженіи брака разрѣшается съ соображеніемъ какъ ветхозавѣтнаго закона, такъ и ученія новозавѣтнаго. «Непозволительно», читаемъ здѣсь [26]), «изгонять жену неповинную, ибо сказано: береги духъ твой и жены юности твоей не оставляй, потому что она есть причастница жизни твоей и остатокъ духа твоего, и Я создалъ ее, а не другой [27]); Господь сказалъ: что Богъ сочеталъ, того человѣкъ не долженъ разлучать. Жена — это участница въ жизни, соединяемой Богомъ изъ двухъ существъ въ одно тѣло; тотъ же, кто опять разрываетъ это единство на двое,

есть врагъ Божьяго созданія и противникъ Божественнаго Провидѣнія. Но подобнымъ же образомъ и тотъ, кто удерживаетъ у себя жену, поврежденную порчею, нарушаетъ законъ природы, потому что удерживающій прелюбодѣйцу безуменъ и нечестивъ: отсѣки ее, сказано, отъ плоти твоей, она—не помощница, а навѣтница, склонившая мысль къ другому».Въ связи съ приведеннымъ мѣстомъ изъ Апостольскихъ Постановленій должно быть объясняемо 48-е правило апостольское: «если какой либо мірянинъ, изгнавъ свою жену, возьметъ другую, или разведенную съ другимъ, да будетъ отлученъ». Бракъ вообще воспрещается съ замужнею женщиной подъ страхомъ церковнаго отлученія, все равно, выгнана ли она изъ дома мужа насильственно и произвольно, или получила отъ мужа формальный разводъ [28]). При редакціи этого канона, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ Дрей [29]), имѣлось въ виду сдѣлать особенное удареніе на противоположности христіанскаго порядка еврейскому бракозаключительному и бракоразводному праву, подобно тому какъ въ приведенномъ мѣстѣ Апостольскихъ Постановленій ветхозавѣтный законъ сопоставляется съ новозавѣтнымъ ученіемъ, и подобно тому, какъ въ другомъ апостольскомъ канонѣ [30]), разсуждающемъ о бракѣ же, но не міряпъ, а клириковъ, точно также принятъ въ соображеніе ветхозавѣтный законъ, правда, не съ тѣмъ, чтобы указать на противоположность христіанскаго порядка еврейскому, а съ тѣмъ, чтобы буквально воспроизвести постановленіе ветхозавѣтнаго закона.

Періодъ суровой церковной дисциплины, которая съ бо́льшею интензивностію практиковалась на западѣ, чѣмъ на востокѣ, закончился замѣчательными постановленіями испанскаго эльвирскаго собора 306 г., въ которыхъ какъ нельзя яснѣе выразилась вся строгость нравственно-дисциплинарныхъ нормъ древней церкви. Соборъ опредѣлилъ подвергать пожизненному отлученію отъ церкви, не снимая его даже и при концѣ жизни, тѣхъ женщинъ, которыя безъ всякаго повода оставляютъ своихъ мужей и вступаютъ въ бракъ съ другими, а жену, оставившую мужа-прелюбодѣя и вышедшую замужъ за другаго, лишать причащенія въ теченіе всего того времени, пока оставленный мужъ будетъ находиться въ живыхъ, за исключаніемъ случая опасности смерти [31]). Но не прошло и десятка лѣтъ со времени эльвирскаго собора, какъ другой, составившійся изъ западныхъ же епископовъ, соборъ, созванный первымъ христіанскимъ императоромъ Константиномъ Великимъ по дѣлу Цециліана карѳагенскаго съ донатистами въ главномъ городѣ Галліи—Арелатѣ (нынѣшній Arles) въ 314 г., сдѣлалъ уже знаменательную уступку времени. Соборъ опредѣлилъ отно-

сительно тѣхъ *молодыхъ* мужчинъ, жены которыхъ будутъ застигнуты въ прелюбодѣяніи, и которые встрѣчаютъ *препятствіе* для себя (т. е., конечно, въ существовавшемъ церковномъ порядкѣ) къ вступленію въ новые браки, чтобы имъ даваемъ былъ *совѣтъ*, насколько возможно, не брать себѣ другихъ женъ при жизни прежнихъ, *хотя бы и прелюбодѣекъ* [32]). Насколько ясно засвидѣтельствована здѣсь строгость древнецерковнаго порядка, *безусловно и для всѣхъ* воспрещавшаго супругу новый бракъ при жизни другаго супруга безъ различія поводовъ къ разводу и возраста разводящихся,—настолько же ясно высказался въ канонѣ собора арелатскаго духъ переходнаго времени, т. е. переходнаго отъ языческой имперіи къ христіанскому государству. Этотъ духъ переходнаго времени, духъ приспособленія и согласованія церкви съ измѣняющимися условіями исторической жизни, выразился и въ другомъ канонѣ того же самаго собора арелатскаго, воспретившемъ христіанамъ уклоняться отъ военной службы [33]).

III.

Но приспособленіе и согласованіе долженствовало быть двустороннимъ и взаимнымъ, а не уступкою съ одной только стороны въ пользу другой. Въ самомъ дѣлѣ, уже первый христіанскій императоръ пошелъ на встрѣчу строгому христіанскому взгляду на бракъ, поставивъ извѣстныя границы для той распущенности, которою отличался гражданскій юридическій порядокъ римскаго государства въ отношеніи къ занимающему насъ предмету. Бракоразводный порядокъ римско-гражданскаго права въ эпоху языческой имперіи отмѣченъ, во-первыхъ, широкою свободою развода какъ для мужа, такъ и для жены, и, во-вторыхъ, неравноправностію супруговъ въ отношеніи къ прелюбодѣянію, къ его значенію и послѣдствіямъ. Что касается свободы развода, то мужъ съ женой и жена съ мужемъ могли развестись по самымъ незначительнымъ поводамъ, поданнымъ которою либо изъ сторонъ, съ соблюденіемъ лишь той, установленной со времени Августа, формальности, чтобы объявленіе о разводѣ было сдѣлано въ присутствіи семи совершеннолѣтнихъ римскихъ гражданъ, не считая вольноотпущенника, черезъ котораго выражена воля посылающаго разводъ супруга, напримѣръ, доставлено для прочтенія разводное письмо [34]). Въ отношеніи къ прелюбодѣянію, римское право держалось того взгляда, что только мужъ имѣетъ право на вѣрность жены и на чистоту брачнаго ложа (jus thori), а не наоборотъ, и поэтому прелюбодѣяніе (adulterium) можетъ быть учинено только женою

Мужчина можетъ быть виновнымъ въ прелюбодѣяніи только какъ соучастникъ въ преступленіи чужой жены, посягнувшій на права другаго мужа, законнаго мужа. Такимъ соучастникомъ могъ быть и женатый мужчина, который, имѣя свою жену, вступалъ въ связь съ чужою женою и становился adulter не какъ нарушитель вѣрности въ отношеніи къ своей женѣ, а какъ преступникъ противъ правъ другаго мужа на собственную для этого послѣдняго жену. Понимаемое въ этомъ смыслѣ прелюбодѣяніе влекло за собою для виновныхъ ссылку на острова, депортацію каждаго изъ соучастниковъ преступленія на отдѣльный островъ. А что касается преступной жены въ особенности, то мужъ, убѣдившись въ ея невѣрности, *обязанъ былъ* возбудить противъ нея уголовное преслѣдованіе и прекратить съ нею супружеское сожительство подъ страхомъ наказанія за попустительство разврата или за сводничество (lenocinium) [35]). Вступленіе въ новый бракъ прелюбодѣйкѣ воспрещалось; заключенный же ею бракъ признавался недѣйствительнымъ, — какъ вообще бракъ со всякимъ третьимъ лицомъ [36]), такъ и въ особенности съ прелюбодѣемъ [37]). Напротивъ, жена прелюбодѣя - мужа, посягнувшаго на супружескія права и на семейное спокойствіе другаго лица, не получала права на разводъ съ мужемъ, которое было бы необходимымъ послѣдствіемъ самаго факта преступленія, какъ равно не отъ нея исходила иниціатива обвиненія мужа въ прелюбодѣяніи, хотя, при существовавшей въ языческой имперіи свободѣ развода, жена и въ этомъ случаѣ могла объявить мужу разводъ. Изъ послѣдняго замѣчанія вытекаетъ необходимость различать значеніе прелюбодѣянія въ римскомъ правѣ съ точки зрѣнія уголовной и съ точки зрѣнія бракоразводной. Жена не могла обвинять мужа въ прелюбодѣяніи, но развестись съ нимъ, въ случаѣ его невѣрности, могла.

Императоръ Константинъ пошелъ, какъ сказано, на встрѣчу строгому церковному взгляду на бракъ, ограничивъ число поводовъ къ одностороннему [38]) разводу тремя для мужа [39]) и тремя для жены [40]), и предписавъ карать прелюбодѣевъ смертною казнію [41]). Однако законъ Константина, ограничившій свободу развода, дѣйствовалъ только до Юліана Отступника, который, отмѣнивъ его, возстановилъ древнее римское право. Позднѣйшіе христіанскіе императоры, Гонорій и Констанцій [42]), Ѳеодосій II и Валентинъ III [43]), въ особенности Юстиніанъ [44]), снова заняли точку зрѣнія Константина Великаго, поставивъ извѣстныя границы для расторженія брака установленіемъ законныхъ поводовъ или основаній къ разводу, какъ для мужа, такъ и для жены. Такихъ поводовъ, впрочемъ, допущено было гораздо бо-

лѣе [45]), чѣмъ сколько признавалъ ихъ законъ Константина. За самовольный разводъ, безъ наличности одного изъ тѣхъ поводовъ и основаній, въ виду которыхъ дозволено было законодательствомъ расторженіе брака, Юстиніанъ предписалъ отправлять виновныхъ въ томъ женщинъ на пожизненное пребываніе въ монастырѣ, а мужей подвергать нѣкоторымъ имущественнымъ взысканіямъ [46]). Смертная казнь, опредѣленная за прелюбодѣяніе Константиномъ Великимъ, оставлена была императоромъ Юстиніаномъ для прелюбодѣевъ-мужчинъ; женщинъ же, виновныхъ въ прелюбодѣяніи, Юстиніанъ указалъ подвергать тѣлесному наказанію и заключать въ монастырь, съ тѣмъ, что мужъ, если желалъ, могъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, взять ее къ себѣ, не рискуя подпасть за сожительство съ нею тому уголовному наказанію, которое опредѣлялось за продолженіе супружескаго сожитія съ женою-прелюбодѣйкою по законамъ языческой имперіи. Если же, по истеченіи двухъ лѣтъ, мужъ не изъявлялъ желанія взять къ себѣ жену, или умиралъ до наступленія этого срока, женщину предписано постригать и облекать въ монашеское одѣяніе для пожизненнаго безвыходнаго пребыванія въ монастырѣ [47]). При этомъ еще особо подтверждено, что, если бы, благодаря продажности судей, или вообще какимъ бы то ни было способомъ прелюбодѣй избѣжалъ казни, и потомъ оказалось бы, что онъ сожительствуетъ или даже вступилъ въ бракъ съ тою самою женщиною, за преступную связь съ которою онъ подлежалъ суду,—въ такомъ случаѣ бракъ, конечно, не долженъ признаваться дѣйствительнымъ, и, кромѣ того, всякій судебный органъ уполномочивается захватить прелюбодѣя для преданія его смертной казни, послѣ предварительнаго тѣлеснаго наказанія, а прелюбодѣйку для постриженія и для пожизненнаго содержанія въ монастырѣ послѣ предварительнаго же тѣлеснаго наказанія [48]). При столь суровомъ отношеніи законодателя къ прелюбодѣямъ и прелюбодѣйкамъ, естественно, не могло быть и рѣчи объ юридической возможности вступленія прелюбодѣевъ и прелюбодѣекъ въ новые браки, такъ какъ мужчины дожны были подлежать смертной казни, а женщины—пожизненному заключенію въ монастырѣ. Когда эклога Льва Исавра и Константина Копронима [49]) опредѣлила, въ отмѣну Юстиніанова закона, подвергать прелюбодѣя, и прелюбодѣйку урѣзанію носа, съ расторженіемъ брака послѣдней съ ея мужемъ, но безъ расторженія брака прелюбодѣя съ его женой: тогда, повидимому, впервые явилась возможность для женъ-прелюбодѣекъ вступать въ новые браки. По крайней мѣрѣ, позднѣе, болѣе чѣмъ 150 лѣтъ спустя, императоромъ Львомъ Мудрымъ была издана нарочитая новелла [50]), въ которой разъясняется, что отрѣзаніе

носа не должно превращаться въ премію для жены въ томъ смыслѣ, чтобы она, потерпѣвъ это наказаніе, считала уже открытымъ для себя путь къ вступленію въ бракъ съ кѣмъ угодно: она во всякомъ случаѣ, и по лишеніи носа, должна быть заключена въ монастырѣ, гдѣ можетъ принять постриженіе, или же умереть въ мірскомъ одѣяніи. Что касается расторженія брака уличеннаго прелюбодѣя, если онъ женатъ, съ его законной женой, то оно могло имѣть мѣсто лишь какъ фактически-неизбѣжное послѣдствіе того уголовнаго наказанія, которому подлежатъ прелюбодѣи по законодательству христіанскихъ императоровъ со времени Константина Великаго до изданія эклоги въ 740 году, т. е. смертной казни. Само же по себѣ прелюбодѣяніе не влекло за собою этого послѣдствія, такъ что, какъ скоро отпала смертная казнь за прелюбодѣяніе, прелюбодѣй получилъ полную возможность пользоваться своими супружескими правами. Однако и въ законодательствѣ Юстиніана можно прослѣдить различіе между прелюбодѣяніемъ мужа въ смыслѣ уголовномъ, какъ основаніемъ для возбужденія уголовнаго обвиненія противъ него со стороны оскорбленнаго мужа, и между прелюбодѣяніемъ, какъ нарушеніемъ мужней въ отношеніи къ собственной женѣ вѣрности. Измѣна мужа женѣ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не могла стать прелюбодѣяніемъ (adulterium) въ технически- уголовномъ смыслѣ, если, конечно, мужъ не вступалъ въ связь съ замужнею женщиной, въ каковомъ случаѣ онъ именно и становился *adulter*, какъ выше разъяснено. Но въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ измѣна мужа женѣ, (слѣдовательно какъ квалифицированная) для другой, незамужней женщины (слѣдовательно, не какъ прелюбодѣяніе въ техническомъ смыслѣ), могла дать женѣ право на разводъ. Если мужъ въ томъ же самомъ домѣ, въ которомъ онъ сожительствовалъ съ своею женою, или въ одномъ и томъ-же городѣ, хотя бы и въ разныхъ домахъ, содержалъ другую женщину, состоя съ этою послѣднею, какъ съ любовницею, въ постоянной преступной связи, и, несмотря на неоднократныя представленія и замѣчанія со стороны родителей жены или своихъ собственныхъ, а также постороннихъ лицъ, вѣроятія достойныхъ, не оставлялъ своего развратнаго поведенія: то женѣ предоставлялось право, на этомъ основаніи, расторгнуть бракъ, взять при этомъ свое приданое и удержать у себя предбрачный мужній даръ, да, кромѣ того, еще за безчестіе взыскать съ мужа сумму, равняющуюся $1/3$ части цѣны предбрачнаго дара, изъ остальнаго имущества мужа [51]). Въ означенномъ случаѣ, какъ за женою, давшею мужу разводъ, такъ и за мужемъ, оставленнымъ женою, должно было оставаться право

безпрепятственнаго вступленія въ новые браки, такъ какъ никакого запретительнаго закона на этотъ случай никогда не было издано.

Въ дополненіе къ сказанному о возможности вступленія лицъ разведенныхъ въ новые браки слѣдуетъ еще указать на нѣкоторыя постановленія Юстиніана. Выше были приведены тѣ основанія или поводы, въ виду которыхъ императоръ Юстиніанъ допустилъ разводъ. За самовольный разводъ, безъ наличности одного изъ указанныхъ законодательствомъ поводовъ или основаній, виновные должны были, какъ сказано, подвергаться наказаніямъ, причемъ жена въ особенности, если отъ нея исходило неосновательное объявленіе развода, подвергалась пожизненному заключенію въ монастырѣ, т. е. такому наказанію, которое дѣлало фактически невозможнымъ новый бракъ этой женщины. Когда же разводъ совершался не самовольно, а основательно, т. е. въ виду одного изъ тѣхъ основаній, которыя были указаны въ законѣ, то, смотря по тому, на чьей сторонѣ была вина, послужившая этимъ основаніемъ, послѣдствія развода въ отношеніи къ вступленію въ новые браки были неодинаковы. Мужъ, по винѣ котораго произошло расторженіе брака, не подлежалъ никакимъ ограниченіямъ относительно вступленія въ новый бракъ, за исключеніемъ того случая, когда смертная казнь (за государственное преступленіе или за adulterium) дѣлала фактически невозможнымъ новый бракъ. Напротивъ, женѣ, по винѣ которой совершился разводъ, *въ теченіе пяти лѣтъ* [52]) воспрещалось вступленіе въ новый бракъ, опять таки, натурально, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда смертная казнь (за государственное преступленіе), или пожизненное монастырское заключеніе (за adulterium) фактически исключали возможность новаго брака. Слѣдовательно, мужъ, получившій отъ жены разводъ за содержаніе любовницы въ одномъ съ нею домѣ, жена, получившая отъ мужа разводъ по такимъ причинамъ, какъ мытье въ банѣ съ посторонними мужчинами, проживаніе внѣ дома мужа и т. п., первый немедленно, послѣдняя черезъ пять лѣтъ послѣ развода могли вступить въ новый бракъ, законный съ точки зрѣнія гражданскаго права и безнаказанный съ точки зрѣнія уголовнаго права. Такимъ образомъ, было бы рискованно утверждать, будто въ законодательствѣ христіанскихъ императоровъ, даже и въ позднѣйшемъ, было установлено *принципіальное* воспрещеніе брака для лицъ, разведенныхъ по прелюбодѣянію, не какъ фактически-неизбѣжное послѣдствіе извѣстнаго рода наказанія, а какъ необходимый спутникъ самаго развода. Если допустить даже, что вышеприведенная XXXII новелла Льва Мудраго установила въ X-мъ вѣкѣ таковое принципіальное воспрещеніе для жены:

то, во всякомъ случаѣ, для мужа никогда не было установлено подобное воспрещеніе.

Изъ представленнаго краткаго очерка бракоразводнаго права по законодательству христіанскихъ императоровъ видно, что они, начиная уже съ Константина Великаго, принимали въ соображенія христіанскія воззрѣнія на крѣпость брачнаго союза: эти воззрѣнія отражались на императорскихъ постановленіяхъ о законныхъ поводахъ къ разводу, о наказаніяхъ за прелюбодѣяніе и за неосновательный разводъ, а равно о возстановленіи супружескаго сожитія съ женою прелюбодѣйкою послѣ двухлѣтняго ея пребыванія въ монастырѣ на покаяніи и т. п. Отразился ли, и въ какой мѣрѣ отразился, наоборотъ, свѣтскій или гражданскій бракоразводный порядокъ христіанской римской имперіи на бракоразводной практикѣ церкви? Если въ государственной жизни оказалось необходимымъ, съ самаго момента государственнаго признанія христіанства, принимать во вниманіе церковныя требованія: то обнаружилось ли и со стороны церкви соотвѣтствующее стремленіе принимать во вниманіе измѣнившіяся обстоятельства времени и условія существующаго юридическаго порядка въ государственной жизни? Замѣчательно - поучительный отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ исторіей западнаго и исторіею восточнаго христіанства, каждою особый.

IV.

Законъ перваго христіанскаго императора о разводѣ, изданный въ 331 году, относился не только къ тѣмъ римлянамъ, которые продолжали еще оставаться язычниками, но и къ христіанамъ, какъ къ подданнымъ римской имперіи, которыхъ въ 331 году было уже большинство. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы законъ Константина Великаго оставался мертвой буквою, не имѣвшею практическаго приложенія въ жизни, или чтобы онъ вызвалъ оппозицію со стороны церкви. Направленіе времени клонилось не къ раздѣленію, а къ сліянію церкви съ государствомъ, что засвидѣтельствовано всею дѣятельностію всѣхъ историческихъ лицъ первыхъ двухъ христіанскихъ царствованій Константина и Констанція, начиная съ самихъ императоровъ и оканчивая тѣми самыми лицами, которыя, какъ св. Аѳанасій александрійскій и африканскіе донатисты, протестовали противъ государственнаго воздѣйствія на ходъ церковныхъ дѣлъ [53]), потому что и эти лица дѣйствовали въ явномъ противорѣчіи съ своимъ протестомъ. Разладъ между церковью и государствомъ обнару-

жился однако съ чрезвычайною силою въ царствованіе императора Юліана, которое явило первый историческій примѣръ того, что и въ христіанскія времена могутъ настать такія обстоятельства, при которыхъ немыслимо говорить о сліяніи церкви съ государствомъ. Замѣчательно, что Юліанъ, реставрируя язычество, счелъ нужнымъ, между прочимъ, отмѣнить извѣстный намъ законъ Константина Великаго о законныхъ поводахъ къ одностороннему расторженію брака, вслѣдствіе чего римляне-христіане получили легальную возможность расторгать браки съ тѣмъ же безпорядочнымъ произволомъ, съ какимъ дѣйствовали римляне-язычники до Константина. Для церкви не трудно было вспомнить тѣ дисциплинарныя нормы, которыхъ она держалась до Константина и отъ которыхъ никогда не отказывалась. На западѣ, который съ самыхъ первыхъ временъ христіанства отличался бóльшимъ ригоризмомъ въ установленіи и охраненіи правилъ христіанскаго порядка жизни, чѣмъ востокъ, реакція произвольному расторженію браковъ выразилась въ воззрѣніяхъ руководящихъ учителей запада, какъ Августинъ, и въ постановленіяхъ соборовъ, и, что всего важнѣе, реакція эта фиксировалась, какъ непремѣнный законъ западно-католической церкви на послѣдующіе вѣка. Можетъ быть, не безъ вліянія на этотъ исходъ осталась политическая исторія запада, гдѣ римская имперія доживала свои послѣдніе года, гдѣ власть восточнаго императора, послѣ паденія западно-римской имперіи, давала чувствовать свою энергію не постоянно, а лишь случайно и временно, короли же національные отчасти стояли въ сторонѣ отъ церкви, какъ еретики-аріяне, отчасти не обладали авторитетомъ, достаточнымъ для установленія церковныхъ нормъ.

Сѣверная Африка, которая съ глубочайшей древности служила ареной для развитія крайняго ригористическаго направленія въ церкви [54]), выразившагося въ непринятіи падшихъ, въ недопущеніи къ покаянію виновныхъ въ смертныхъ грѣхахъ, выставила замѣчательныхъ церковно-историческихъ дѣятелей и писателей: Тертулліана, Кипріана и Августина. Всѣ эти сѣверо-африканцы, люди римско-западнаго образованія и склада ума, представляли собою не крайнія партіи, а самую церковь, боровшуюся съ крайними партіями, за исключеніемъ позднѣйшаго періода въ жизни Тертулліана, когда онъ сдѣлался монтанистомъ. И, однако, эти учители католической церкви чрезвычайно суровы въ своихъ нравственныхъ требованіяхъ, гораздо суровѣе, чѣмъ восточные отцы. Августинъ, вся жизнь котораго ушла на борьбу съ одною изъ крайне-ригористическихъ партій — съ донатизмомъ, имѣлъ достаточно поводовъ выработать себѣ снисходительный взглядъ

на нравственно-дисциплинарныя требованія церкви. Можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ и оказалъ бы болѣе вниманія явленіямъ жизни, если бы не возмущала его та безнаказанная распущенность въ расторженіи браковъ между христіанами, которая наступила со времени отмѣны Юліаномъ закона Константина. «До эдикта Юліана», жалуется Августинъ, «женщины не могли отпускать своихъ мужей (?); получивши же право, онѣ начали дѣлать то, чего имъ прежде нельзя было дѣлать,—начали ежедневно давать разводъ своимъ мужьямъ» [55]). Замѣчательное было время, когда съ одной стороны согрѣшившему отказывалось въ покаяніи и въ принятіи въ церковь, овдовѣвшему запрещалось жениться во второй разъ, а съ другой стороны, свобода развода доходила до полной разнузданности! Въ противоположность этой разнузданности, Августинъ становится на точку зрѣнія св. Писанія и даже заходитъ въ своихъ требованіяхъ дальше, чѣмъ указывается прямымъ буквальнымъ смысломъ св. Писанія. Вначалѣ Августинъ еще склонялся къ той мысли, что мужа, отпустившаго отъ себя жену по винѣ любодѣянія, можно извинить, если онъ приведетъ себѣ другую жену [56]). Затѣмъ для него является «трудно-разрѣшимымъ узломъ» вопросъ о возможности новаго брака для лица, отпустившаго жену по причинѣ ея любодѣянія [57]). А въ концѣ концовъ Августинъ пришелъ къ тому убѣжденію, что бракъ потому и заключаетъ въ себѣ элементъ таинства (quoddam sacramentum), что даже и при разводѣ остается нерасторжимымъ [58]), и что разъ заключенное супружество не можетъ быть расторгнуто какимъ либо другимъ способомъ, за исключеніемъ смерти котораго либо изъ нихъ [59]).

На одномъ изъ сѣверо-африканскихъ соборовъ (на карѳагенскомъ 407 года), вѣроятно подъ вліяніемъ Августина, состоялось постановленіе, свидѣтельствующее о вѣрности африканской церкви ея древнимъ преданіямъ и объ общности ея міровоззрѣнія съ міровоззрѣніемъ другихъ мѣстныхъ церквей западнаго христіанства, напр., испанской, въ отношеніи дисциплины, подобно тому какъ между африканскими канонами могутъ быть указаны такіе, которыми предписывается обязательное безбрачіе для духовенства [60]). Постановленіе карѳагенскаго собора 407 г. [61]) гласитъ, что, сообразно евангельскому и апостольскому ученію [63]), оставленный женою и отпущенная мужемъ [64]) не должны вступать въ новые браки, но или должны оставаться безбрачными, или обязаны примириться между собою,—относительно этого предмета, добавляетъ соборъ, нужно просить изданія императорскаго закона, т. е., конечно, такого закона, который бы вполнѣ провелъ и поддержалъ церковное требованіе. Однако,

какъ ближайшій по времени къ карѳагенскому собору законъ Гонорія и Констанція, такъ и позднѣйшіе императорскіе законы были весьма далеки отъ того, чтобы регулировать расторженіе брака въ желательномъ для Карѳагенскаго собора смыслѣ. Допущенъ былъ, какъ выше указано, не только разрывъ брака quoad vinculum по причинѣ прелюбодѣянія, но и длинный рядъ другихъ законныхъ поводовъ къ расторженію брака съ возможностью вступленія разведенныхъ въ новые браки.—Западная церковь была поставлена въ такія историческія обстоятельства, что могла нормировать церковную жизнь своими дисциплинарными предписаніями, независимо отъ императорскихъ законовъ. Пока связь Рима съ Византійскою имперіей еще не разрывалась, въ постановленіяхъ западныхъ соборовъ всетаки происходило нѣкоторое колебаніе относительно болѣе или менѣе строгаго проведенія принципа нерасторжимости брака [64]). Но закончилось это колебаніе тѣмъ, что западно-католическая церковь признала бракъ принципіально-нерасторжимымъ,—нерасторжимымъ даже и въ случаѣ прелюбодѣянія, предполагая, что бракъ тѣлесно консуммированъ. Бракъ неконсуммированный можетъ быть расторгнутъ въ виду особыхъ мотивовъ, напр., въ виду желанія поступить въ монашество, высшею церковною властію, бракъ же консуммированный расторженію quoad vinculum не подлежитъ, — возможно лишь фактическое разлученіе супруговъ (separatio quoad thorum et mensam), безъ разорванія юридической связи и безъ права вступленія въ новые браки.

Достойно замѣчанія однако, что самъ Августинъ, воззрѣніями котораго во многихъ отношеніяхъ опредѣлился ходъ историческаго развитія западно-католической церкви, разбирая нагорную проповѣдь Христа Спасителя и останавливаясь на любодѣяніи, какъ допускаемомъ въ Евангеліи поводѣ къ разводу, понималъ подъ любодѣяніемъ, какъ нѣкогда Ермъ въ своемъ «Пастырѣ», идолослуженіе и разныя порочныя наклонности, въ особенности любостяжаніе, которое въ св. Писаніи называется идолослуженіемъ, а не только лишь любодѣяніе тѣлесное въ буквальномъ смыслѣ [65]).

На востокѣ императорская власть никогда не обращалась въ фикцію, не теряла престижа и реальной силы, почему и церковная жизнь никогда не могла отрѣшиться отъ дѣйствія императорскихъ законовъ. Правда, не всѣми и не повсемѣстно императорское бракоразводное законодательство признано было явственно и сознательно за руководящую норму церковной жизни. Нѣкоторое время составители церковныхъ сборниковъ для юридической практики какъ будто колебались относительно включенія или невключенія императорскаго брако-

разводнаго законодательства въ каноническіе сборники. Такъ въ сборникѣ императорскихъ законовъ Іоанна Схоластика (collectio 87 capitulorum) читаются всего лишь двѣ главы (39 и 40) новеллы CXXIII, относящіяся до бракоразводнаго права, именно трактующія о расторженіи брака по поводу вступленія въ монашество одного изъ супруговъ или обоихъ ихъ [66]). Даже въ Collectio tripartita, несмотря на то что здѣсь дѣлаются извлеченія изъ новеллъ CXVII и CXXXIV, содержащихъ въ себѣ обширное законодательство о разводѣ и о женщинахъ, виновныхъ въ прелюбодѣяніи, можно найдти лишь два—три отрывка, въ которыхъ опредѣляется, какая часть изъ имущества жены-прелюбодѣйки или женщины, пославшей мужу неосновательный разводъ, должна поступить въ пользу монастыря, гдѣ она будетъ проводить свою жизнь [67]). Но уже и изъ упомянутыхъ сборниковъ можно убѣдиться, что составителямъ ихъ, даже еслибы они намѣренно стремились дѣлать выборъ и разборъ между императорскими законами, принимая одни въ свои сборники и не давая въ нихъ мѣста другимъ, было чрезвычайно трудно проводить подобное различіе, и что принятіе одного закона съ неизбѣжною послѣдовательностью должно было вести къ принятію другаго. Напр., въ 81 главѣ сборника Схоластика заимствованный изъ 40-й главы CXXIII новеллы отрывокъ гласитъ: «если мужъ одинъ или жена одна, при существованіи брака, поступитъ въ монастырь, то бракъ долженъ быть расторгнутъ и безъ всякой бракоразводной формальности, т. е. *безъ разводнаго письма*, или безъ другаго способа выраженія воли, направленной на расторженіе брака [68]). Тѣмъ самымъ предполагается, слѣдовательно, дѣйствіе тѣхъ императорскихъ законовъ, которыми установлены извѣстные легальные поводы посылки разводнаго письма. А чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ значеніе этого обстоятельства, не слѣдуетъ забывать, что церковь, вѣрная своимъ традиціямъ, могла бы придти, какъ это дѣйствительно и случилось на западѣ, къ принципіальному отрицанію расторженія брака quoad vinculum даже и въ случаѣ вины любодѣянія. Еще яснѣе доказывается невозможность принятія однихъ императорскихъ законовъ въ церковную практику безъ принятія остальныхъ вторымъ изъ упомянутыхъ выше сборниковъ, т. е. collectio tripartita. Здѣсь приводится отрывокъ о поступленіи въ пользу монастыря имущества той женщины, которая посылаетъ мужу *неосновательный разводъ* [69]). Включая этотъ отрывокъ въ свой сборникъ, составитель долженъ былъ признать принципіальную допустимость *основательныхъ* разводовъ, т. е., конечно, всѣхъ тѣхъ разводовъ, которые были признаны за таковые въ им-

ператорскомъ законодательствѣ. Неудивительно поэтому, что въ номоканонѣ изъ XIV титуловъ, составителемъ котораго, вѣроятно, было то же самое лицо, которому принадлежитъ и collectio tripartita, и который такимъ образомъ долженъ былъ появиться непосредственно вслѣдъ за tripartita, содержится сполна перечисленіе всѣхъ, установленныхъ CXVII новеллою Юстиніана, поводовъ къ разводу [70]). Поэтому въ 87 канонѣ трулльскаго собора 692 г. уже яснымъ образомъ предполагается дѣйствіе въ церкви императорскаго законодательства о законныхъ поводахъ къ разводу. О женѣ, оставившей мужа и вышедшей замужъ за другаго, въ означенномъ правилѣ говорится, что если она оставила мужа безъ вины, т. е. безъ достаточнаго основанія (ἀλόγως), то подлежитъ церковному наказанію, мужъ же достоинъ снисхожденія. Канонистъ XII столѣтія, Зонара, разсуждаетъ уже по поводу этого выраженія, что если ушедшая отъ мужа безъ достаточнаго основанія и вышедшая замужъ за другаго подлежитъ епитиміямъ, то, слѣдовательно, можно сказать и наоборотъ, что жена, не безъ основанія (οὐκ ἀλόγως) удалившаяся отъ мужа и сдѣлавшаяся женою другаго, не подлежитъ осужденію. Мало того, Зонара въ примѣръ такихъ, не безъ основанія совершающихся разводовъ, приводитъ поводы, не упомянутые Юстиніаномъ, именно личныя оскорбленія и жестокое обращеніе со стороны мужа [71]). Вообще же для канонистовъ-комментаторовъ XII столѣтія, Аристина, Зонары и Вальсамона, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что императорское законодательство и въ частности законодательство CXVII новеллы Юстиніана не только практически дѣйствуетъ въ церковной жизни, но и *преобразовало* дѣйствовавшія дотолѣ церковныя нормы, *отмѣнило* существовавшія и признававшіяся раньше церковныя предписанія [72]). Эта мысль, впрочемъ, высказывалась и самимъ законодателемъ, который приравнивалъ законы къ канонамъ и наоборотъ [73]).

На церковной практикѣ обнаружилось дѣйствіе не только законовъ христіанскихъ императоровъ, но и древне-римскаго права, поскольку это послѣднее продолжало дѣйствовать въ римскомъ государствѣ при христіанскихъ императорахъ. Въ доказательство этого дѣйствія можно привести взглядъ церковныхъ каноновъ и канонистовъ на прелюбодѣяніе и на его значеніе въ отношеніи къ расторженію брака. Ни каноны, ни канонисты не могутъ забыть, конечно, что, по евангельскому и апостольскому ученію, оба супруга несутъ равныя обязанности относительно другъ друга, и что мужъ, измѣняющій своей женѣ для другой женщины, подлежитъ такому же осужденію, какъ и жена, измѣняющая своему мужу для другаго мущины. Въ 9-мъ правилѣ

Василія Великаго говорится, что если мужъ, отступивъ отъ жены, пойметъ иную, то и самъ онъ есть прелюбодѣй, такъ какъ заставляетъ отпущенную имъ жену прелюбодѣйствовать, и живущая съ нимъ есть прелюбодѣйка, потому что отвлекла къ себѣ чужаго мужа. Слѣдовательно, мужъ разсматривается какъ прелюбодѣй потому, что онъ нарушаетъ вѣрность женѣ, оставляетъ ее и даетъ ей поводъ вступить въ преступную прелюбодѣйную связь съ другимъ мущиной; сожительница же мужа, для которой этотъ послѣдній измѣнилъ своей женѣ, разсматривается какъ прелюбодѣйка потому, что она заступила мѣсто законной женѣ (а не потому, чтобы она была замужнею женщиною, оставившею своего мужа). Въ 77 правилѣ Василія Великаго говорится, что *мужъ*, оставившій жену, законно съ нимъ сочетавшуюся, и взявшій другую, по изреченію Господню, подлежитъ винѣ *прелюбодѣянія*. Точно также въ 87 трулльскомъ канонѣ приводятся слова евангелиста о томъ, что тотъ, кто оставляетъ законно съ нимъ сопряженную жену и поемлетъ другую, повиненъ суду прелюбодѣянія. Зонара и Аристинъ къ 9 правилу Василія Великаго и Вальсамонъ къ 87 трул. согласно понимаютъ прелюбодѣяніе въ означенныхъ канонахъ, какъ нарушеніе вѣрности не только женою мужу, но и мужемъ женѣ. Зонара по этому поводу дѣлаетъ ссылку на гл. 9 § 5 CXVII новеллы Юстиніана, которая даетъ женѣ право развестись съ мужемъ, содержащимъ любовницу въ одномъ домѣ съ женою, или въ одномъ городѣ, хотя и не называя мужа прелюбодѣемъ. Вальсамонъ къ 87 трул. дѣлаетъ ссылку на Базилики (LX, 37, 23), на основаніи которыхъ мужъ, взявшій себѣ другую жену, наказывается какъ прелюбодѣй, и утверждаетъ, что въ данномъ канонѣ говорится о двоеженствѣ, т. е. о вступленіи въ бракъ при жизни жены, законно неразведенной, съ другою женщиною. То же самое говоритъ и Зонара къ 87 трулльскому канону, который дѣйствительно имѣетъ редакцію, вполнѣ оправдывающую такое толкованіе: «законно сопряженную себѣ жену оставляющій и другую поемлющій, по слову Господа, повиненъ суду прелюбодѣянія» [74]). Однако изъ приведенныхъ же 77 правила Василія Великаго и 87 трулльскаго можно видѣть, что составители ихъ не въ строгомъ и не въ собственномъ смыслѣ слова понимали евангельское изреченіе: когда вопросъ становился на дисциплинарную почву, когда нужно было опредѣлить церковное наказаніе за нарушеніе мужемъ супружеской вѣрности въ отношеніи къ женѣ, невѣрность мужа обсуживалась не какъ прелюбодѣяніе, а какъ блудъ, и, слѣдовательно, подвергаема была дисциплинарному наказанію, вдвое болѣе снисходительному, чѣмъ какое полагалось за прелюбодѣяніе [75]).

Причина этого явленія заключается въ томъ, что въ церковную жизнь проникъ взглядъ римскаго права на прелюбодѣяніе, какъ на нарушеніе женою вѣрности мужу, причемъ невѣрность мужа женѣ могла быть квалифицируема какъ прелюбодѣяніе только лишь въ томъ случаѣ, когда мужъ вступалъ въ связь съ чужою женою, такъ что прелюбодѣемъ онъ могъ быть лишь постольку, поскольку нарушалъ права другаго мужа, а не поскольку нарушалъ вѣрность своей женѣ. Вальсамонъ справедливо говоритъ къ 48 апостол. прав., что Василій Великій ввелъ различіе между прелюбодѣемъ-мужемъ и между блудникомъ-мужемъ [76]), тогда какъ раньше, по церковнымъ воззрѣніямъ, отразившимся и на дисциплинѣ, всякая связь мужа съ другою жен щиною—все равно замужнею или незамужнею—считалась за прелюбодѣяніе. Въ самомъ дѣлѣ, 9-й канонъ Василія Великаго, начавъ съ того, что евангельское изреченіе о расторженіи брака по винѣ любодѣянія, по точному его разуму, равно приличествуетъ и мужьямъ, и женамъ, продолжаетъ, что существующій обычай далеко не таковъ, ибо мужьямъ строго воспрещается удерживать у себя прелюбодѣйныхъ женъ, женамъ же обычай повелѣваетъ удерживать своихъ мужей, хотя они прелюбодѣйствуютъ и блудятъ. Другими словами, невѣрность жены служитъ для мужа поводомъ къ разводу и даже налагаетъ на него необходимую обязанность развестись съ женой, а невѣрность мужа не служитъ для жены поводомъ къ разводу съ нимъ. Въ другомъ канонѣ Василія Великаго [77]) таже самая мысль развивается слѣдующимъ образомъ: «если мужъ, сожительствующій съ женою, недовольствуясь бракомъ, впадетъ въ блудъ, таковаго почитаемъ блудникомъ и надолго оставляемъ его подъ епитиміей; впрочемъ не имѣемъ правила подвергать его винѣ прелюбодѣянія, если грѣхъ совершенъ съ свободною отъ брака... Соблудившій не отлучается отъ сожительства съ своею женою, и жена должна принять своего мужа, обращающагося отъ блуда, но мужъ оскверненную жену изгоняетъ изъ своего дома. Причину сему дать не легко, говорится въ заключеніе канона, но такъ принято въ обычай». Этотъ обычай, установившійся въ христіанской жизни, на который дѣлается ссылка въ канонахъ Василія Великаго, имѣетъ свой источникъ въ римскомъ правѣ. Понятіемъ римскаго права о прелюбодѣяніи объясняется, во-первыхъ, то, что по смыслу 9 и 21 правилъ Василія Великаго существо прелюбодѣянія поставляется не въ нарушеніи взаимной супружеской вѣрности, а въ нарушеніи мужнихъ цравъ на жену, а во-вторыхъ—что невѣрность мужа не даетъ женѣ законнаго повода къ разводу съ нимъ, между тѣмъ какъ мужу не только

дается право, но и вмѣняется ему въ обязанность дать разводъ женѣ-прелюбодѣйкѣ. Въ дѣйствительности эта послѣдняя обязанность, конечно, не иначе должна была пониматься, какъ въ смыслѣ юстиніановской новеллы, опредѣляющей для жены монастырское заключеніе и предоставляющей мужу возобновить супружеское сожитіе съ его невѣрною женою черезъ два года пребыванія ея въ монастырѣ на покаяніи. Что касается церковнаго наказанія прелюбодѣевъ, т. е. мужчинъ женатыхъ или неженатыхъ, нарушающихъ права другаго мужа, то каноны, — не разсчитывая на смертную казнь, которой должны были подлежать прелюбодѣи на основаніи законовъ христіанскихъ императоровъ вплоть до изданія эклоги, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ преступники, по самому свойству преступленія, могли укрываться отъ глазъ правосудія и избѣгать законной кары,—опредѣляли долговременное (15 л.) церковное покаяніе. Тѣмъ болѣе слѣдовательно, въ виду фактической возможности для прелюбодѣевъ остаться свободными отъ уголовнаго наказанія, а позднѣе, со времени эклоги, въ виду того, что родъ наказанія прелюбодѣевъ (отрѣзаніе носа) не исключалъ возможности брачнаго ихъ сожительства съ тѣми или другими женщинами, каноны должны были установить церковную норму для вступающихъ въ бракъ прелюбодѣевъ. По этому предмету имѣется два канона Василія Великаго. Канонъ 39-й, согласно съ римскимъ правомъ, признаетъ принципіальную невозможность брака между женой-прелюбодѣйкою и соучастникомъ ея преступленія, слѣдовательно между adultera и adulter, и говоритъ, что связь между прелюбодѣями, сколько бы времени она ни продолжалась, всегда будетъ оставаться связью прелюбодѣйною, никогда не переходя въ бракъ. Канонъ 37-й Василія Великаго относится къ вступленію въ бракъ прелюбодѣя съ другими лицами и говоритъ, что если прелюбодѣй, по отнятіи у него чужой жены, вступитъ въ бракъ съ другою женщиною, онъ долженъ за свое прелюбодѣяніе съ чужою женою понести установленное церковное покаяніе, бракъ же его съ другою женщиною долженъ разсматриваться какъ законный и не подлежащій никакому наказанію. Но прелюбодѣемъ могъ быть и неженатый, и женатый мужчина. Представимъ себѣ послѣднее. Прелюбодѣй имѣетъ свою жену; разводу съ ней онъ не подлежитъ, потому что невѣрность мужа женѣ не служитъ для нея основаніемъ къ разводу; но фактъ преступленія его констатированъ, хотя уголовнаго наказанія ему удалось избѣгнуть. Такимъ образомъ, если жена его умирала, прелюбодѣяніе его нисколько не служило ему помѣхой къ вступленію въ бракъ, что въ особенности часто должно было встрѣчаться въ практикѣ со времени изданія эклоги,

замѣнившей смертную казнь члено-вредительнымъ наказаніемъ. Вальсамонъ въ толкованіи къ 37 канону Василія Великаго говоритъ, въ виду, впрочемъ, не историческихъ какихъ либо свѣдѣній или данныхъ, а словъ и выраженій самаго канона,—что поводомъ къ составленію этого канона послужилъ взглядъ, высказывавшійся нѣкоторыми современниками Василія Великаго, будто прелюбодѣй не долженъ сопрягаться бракомъ со второй женой, какъ подлежащій уголовному осужденію по силѣ закона, дѣйствовавшаго до анакатарсиса, т. е. до пересмотра и реставраціи юстиніанова права при Василіи Македонянинѣ и Львѣ Мудромъ въ такъ называемыхъ Базиликахъ. Но хотя кто либо подлежитъ уголовному суду и наказанію за прелюбодѣяніе, говоритъ Вальсамонъ, наказаніе не служитъ для него помѣхою къ заключенію брака, и за это послѣднее онъ не наказывается [78]). Тѣмъ болѣе не наказывается онъ послѣ анакатарсиса, когда смертная казнь отмѣнена, и прелюбодѣй наказывается лишь урѣзаніемъ носа и имущественнымъ взысканіемъ. Такъ какъ въ настоящее время, заключаетъ комментаторъ, браки не иначе могутъ быть заключаемы, какъ съ церковнымъ благословеніемъ, то прелюбодѣй не можетъ вступить въ бракъ съ женщиною до понесенія установленнаго въ канонахъ церковнаго наказанія [79]). — Насколько справедливо увѣреніе Вальсамона, что во времена Василія Великаго существовалъ взглядъ, будто бракъ для прелюбодѣевъ невозможенъ, судить затруднительно: изъ 37 правила Василія Великаго видно только то, что поводомъ для самаго этого правила послужилъ конкретный случай, вызвавшій недоумѣніе отдѣльнаго лица, которое и обратилось за разъясненіемъ къ Василію Великому. Что касается другаго увѣренія Вальсамона, будто законъ о смертной казни прелюбодѣевъ дѣйствовалъ до изданія анакатарсиса, то оно несомнѣнно неточно, такъ какъ уже эклога, гораздо раньше анакатарсиса, замѣнила смертную казнь прелюбодѣевъ члено-вредительнымъ наказаніемъ. Но, во всякомъ случаѣ, изъ разсужденій Вальсамона видно, что прелюбодѣяніе и вступленіе въ законный бракъ не стоятъ между собою въ такомъ соотношеніи, чтобы первымъ исключалось послѣднее, и что съ того времени въ особенности, когда закономъ Льва Мудраго было предписано заключать браки не иначе, какъ съ церковнымъ благословеніемъ, прелюбодѣй можетъ получить благословленіе церкви на вступленіе въ бракъ, по понесеніи установленнаго церковнаго наказанія.

V.

Къ представленному очерку исторіи развода и брачной правоспособности лицъ разведенныхъ остается добавить нѣсколько замѣчаній относительно дальнѣйшей судьбы развода на востокѣ. Каноническое бракоразводное право (т. е. юстиніаново право, принятое въ церковные сборники) для византійскихъ императоровъ не считалось разъ навсегда установленною нормою. Левъ Исавръ и Константинъ Копронимъ, вмѣсто длиннаго ряда исчисляемыхъ Юстиніаномъ законныхъ поводовъ къ расторженію брака, допустили только три повода для мужа и три для жены [80]). А императоръ Левъ мудрый, реставрировавшій въ Базиликахъ Юстиніаново право, въ томъ числѣ и бракоразводное, въ своихъ позднѣйшихъ новеллахъ ввелъ еще новые поводы къ разводу: вытравленіе женою плода [81]) и сумасшествіе одного изъ супруговъ [82])—послѣдній поводъ даже въ явное уклоненіе отъ каноновъ [83]). На Руси въ народной жизни практиковалась широкая свобода разводовъ, даже разводовъ по взаимному соглашенію, безъ какого либо особаго нарочитаго повода, который бы признавался за достаточное основаніе къ разводу со стороны закона и власти [84])—слѣды этой свободы замѣчаются изслѣдователями даже во второй половинѣ прошлаго столѣтія [85]). А что касается церковныхъ взглядовъ, выражавшихся въ церковныхъ сборникахъ и высказывавшихся представителями духовной іерархіи, то въ разныя времена у насъ выражались и высказывались весьма различные мнѣнія и взгляды. Неизвѣстный книжникъ-составитель «Лѣтописца Переяславля Суздальскаго»—приписалъ къ уставу Ярослава о церковныхъ судахъ нѣсколько статей о разводѣ, причемъ, во-первыхъ, сдѣлалъ выборку изъ византійскихъ статей о разводѣ, выписавъ далеко не всѣ тѣ поводы къ разводу, которые можно было найти уже во второй половинѣ XIII вѣка въ кормчей книгѣ, полученной митрополитомъ Кирилломъ II отъ болгарскаго деспота Іакова Святислава, и въ образовавшейся, благодаря ей, цѣлой фамиліи рукописныхъ кормчихъ (рязанской), и которые позднѣе составили въ печатномъ изданіи кормчей 44-ю главу и 11-ю грань 48 главы (прохирона),—во-вторыхъ, въ выписанныхъ даже статьяхъ сдѣлалъ попытку приспособить чужое право къ русской жизни. Эту попытку можно прослѣдить въ томъ, напримѣръ, что, когда говорится о государственномъ преступленіи, какъ основаніи къ разводу, наряду съ царемъ упоминается о *князѣ*, а когда нужно передать византійскую статью о посѣщеніи женою театровъ и ипподромовъ, какъ основаній къ разводу, вмѣсто означенныхъ византійскихъ уве-

селеній являются *игрища*. Но это не все. Къ византійскимъ статьямъ русскій книжникъ прибавилъ еще отъ себя оригинальную статью о дозволеніи развода въ томъ случаѣ, если жена наведетъ воровъ въ домъ мужа, или сама обокрадетъ его, а также, если обокрадетъ церковь. Любопытно, что всѣ исчисленные въ «Лѣтописцѣ Переяславлѣ суздальскаго» поводы къ разводу суть поводы для мужа, а не для жены, такъ что, въ уклоненіе отъ византійскаго права, за женою, повидимому, совсѣмъ не признается права на разводъ по какимъ-бы то ни было поводамъ [86]). Отъ Котошихина, затѣмъ, мы довольно неожиданно узнаемъ, что въ московскомъ государствѣ мужъ за побои женѣ былъ отправляемъ въ монастырское смиреніе, а если, просидѣвъ извѣстный срокъ въ монастырѣ, не исправлялъ своего обращенія съ женою, женѣ предоставлялось право требовать развода, и что послѣ развода обоимъ супругамъ дозволялось вступить въ бракъ не ранѣе, какъ по истеченіи семи лѣтъ [87]). Не менѣе неожиданно узнаемъ изъ одного оффиціальнаго документа отъ половины прошлаго столѣтія, въ которомъ сдѣлана справка изъ актовъ XVII-го столѣтія, что при патріархѣ Адріанѣ были признаваемы два повода къ разводу: прелюбодѣйная вина и смертное на животъ совѣщаніе [88]). Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ признавалъ многія основанія къ разводу, а архіепископъ Іосифъ московскій допускалъ разводъ лишь въ случаѣ прелюбодѣянія [89]). По дѣйствующему русскому праву признается гораздо меньшее количество поводовъ къ разводу, чѣмъ сколько признавалось ихъ византійскимъ каноническимъ правомъ [90]), причемъ, кромѣ того, сдѣланы три немаловажныя принципіальныя отступленія отъ византійскаго каноническаго права. Во-первыхъ, между тѣмъ какъ византійское право не знало такого наказанія, съ которымъ было-бы сопряжено разрушеніе брака (за исключеніемъ такихъ наказаній, которыя дѣлали фактически-невозможнымъ продолженіе супружескаго сожитія, какъ смертная казнь и монастырское заключеніе), въ русскомъ правѣ дѣйствуетъ принципъ, что извѣстный родъ наказанія, именно лишеніе всѣхъ правъ состоянія, заключаетъ въ себѣ, какъ составной элементъ, разрушеніе правъ семейственныхъ, впрочемъ не какъ безусловно необходимый, а какъ факультативный элементъ. Отъ невиннаго супруга зависитъ воспользоваться правомъ просить компетентное учрежденіе о расторженіи брака, такъ что не воспользовавшееся этимъ правомъ лицо продолжаетъ состоять въ бракѣ съ лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія супругомъ. Во-вторыхъ, въ русскомъ правѣ и прелюбодѣяніе въ частности не считается, по самому его существу, разрушительнымъ для супружескаго союза: между тѣмъ

какъ въ римскомъ правѣ, въ церковной дисциплинѣ первыхъ вѣковъ христіанства и въ византійскомъ каноническомъ правѣ требовалось, чтобы мужъ прекратилъ свое сожительство съ женою-прелюбодѣйкою, какъ скоро для него становилась несомнѣнною невѣрность жены, русское право, напротивъ, ставитъ серьезныя ограниченія и препятствія расторженію браковъ по причинѣ прелюбодѣянія, затрудняя способы доказательства факта прелюбодѣянія и даже, въ случаѣ доказанности этого факта, обязывая судъ убѣждать супруговъ къ примиренію и къ продолженію брачнаго сожительства. Въ третьихъ, подъ прелюбодѣяніемъ въ русскомъ правѣ понимается не только невѣрность жены мужу, но и невѣрность мужа женѣ (т. е. разумѣется невѣрность, сопряженная съ фактомъ внѣбрачнаго плотскаго сожительства, а не интеллектуальная только невѣрность). При этомъ, римскій юридическій терминъ «adulter», какъ обозначавшій постороннее лицо, вторгавшееся въ мужнія права, не имѣетъ себѣ соотвѣтствующаго термина и понятія въ русскомъ правѣ, такъ какъ терминъ «прелюбодѣй» въ русскомъ правѣ ни къ кому другому не прилагается, кромѣ мужа, нарушившаго вѣрность въ отношеніи къ его женѣ. Ко всѣмъ указаннымъ различіямъ между русскимъ и византійскимъ каноническимъ правомъ можно присовокупить и еще одно различіе: въ византійскомъ каноническомъ правѣ періода вселенскихъ соборовъ разводъ понимается не въ смыслѣ судебнаго акта, какъ результата процесса, а въ смыслѣ юридическаго акта, совершаемаго тѣмъ или другимъ супругомъ безъ обращенія къ суду, въ виду лишь законной нормы, допускающей разводъ въ извѣстномъ конкретномъ случаѣ [91]).

Въ отношеніи къ брачной правоспособности лицъ разведенныхъ древне-русское право не содержало въ себѣ никакихъ ограниченій, и только митрополиты изрѣдка въ своихъ посланіяхъ возставали противъ беззаконныхъ разводовъ и беззаконныхъ новыхъ браковъ, причемъ беззаконіе, какъ видно, доходило до того, что многіе до 10 разъ разводились и снова вступали въ бракъ [92]). *Юридическія* ограниченія вступленія разведенныхъ въ новые браки могли быть въ древней Руси не иныя, какъ тѣ, которыя находимы были нашими предками въ кормчей книгѣ, т. е. извѣстныя уже намъ ограниченія византійскаго каноническаго права, имѣвшія тѣмъ меньшее значеніе для русской жизни, что смертная казнь и членовредительныя наказанія, практиковавшіяся въ Византіи надъ прелюбодѣями, не практиковались въ Россіи, да и монастырское заключеніе не могло быть обычнымъ наказаніемъ для женъ-прелюбодѣекъ [93]). Изъ того, что

въ 1722 году состоялся указъ [94]) «женъ, отрѣшенныхъ отъ мужей за правильныя вины, въ монашество не постригать, но по винамъ ихъ, которыя явятся повинны наказанію или ссылкѣ, на прядильный дворъ отсылать» отнюдь не слѣдуетъ, чтобы до указа 1722 года въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ постоянно жены, разведенныя съ мужьями, были отправляемы для постриженія въ монастыри, а слѣдуетъ только то, что послѣ напечатанія кормчей книги, въ которой съ намѣреніемъ были помѣщены одни лишь византійскіе источники, весьма естественно было придти къ мысли о буквальномъ соблюденіи Юстиніановыхъ законовъ относительно отсылки виновныхъ женщинъ въ монастыри [95]). Изъ XVIII столѣтія извѣстенъ и еще одинъ примѣръ подобнаго-же рода попытки провести византійское правило, или даже не византійское (хотя и практиковавшееся иногда въ Византіи), но выводившееся изъ одной статьи закона суднаго людямъ царя Константина, именно о воспріятіи дѣтей отъ купели крещенія, какъ о поводѣ къ разводу. Изъ того, что въ XVIII столѣтіи явились императорскіе указы, воспрещавшіе на будущее время расторгать браки лицъ, бывшихъ воспріемниками однихъ и тѣхъ-же дѣтей, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы до XVIII столѣтія практиковался этотъ самый, воспрещавшійся на будущее время, порядокъ, а слѣдуетъ только то, что въ XVIII столѣтіи такіе ревнители соблюденія церковныхъ правилъ, какъ ростовскій митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ, хотѣли провести на практикѣ то, что они прочитали въ печатной кормчей книгѣ и въ номоканонѣ при большомъ требникѣ [96]).

Вопросъ о брачной правоспособности лицъ, разведенныхъ по прелюбодѣянію, подвергнутъ былъ спеціальному обсужденію Өеофаномъ Прокоповичемъ [97]). Въ своемъ мнѣніи о разводѣ Өеофанъ съ вѣской аргументаціей высказывается за дозволеніе вступленія въ бракъ и лицу виновному въ прелюбодѣяніи. Виноватое лицо, разсуждаетъ Өеофанъ, не болѣе связано союзомъ супружества, послѣ того какъ онъ нарушенъ и разрушенъ, чѣмъ лицо невинное: бракъ, прекратившійся для послѣдняго, вслѣдствіе его расторженія по рѣшенію суда, прекращается и для виновнаго, такъ что оба становятся одинаково свободными отъ прежняго брака и одинаково способными къ вступленію въ новый бракъ. Во вторыхъ, говоритъ Өеофанъ, если мужчина не считаетъ для себя зазорнымъ и рѣшается жениться на блудницѣ или на женщинѣ развратнаго поведенія, и если законъ не возбраняетъ подобнаго брака, то какое основаніе существовало бы для воспрещенія брака женщинѣ, виновной въ нарушеніи вѣрности первому мужу, какъ скоро нашелся бы человѣкъ, который не счелъ бы за-

зорнымъ для себя и рѣшился бы жениться на ней? Невѣрная первому мужу можетъ быть вѣрною женою второму. Наконецъ, по мнѣнію Ѳеофана Прокоповича, слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что не давать возможности виновному лицу вступать въ законный супружескій союзъ значило бы обрекать на пожизненный блудный грѣхъ. Что «безстрашію прелюбодѣйства» должны быть поставлены извѣстныя границы и мѣры репрессіи,—въ этомъ не сомнѣвается и Ѳеофанъ: виновные должны быть наказаны гражданскимъ судомъ и епитиміей, должны испросить прощеніе у невинныхъ и не прежде должны вступать въ новый бракъ, какъ эти послѣдніе, т. е. невинные, сочетаются новымъ бракомъ.

Мнѣніе, представленное по вопросу о разводѣ и о брачной правоспособности лицъ, разведенныхъ по причинѣ прелюбодѣянія, ученымъ богословомъ и канонистомъ, первенствующимъ членомъ Святѣйшаго Синода, архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, есть довольно любопытный памятникъ въ исторіи занимающаго насъ вопроса. Хотя послѣдующая бракоразводная практика основалась не на мнѣніи Ѳеофана, однако это мнѣніе служитъ доказательствомъ того, что до XVIII столѣтія не было по данному пункту ясно сознанной и безспорно-руководящей твердой нормы. Потому-то и потребовалось составленіе мнѣнія о разводѣ и о брачной правоспособности лицъ разведенныхъ, что вопросъ представился неяснымъ и сомнительнымъ, какъ только сдѣлана была первая попытка принципіальной его постановки въ началѣ XVIII столѣтія.

Бракоразводная практика основалась, какъ сказано, не на мнѣніи Ѳеофана; но принципъ, противоположный тому, который защищался Ѳеофаномъ, проникъ въ русское законодательство не раньше изданія устава духовныхъ консисторій 27 марта 1841 г., въ которомъ читается слѣдующая статья: «если будетъ доказано о неспособности отвѣтствующаго лица къ супружескому сожитію, или о нарушеніи отвѣтствующимъ лицомъ святости брака прелюбодѣяніемъ, то бракъ расторгается, и истцу, бывшему въ первомъ или второмъ бракѣ, предоставляется право вступить въ новый бракъ, а лицо отвѣтствовавшее осуждается на всегдашнее безбрачіе, и если осуждается на то за нарушеніе святости брака, то подвергается епитиміи по церковнымъ правиламъ» [98]). Изъ устава духовныхъ консисторій осужденіе виновныхъ въ прелюбодѣяніи супруговъ на безбрачіе перешло въ 1 ч. X т. св. закон., изд. 1842 г., между тѣмъ какъ въ изданіи свода законовъ 1832 г. объ осужденіи на безбрачіе ничего не говорилось. Въ изданіи 1842 г. пунктъ 4 ст. 52 гласитъ, что «закон-

ными браками не признаются брачныя сопряженія лицъ, которымъ, за нарушеніе супружеской вѣрности, по расторженіи брака, возбраняется вступать въ новый». Въ сводѣ законовъ изданія 1857 г. [99]) не упоминается о нарушеніи супружеской вѣрности, а говорится *вообще*: «законными и дѣйствительными не признаются... брачныя сопряженія лицъ, которымъ, по расторженіи брака, возбранено вступать въ новый». Кому же именно, какимъ лицамъ въ частности сводъ законовъ гражданскихъ возбраняетъ вступленіе въ новый бракъ, по расторженіи прежняго? Изъ статей 40—42 св. закон. 1 ч. X т. можно видѣть, что, по гражданскимъ законамъ, осуждаются на всегдашнее безбрачіе двѣ категоріи лицъ: вступившіе во второй бракъ при существованіи прежняго, т. е. двоеженцы и двумужницы, и безвѣстно отсутствующія болѣе пяти лѣтъ лица, которыя оставили своего супруга или свою супругу. Статья 256 устава духовныхъ консисторій не вошла въ сводъ законовъ гражданскихъ, между тѣмъ какъ, вообще говоря, читающіяся въ уставѣ духовныхъ консисторій статьи о разводѣ внесены и въ сводъ законовъ гражданскихъ. Слѣдовательно, сводъ законовъ, говоря о брачныхъ сопряженіяхъ лицъ, которымъ, по расторженіи брака, возбранено вступать въ новый, не могъ имѣть въ виду лицъ, неспособныхъ къ супружескому сожитію, и лицъ, нарушившихъ святость брака прелюбодѣяніемъ, а могъ имѣть въ виду только тѣ двѣ категоріи лицъ (двубрачныхъ и безвѣстно отсутствующихъ), которыя упоминаются въ самомъ же сводѣ законовъ [100]). Неприведеніе въ соотвѣтствіе постановленій устава духовныхъ консисторій съ статьями 1 ч. X т. св. закон. можетъ повести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ. Юристъ, руководясь правилами юридической интерпретаціи, могъ бы разсуждать такимъ образомъ: сводъ законовъ 1857 г. содержитъ въ себѣ тѣ же самыя статьи о разводѣ, которыя вошли въ составъ раньше изданнаго устава духовныхъ консисторій—27 марта 1841 года, но одна изъ статей опущена, слѣдовательно, эта статья ео ipso отмѣнена. Да будетъ мнѣ позволено воспроизвести здѣсь буквально нѣсколько словъ изъ составленнаго мною разбора сочиненія А. Загоровскаго «О разводѣ по русскому праву»: «Если позднѣйшій законъ сполна опредѣляетъ тѣ же самыя отношенія, которыя были опредѣлены болѣе раннимъ закономъ, то неупоминаніе въ позднѣйшемъ законѣ о чемъ либо такомъ, что содержалось въ предшествовавшемъ законѣ, можетъ быть истолковываемо только въ смыслѣ отмѣны этого опредѣленія предшествовавшаго закона. Новое оффиціальное изданіе устава духовныхъ консисторій въ 1883 г. по опредѣленію св. прав. синода едва ли

могло измѣнить положеніе этого вопроса, ибо хотя относительно введенія въ дѣйствіе этого новаго изданія устава состоялось Высочайшее повелѣніе, но оно всетаки не получило Высочайшаго утвержденія, которое требуется для изданія всякаго новаго закона, и поэтому не произвело никакихъ измѣненій въ отношеніяхъ между уставомъ духовныхъ консисторій 27 марта 1841 г. и первою частью X тома свода законовъ гражданскихъ, изд. 1857 года. Первый есть всетаки lex prior, послѣдняя — lex posterior» [101]). Представимъ себѣ въ самомъ дѣлѣ, что въ скоромъ времени состоялось бы Высочайшее повелѣніе о введеніи въ дѣйствіе пересмотрѣнной и дополненной новыми постановленіями первой части десятаго тома, а черезъ два три десятка лѣтъ подвергнутъ бы былъ пересмотру и введенъ по Высочайшему повелѣнію въ дѣйствіе уставъ духовныхъ консисторій, а потомъ снова исправленное оффиціальное изданіе 1 ч. X тома и т. д. Слѣдовало ли бы отсюда, что всякій разъ отношенія пріоритета и постеріоритета между законами измѣнялись бы, такъ что одинъ и тотъ же законъ могъ по нѣскольку разъ превращаться изъ lex prior въ lex posterior и наоборотъ? Итакъ, даже и въ дѣйствующемъ русскомъ законодательствѣ, по вопросу объ осужденіи на безбрачіе лицъ, виновныхъ въ прелюбодѣяніи, заключаются какое-то колебаніе, неясность и неопредѣленность.

VI.

Все вышеизложенное позволяетъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

I. Заповѣдь Господня о нерасторженіи брака по какимъ либо другимъ причинамъ, кромѣ вины любодѣянія, не должна быть исторгаема изъ ея естественной связи съ другими *нравственными* заповѣдями нагорной проповѣди Іисуса Христа и должна быть обсуживаема точно такъ же, какъ другія нравственныя заповѣди Спасителя, напримѣръ, о мысленномъ прелюбодѣйствѣ, о непротивленіи насиліямъ, оскорбленіямъ и исковымъ требованіямъ, о воздержаніи отъ клятвы, о любви къ врагамъ и проч. Возвышенныя заповѣди христіанскаго нравственнаго ученія возводятъ исполнителя ихъ на высоту христіанскаго нравственнаго идеала и составляютъ для христіанина ту священную цѣль, къ которой онъ долженъ стремиться всѣми силами своей души. Но обязательнымъ для всѣхъ юридическимъ закономъ эти заповѣди не могутъ быть. Юридическій законъ, если бы даже онъ поставлялъ свое совершенство прямо въ возможномъ приближеніи къ христіанскому нравственному идеалу, долженъ разсчитывать

лишь на средній уровень человѣческихъ силъ и добродѣтелей и никогда, напримѣръ, не можетъ предполагать излишними отправленіе правосудія, судебный процессъ, тяжбы, судоговореніе, на томъ основаніи, что въ св. Писаніи христіанамъ рекомендуется избѣгать всякихъ тяжбъ и тому, кто желаетъ оттягать верхнюю одежду, отдавать и нижнюю, а ударившему по одной щекѣ подставлять другую. Поэтому едва ли можетъ быть одобрено замѣчаемое въ нашей духовной литературѣ и иногда даже въ оффиціальныхъ церковно-правительственныхъ актахъ желаніе или стремленіе ссылаться на св. Писаніе, какъ на юридическій законъ, въ подражаніе римско-католической церкви, которая смотритъ на Христа, какъ на законодателя въ строго юридическомъ смыслѣ. И у насъ иногда требованія евангельскаго закона ставятся подъ рядъ съ постановленіями того или другаго тома свода законовъ, вообще съ нормами, опредѣляющими юридическую практику, причемъ даже и въ этомъ ряду евангельскимъ заповѣдямъ отводится иногда послѣднее мѣсто, такъ что сначала принимается во вниманіе какая либо статья положительнаго законодательства, или, пожалуй, какое либо общее соображеніе, потомъ статья закона, а потомъ уже и ссылка на Евангеліе. Должно стоять внѣ сомнѣній и споровъ, что Евангеліе возвышается надъ всякимъ положительнымъ законодательствомъ, государственнымъ или церковнымъ, но что оно не есть юридическій законъ и, при всемъ стремленіи отдѣльныхъ лицъ и положительныхъ законодательствъ проникнуться евангельскими нравственными началами, никогда не можетъ стать регуляторомъ человѣческихъ юридическихъ отношеній.

II. Церковь въ своей исторической жизни *никогда не руководилась* въ вопросѣ о расторженіи брака и о брачной правоспособности разведенныхъ евангельскою заповѣдью, какъ исключительнымъ юридическимъ закономъ, такъ чтобы этою заповѣдію буквально, и только ею одною, регулировался разводъ между христіанами. Въ церковной практикѣ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства евангельская нравственная заповѣдь о нерасторженіи брака, за исключеніемъ вины любодѣянія, понималась такъ, что и въ случаѣ вины любодѣянія не только виновному, но и невиновному супругу не дозволялось вступленіе въ новый бракъ. На этой точкѣ зрѣнія утвердилось послѣ нѣкоторыхъ колебаній западно-католическое церковное право. На востокѣ при христіанскихъ императорахъ установился и усвоенъ каноническимъ правомъ цѣлый рядъ законныхъ основаній или поводовъ къ разводу, кромѣ того случая, о которомъ говорится въ Евангеліи, какъ объ исключительномъ, съ безусловно неограниченною, или условно огра-

ниченною возможностію вступленія разденныхъ въ новые браки. Что касается до прелюбодѣянія въ особенности, какъ одного изъ многихъ поводовъ къ разводу, то, по крайней мѣрѣ, въ періодъ вселенскихъ соборовъ прелюбодѣяніе (понимаемое въ римскомъ, а не въ евангельскомъ смыслѣ), принципіально не исключало возможности новаго брака для разведенныхъ не только невинныхъ, но и виновныхъ супруговъ. Зато въ каноническомъ правѣ съ такою же безусловною строгостью, какъ въ римскомъ правѣ, не допускается принципіально возможности брака между прелюбодѣями,—все равно, при жизни или по смерти оскорбленнаго невиннаго супруга, пожелали бы они вступить въ бракъ между собою. Обольститель или любовникъ замужней женщины, послѣ того какъ эта женщина получила разводъ отъ своего мужа, какъ нарушившая супружескую вѣрность,—никогда не могъ вступить въ законный бракъ съ соучастницей своего преступленія, хотя бы тому и другому изъ нихъ удалось избѣгнуть формальнаго обвиненія, суда и наказанія за adulterium. Въ Россіи рано ли, поздно ли, сдѣлались извѣстны постановленія византійскаго каноническаго права о различныхъ законныхъ поводахъ къ разводу. Въ сербской кормчей книгѣ, полученной митрополитомъ Кирилломъ II изъ Болгаріи въ 1262 г., уже содержались тѣ статьи, которыя составили позднѣе 44 и 48 главы въ печатной кормчей книгѣ. Въ первой находится извлеченія изъ номоканона въ XIV титуловъ, и именно извлеченіе изъ CXVII новеллы Юстиніана. Въ послѣдней помѣщается прохиронъ Василія Македонянина, въ которомъ XI грань исчисляетъ различные законные поводы къ расторженію брака, и изъ котораго неизвѣстный русскій книжникъ почерпнулъ свои приписки къ церковному уставу Ярослава по «Лѣтописцу Переяславля суздальскаго». Въ дѣйствительности, въ разное время могли существовать различныя теченія въ бракоразводной русской практикѣ, такъ что далеко не всегда одни и тѣ же поводы къ расторженію брака признавались въ русской жизни.

III. Поводы къ разводу, допускаемые *дѣйствующимъ* уставомъ духовныхъ консисторій, не совпадаютъ ни съ требованіями Евангелія, ни съ дисциплинарной практикой первыхъ вѣковъ христіанства, ни съ византійскимъ каноническимъ правомъ. Обязательное же безбрачіе лицъ, бракъ которыхъ расторгнутъ по причинѣ прелюбодѣянія, какъ ясно формулированный въ законодательствѣ принципъ, не древнѣе устава духовныхъ консисторій 27 марта 1841 года, и притомъ этотъ принципъ не поддержанъ сводомъ законовъ гражданскихъ. Если бы подобное несоотвѣтствіе устава гражданскаго съ уставомъ церковнымъ встрѣтилось въ западно-европейской судебной практикѣ, то

гражданскіе суды не признали бы для себя обязательными постановленій церковнаго устава, причемъ, конечно, не оспаривалась бы обязательная сила тѣхъ же самыхъ постановленій для церковныхъ судовъ, поскольку эти послѣдніе могли бы поддержать силу церковныхъ постановленій средствами церковной дисциплины противъ брачущихся съ нарушеніемъ церковнаго запрещенія и противъ духовныхъ лицъ, дающихъ церковное благословеніе запрещенному браку. Таковой исходъ изъ несоотвѣтствія уставовъ церковныхъ и гражданскихъ тѣмъ бо́льшее имѣлъ бы оправданіе, что право на вступленіе въ бракъ есть право гражданское, естественное право каждаго гражданина, если не однородное съ правомъ на пищу, питье и на воздухъ, то, во всякомъ случаѣ, однородное съ правомъ на свободу, на свободное проявленіе человѣческихъ силъ и на свободное удовлетвореніе человѣческихъ потребностей,—слѣдовательно такое право, лишеніе котораго можетъ послѣдовать лишь въ силу яснаго предписанія законовъ гражданскихъ, а не уставовъ церковныхъ. Законы гражданскіе знаютъ осужденіе на безбрачіе, какъ наказаніе за двоебрачіе, и за безвѣстное отсутствіе съ оставленіемъ супруга, продолжавшееся свыше пяти лѣтъ. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ разборъ вопроса о цѣлесообразности наказанія безбрачіемъ въ примѣненіи къ двумъ означеннымъ категоріямъ лицъ. Достаточно указать на то, что безбрачіе опредѣляется даннымъ лицамъ не по церковному только, но и по гражданскому закону, и что случаи вступленія въ новый бракъ лицъ обѣихъ указанныхъ категорій сравнительно рѣже, чѣмъ случаи, въ которыхъ была бы ощущаема потребность новаго брака лицами, разведенными по прелюбодѣянію.—Изъ указываемыхъ уставомъ духовныхъ консисторій двухъ другихъ категорій лицъ, подвергающихся наказанію безбрачія, одна категорія—оказавшіеся неспособными къ супружескому сожитію—не терпитъ того лишенія, которое испытывается людьми, физически способными къ брачной жизни и лишаемыми права на таковую жизнь. Другая категорія—разведенные по причинѣ прелюбодѣянія—испытываетъ на себѣ это лишеніе во всей его чувствительности и силѣ. Здѣсь, по мѣткому выраженію Ѳеофана Прокоповича, человѣкъ за грѣхъ карается пожизненно «явнымъ грѣха бѣдствіемъ», т. е. наказывается грѣхомъ же, необходимостію грѣшить, такъ какъ у него отнимается возможность устроить безгрѣшную и законную супружескую жизнь.

IV. Помимо историческихъ соображеній, которыя могутъ быть приводимы противъ лишенія брачной правоспособности лицъ, разведенныхъ по прелюбодѣянію, должно обратить вниманіе еще на нѣкото-

рыя принципіальныя соображенія. Откуда могли бы проистекать препятствія принципіальнаго характера къ предоставленію лицамъ, разведеннымъ по винѣ прелюбодѣянія, возможности устроить безгрѣшную и законную супружескую жизнь? Конечно, не изъ соображеній государственной пользы и гражданскихъ интересовъ, т. е. не со стороны государства Право на вступленіе въ бракъ есть право гражданское, и какъ вообще государство заинтересовано созданіемъ условій, при которыхъ граждане имѣли бы полную возможность, съ пользою для государственнаго общенія, основывать благоустроенную семейную жизнь, и устраненіемъ препятствій къ осуществленію семейныхъ влеченій, такъ и въ примѣненіи къ разсматриваемой категоріи лицъ государство имѣетъ тотъ же самый интересъ и должно выходить изъ тѣхъ же самыхъ соображеній. Не будемъ останавливаться на мысли, что если бы законодатель пришелъ къ сознанію необходимости отмѣнить существовавшее стѣсненіе брачной правоспособности, то онъ имѣлъ бы полную къ тому возможность установленіемъ гражданской формы заключенія брака для лицъ, разведенныхъ по прелюбодѣянію, если эта форма не была установлена ранѣе, или распространеніемъ ея на разсматриваемую категорію лицъ, если институтъ гражданскаго брака уже существуетъ въ законодательствѣ, подобно тому какъ въ римскомъ правѣ, воспрещавшемъ бракъ женщинамъ - прелюбодѣйкамъ, не закрывался этимъ женщинамъ путь къ законному сожительству съ мужчиной въ формѣ легальнаго конкубината. Если бы государство и пришло къ сознанію необходимости ввести институтъ гражданскаго брака, то отнюдь не необходимо, чтобы первые, кому понадобился бы институтъ гражданскаго брака, были разведенные прелюбодѣи и прелюбодѣйки. Если бы для всякихъ другихъ категорій гражданъ институтъ гражданскаго брака оказывался не необходимымъ, то изъ-за однихъ прелюбодѣевъ, конечно, была бы тѣмъ меньшая надобность разрывать существовавшую ранѣе неразрывную связь гражданскаго брака съ церковнымъ, что и съ *церковной* точки зрѣнія нѣтъ никакого препятствія къ заключенію разведенными за прелюбодѣяніе лицами брака въ *церковной формѣ*. Историческій ходъ развитія церковной дисциплины представляетъ не мало примѣровъ смягченія древнецерковныхъ строгихъ правилъ. Достаточно вспомнить здѣсь объ одномъ примѣрѣ, — о вступленіи во второй и въ третій браки. Не только дисциплина первыхъ вѣковъ христіанства, но и каноническое право періода вселенскихъ соборовъ, даже византійское церковное законодательство позднѣйшаго времени не допускали церковнаго вѣнчанія вторыхъ и третьихъ браковъ [102]). Да и у насъ на

Руси еще не такъ давно Котошихинъ писалъ: «а который человѣкъ вдовецъ похочетъ на комъ женитись, на дѣвицѣ, вдругорядь, и у нихъ свадебный чинъ бываетъ..., а въ вѣнчаніи на жениха вдовца, который женится другою женою на дѣвицѣ, полагается вѣнецъ церковный на правое плечо, а невѣстѣ дѣвицѣ церковной вѣнецъ бываетъ на главѣ; а ежели вдовецъ который женится на дѣвицѣ въ третьие, и у него... въ вѣнчаніи полагается церковной вѣнецъ на жениха—на лѣвое плечо, а невѣсты вѣнецъ бываетъ положенъ на главѣ жъ. Также ежели вдова пойдетъ замужъ за другаго и третьяго мужа, и свадебный чинъ и въ вѣнчаніи бываетъ противъ того же, что и жениху—вдовцу. А ежели женится вдовецъ на вдовѣ другою и третьею женою, и имъ вѣнчанія не бываетъ, а бываетъ молитва вмѣсто вѣнчанія, и свадебный чинъ у нихъ не противъ того обычая, какъ у холостыхъ людей [113]). Въ настоящее время не возлагаютъ вѣнцовъ ни на правое, ни на лѣвое плечо и не относятся съ такимъ неодобреніемъ ко вторымъ и третьимъ бракамъ, съ какимъ относились къ нимъ въ древности. А осужденіе на безбрачіе лицъ, разведенныхъ по причинѣ прелюбодѣянія, въ видѣ ясно формулированнаго законодательствомъ принципа, не можетъ даже сослаться и на историческую давность, такъ какъ исторія его уходитъ не дальше изданія устава духовныхъ консисторій 27 марта 1841 года. Возраженіе противъ дозволенія брака лицамъ, разведеннымъ по прелюбодѣянію, могло бы, повидимому, состоять въ томъ, что бракъ разсматривается церковью какъ таинство, и что, слѣдовательно, человѣкъ, разъ уже оказавшійся недостойнымъ таинства, не можетъ быть допущенъ церковью къ этому таинству. Однако за этимъ возраженіемъ никакой силы нельзя признать. Церковь покаявшихся грѣшниковъ вообще допускаетъ ко всѣмъ таинствамъ, допускаетъ точно также и покаявшагося прелюбодѣя, или покаявшуюся прелюбодѣйку ко всѣмъ таинствамъ, не исключая и Евхаристіи, въ которой человѣкъ вступаетъ въ непосредственное соединеніе съ Христомъ. Почему человѣкъ, признаваемый достойнымъ соединенія съ Христомъ, признавался бы недостойнымъ вступить въ супружеское соединеніе, которое потому и называется въ Св. Писаніи тайною, что представляетъ собою видимый образъ невидимаго соединенія Христа съ церковью? Къ разведеннымъ по какимъ бы то ни было причинамъ и состоящимъ внѣ брака лицамъ не менѣе, чѣмъ къ кому либо другому, относятся слова апостола: «блудодѣянія ради кійждо свою жену да имать, и каяждо жена своего мужа да имать», т. е. *во избѣжаніе блуда* каждый имѣй свою жену и каждая имѣй своего мужа [104]). Разведенные, по своему возрасту,

могутъ быть и даже обыкновенно бываютъ еще молодыми людьми, которые, съ одной стороны, подлежатъ всѣмъ соблазнамъ чувственности, а съ другой, не утратили надеждъ и силъ на упорядоченную семейную жизнь. Если бы, наконецъ, кто либо сослался на возмущеніе и оскорбленіе нравственнаго чувства дозволеніемъ людямъ, поругавшихъ бракъ, вступить въ новый бракъ, то на эту ссылку можно бы было отвѣтить слѣдующимъ образомъ. При осужденіи на безбрачіе въ смыслѣ устава духовныхъ консисторій и при томъ стѣсненіи, которому подвергаетъ дѣйствующее русское законодательство разводъ по прелюбодѣянію, допуская только лишь извѣстный родъ формальныхъ доказательствъ факта прелюбодѣянія, возможны болѣе возмутительные для нравственнаго чувства браки, чѣмъ бракъ покаявшагося прелюбодѣя съ другою женщиною, или покаявшейся прелюбодѣйки съ другимъ мужчиною. Выше было указано, что какъ римское право, такъ и каноны безусловно не допускаютъ возможности брака между прелюбодѣйкою и прелюбодѣемъ, т. е. тѣмъ постороннимъ мужчиной, съ которымъ она вступила въ преступную связь. Прелюбодѣяніе какъ impedimentum matrimonii, какъ обстоятельство, препятствующее браку между прелюбодѣемъ и прелюбодѣйкою, признано въ качествѣ таковаго въ западномъ католическомъ правѣ и въ западно-европейскихъ гражданскихъ кодексахъ. Это значитъ, что не только при жизни невиннаго супруга, но и по смерти его, прелюбодѣй съ прелюбодѣйкою не могутъ вступить въ бракъ. Недопущеніе брака между ними справедливо мотивируется тѣмъ, что законъ лишеніемъ надежды на бракъ предупреждаетъ возможныя преступныя попытки со стороны прелюбодѣевъ устранить стоящую имъ на пути помѣху въ лицѣ невиннаго супруга. Въ самомъ дѣлѣ, для соучастниковъ въ преступной связи отпадаетъ одинъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ желать смерти мѣшающаго имъ супруга, какъ скоро они знаютъ, что они, во всякомъ случаѣ, даже и по смерти его, не могутъ стать мужемъ и женой. Вотъ почему въ западномъ каноническомъ правѣ постановлено, что бракъ не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ преступленіе является средствомъ къ тому, чтобы онъ состоялся. У насъ законъ, осуждающій разведенныхъ прелюбодѣевъ на всегдашнее безбрачіе, отнюдь не исключаетъ возможности брака между самими прелюбодѣями. Въ виду требованія закономъ формальныхъ доказательствъ факта прелюбодѣянія, а также вообще въ виду чрезвычайной затруднительности веденія бракоразводнаго процесса, въ большинствѣ случаевъ оскорбленный супругъ не возбуждаетъ этого процесса, что, конечно, не мѣшаетъ факту прелюбодѣянія быть фактомъ завѣдомымъ, общеизвѣстнымъ, factum

notorium. Но общеизвѣстности мало. Фактъ прелюбодѣянія можетъ быть *оффиціально констатированъ на судѣ* при разбирательствѣ какихъ либо другихъ дѣлъ гражданскихъ или уголовныхъ, такъ что мировыя или общія судебныя учрежденія, при постановленіи рѣшенія или приговора, принимаютъ въ соображеніе, между прочимъ, и выяснившійся фактъ прелюбодѣянія, какъ констатированный оффиціально. Но и этого мало. Судъ иногда прямо разсматриваетъ жалобу оскорленнаго супруга на супруга-прелюбодѣя и на основаніи 1585 ст. улож. о наказ. присуждаетъ виновнаго къ заключенію въ монастырѣ, если въ томъ мѣстѣ находятся монастыри его исповѣданія, или же въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, сверхъ чего виновный предается еще церковному покаянію. Тутъ, разумѣется, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что судъ дѣйствуетъ въ виду констатированнаго и доказаннаго факта прелюбодѣянія, иначе онъ не сталъ бы постановлять приговора о наказаніи, какъ равно и духовное начальство, къ которому отсылается виновный для наложенія покаянія по церковнымъ правиламъ, налагаетъ это покаяніе, конечно, не иначе, какъ въ предположеніи доказанности факта прелюбодѣянія. Здѣсь не мѣсто указывать на противорѣчіе, представляемое судебною практикою по вопросу о доказанности факта прелюбодѣянія: одинъ и тотъ же фактъ, смотря по цѣли, къ которой направляется его констатированіе, признается доказаннымъ или недоказаннымъ. Доказанный для уголовнаго суда и для духовнаго начальства въ видахъ наказанія за преступленіе, фактъ прелюбодѣянія не считается доказаннымъ въ видахъ развода,—противорѣчіе, которое трудно примирить и понять. Но для насъ въ данномъ случаѣ интересъ имѣетъ не это противорѣчіе, а то обстоятельство, что фактъ прелюбодѣянія можетъ быть констатированъ на судѣ, и тѣмъ не менѣе, послѣ смерти невиннаго супруга, случившейся, быть можетъ, не безъ участія совиновниковъ въ преступленіи прелюбодѣянія, эти самые совиновники безпрепятственно могутъ вступить въ бракъ между собою. А такъ какъ законъ не отнимаетъ у нихъ возможности и надежды на соединеніе супружескимъ союзомъ, то они будутъ сознательно стремиться и всѣми мѣрами, не исключая и преступныхъ, направляться къ устраненію помѣхи въ лицѣ невиннаго супруга. Не безызвѣстно, кромѣ того, что весьма часто, при разводѣ супруговъ по прелюбодѣянію, невинная сторона, по великодушію или по слабости, принимаетъ на себя вину, такъ что осужденію на безбрачіе подвергается человѣкъ невинный, а за виновнымъ остается полная возможность вступленія въ бракъ съ церковнымъ благословеніемъ. Спрашивается: достигаетъ

ли тутъ цѣль—осужденіе лицъ, виновныхъ въ прелюбодѣяніи на безбрачіе? Отвѣтъ, конечно, можетъ быть только отрицательный. Если стать, такимъ образомъ, на церковную точку зрѣнія и понимать церковный взглядъ въ такомъ смыслѣ, что лица, виновныя въ нарушеніи брака, не могутъ быть допускаемы къ таинству брака, и если, съ другой стороны, не терять изъ вида, что матеріальная правда въ глазахъ Божіихъ имѣетъ большую цѣну, чѣмъ формальная: то, безъ всякаго сомнѣнія, изобличенный, но принесшій требуемое церковью покаяніе, прелюбодѣй имѣетъ большее право на церковное къ браку содѣйствіе, чѣмъ тотъ, кто вступаетъ въ бракъ съ соучастницей своего преступленія, нисколько не заботясь о покаяніи за свой грѣхъ, благодаря лишь тому, что фактъ прелюбодѣянія не констатированъ спеціальнымъ бракоразводнымъ процессомъ, или тому, что невинный супругъ формально взялъ вину на себя, открывъ тѣмъ виновному путь къ заключенію брака съ церковнымъ благословленіемъ. Къ кающемуся преступнику церковь всегда должна относиться съ большимъ снисхожденіемъ, чѣмъ къ преступнику, не изъявляющему раскаянія. Нѣтъ никакаго основанія утверждать, чтобы благодать Божія, сообщаемая въ церковныхъ таинствахъ, не довлѣла для исцѣленія духовныхъ немощей кающагося прелюбодѣя.

Изъ всего вышеозначеннаго явствуетъ, что содержащееся въ 256 статьѣ устава духовныхъ консисторій 27 марта 1841 г. (по изд. 1883 г., ст. 253) осужденіе на безбрачіе лицъ, бракъ которыхъ расторгнутъ по причинѣ прелюбодѣянія, можетъ быть отмѣнено безъ противорѣчія св. Писанію, безъ нарушенія канововъ, безъ подрыва церковной дисциплины и безъ опасности для гражданскаго порядка.

---

1) Матѳ. V, VII главы.
2) V, 3—12.
3) VII, 24—27.
4) V, 48.
5) V, 21—24.
6) V, 27—30.
7) Ст. 31—32.
8) Ст. 33—37.
9) Ст. 38—44.
10) Матѳ. XIX, 3—12.

[11]) Марк. X, 2—12.

[12]) Лук. XVI, 18.

[13]) Отпускать жену (ἀπολύειν γυναῖκα), какъ видно изъ Mѳ. XIX, 7, не значитъ изгонять жену по произволу, внѣ всякихъ легальныхъ формъ, а значитъ разводиться съ нею, давать ей легальный разводъ въ формѣ разводнаго письма (βιβλίον ἀποστασίου).

[14]) У евангелиста Марка сказано: «ὃς ἐὰν ἀπολύσῃ τὴν γυναῖκα αὐτοῦ καὶ γαμήσῃ ἄλλην, μοιχᾶται ἐπ' αὐτήν. καὶ ἐὰν γυνὴ ἀπολύσῃ τὸν ἄνδρα αὐτῆς καὶ γαμηθῇ ἄλλῳ, μοιχᾶται». Но если первая половина этого изреченія должна быть понимаема съ тѣмъ исключеніемъ, о которомъ говорится въ двухъ мѣстахъ Евангелія отъ Матѳея: то и вторая половина, относящаяся къ женѣ, не можетъ быть понимаема въ какомъ либо другомъ смыслѣ.

[15]) Римл. VII, 3.

[16]) 1 Кор. VII, 4. 10—16.

[17]) Hermae Pastor, Mandat. IV, 4 sqq. Patrum apostolicorum opera ed. *Gebhardt*, *Harnack* et *Zahn*, Lipsiae, 1877.

[18]) «Adulterium non is tantum admittit qui carnem suam inquinat, sed et ille qui similia hominibus hujus seculi, quos et ethnicos vocamus, facit, et ipse adulter est. Ideo si quis in ejusmodi actibus permanebit et poenitentiam non egerit, abstinebis a conversatione ejus; sin autem, et ipse in consortium delictorum ejus venies». Mandat. IV, 9, pag. 80—81.

[19]) *Суворовъ*. Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Ярославль. 1884, стр. 19 и сл.

[20]) Іустинъ Мученикъ во второй своей апологіи разсказываетъ объ одной христіанской женщинѣ, которая, считая нечестивымъ дѣломъ сожительствовать съ мужемъ, пытавшимся удовлетворять свою похоть противоестественнымъ способомъ, желала прервать съ нимъ общеніе и, наконецъ, услышавъ, что въ Александріи, куда онъ отправился, онъ дѣлаетъ еще худшія дѣла, послала ему разводное письмо.

[21]) См. *von Moy*. Das Eherecht der Christen in der morgenländischen und abendländischen Kirche bis zur Zeit Karls des Grossen. Regensburg, 1833. S. 23.

[22]) S. 36—37 ibid.

[23]) *V. Moy*, 33: «ἤδη δὲ παρὰ γεγραμμένα καί τινες τῶν ἡγουμένων τῆς ἐκκλησίας ἐπέτρεψάν τινα, ὥστε ζῶντος τοῦ ἀνδρὸς γαμεῖσθαι γυναῖκα, παρὰ τὸ γεγραμμένον μεν ποιοῦντες ἐν ᾧ λέλεκται (далѣе цитируются слова апостола Павла о пожизненной взаимной связанности супруговъ). Εἰκὸς γὰρ τὴν συμπεριφορὰν ταύτην συγκρίσει χειρόνων ἐπιτρέπεσθαι παρὰ τὰ ἀπ' ἀρχῆς νενομοθετημένα καὶ γεγραμμένα».

[24]) S. 39—40.

[25]) Ad uxorem, II.

[26]) Constit. Apostol. VI, 16. *Pitra*, Juris ecclesiae graecorum historia et monumenta, I, 321—322.

[27]) Малахія, II, 14—15.

[28]) Слова Вальсамона къ 48 апост. пр.: «ἔστι δε ἀπολελυμένη ἡ μὴ κατὰ νόμον διαζυγεῖσα τοῦ οἰκείου ἀνδρὸς» (Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, Ῥάλλη καὶ Ποτλη, 64) противорѣчатъ ясному смыслу вышепри-

веденныхъ евангельскихъ мѣстъ, гдѣ подъ ἀπολελυμένη нужно разумѣть женщину, получившую формальный разводъ отъ мужа.

[29]) *Drei*, Neue Untersuchungen über die Constitutionen und Canones der Apostel. Tübingen, 1832. S. 251.

[30]) См. 18 прав. апост., воспрещающее принимать въ клиръ женатыхъ на вдовѣ, на разведенной съ прежнимъ мужемъ, на блудницѣ и на актрисѣ, и ср. Левит. XXI, 7, 14. Іезекіиль, XLIV, 22.

[31]) *Hefele*, Conciliengeschichte, 1873. B. I. S. 158—159. Can. 8—9.

[32]) *Hefele*, ibid. 210, can. 10: «de his qui conjuges suas in adulterio deprehendunt, et iidem sunt *adolescentes* fideles, et *prohibentur nubere*; placuit, ut in quantum possit *consilium* iis detur, ne viventibus uxoribus suis licet adulteris alias accipiant».

[33]) Can. 3 ibid. 206—207.

[34]) I. 9 Dig. de divort. (XXIV, 2).

[35]) I. 29 princ. Dig. ad legem juliam de adulteriis (XLVIII, 5).

[36]) l. 11 §. 11 Dig. eod. l. 26 Dig. de ritu nuptiarum (XXIII, 2). Однако въ конкубинатѣ прелюбодѣйка могла состоять: 1, I. § 2 Dig. de concubin. (XXV, 7).

[37]) l. 13 Dig. de his quae ut indignis (XXXIV, 9). l. 9. l. 27 Cod. Justin. ad legem juliam de adulteriis (IX, 9).

[38]) Разводъ по взаимному соглашенію супруговъ, вѣроятно, не былъ затронутъ закономъ Константина; по крайней мѣрѣ позднѣйшіе императоры не разъ предполагаютъ его какъ практикующійся (l. 9 Cod. Just. de repud. (XVII, 5); novel. XXII, cap. 3). Даже и послѣ того какъ Юстиніанъ, повидимому, окончательно воспретилъ разводъ по взаимному соглашенію (nov. CXVII, cap. 10), преемникъ Юстиніана Юстинъ II вынужденъ былъ возстановить его въ виду частыхъ супругоубійствъ и покушеній на супругоубійства (nov. CXL въ ряду Юстиніановыхъ новеллъ).

[39]) l. 1 Cod. Theod. de repud. (III, 17). Три повода для мужа: прелюбодѣяніе жены, составленіе ею вредныхъ снадобьевъ и сводничество.

[40]) Три повода для жены: совершеніе мужемъ убійства, составленіе вредныхъ снадобьевъ и нарушеніе неприкосновенности мѣстъ погребенія и надгробныхъ памятниковъ.

[41]) l. 30 § 1. Cod. Just. ad legem juliam de adulteriis coërcendis (IX, 9).

[42]) l. 2 Cod. Theod. de repud. (III, 17).

[43]) Novel. Theodos. II tit. XII въ прибавленіяхъ къ Cod. Theodosian. по изданію *Haenel'я*. l. 8 Cod. Justin. de repudiis (V, 17).

[44]) Nov. CXVII, cap. 8—9.

[45]) Юстиніанъ призналъ поводами развода для мужа: государственное преступленіе жены, прелюбодѣяніе ея, обнаруженный умыселъ противъ жизни мужа, проживаніе внѣ мужняго дома (за исключеніемъ дома родителей), мытье въ публичныхъ баняхъ вмѣстѣ съ посторонними мужчинами, пированіе съ посторонними мущинами противъ воли мужа, посѣщеніе театровъ и ипподромовъ;—поводами развода для жены: государственное преступленіе мужа, умыселъ его противъ жизни жены, посягательство мужа на цѣломудріе жены отдачей ея третьимъ лицамъ на прелюбодѣяніе, лживое и недоказанное обвиненіе мужемъ жены въ прелюбодѣяніи, содержаніе въ одномъ домѣ или въ одномъ городѣ, вмѣстѣ съ женою, любовницы. Кромѣ указанныхъ поводовъ къ раз-

воду, предполагающихъ вину на которой либо сторонѣ и влекущихъ за собой разныя невыгодныя послѣдствія для виновной стороны — отъ чего разводъ по этимъ поводамъ назывался divortium cum damno,—установлена категорія поводовъ, не предполагающихъ вины ни на той, ни на другой сторонѣ (divortium bona gratia), именно: физическая неспособность къ супружескому сожитію, безвѣстное отсутствіе и вступленіе въ монашество. Ср. Basilic. XXVIII, 7, 1. Prochiron, tit. XI.

46) Novel. CXVII, cap. 13.

47) Novel. CXXXIV, cap. 10.

48) Novel. CXXXIV, c 12.

49) Eclog. XVII, 27.

50) Nov. XXXII (*Zachariae von Lingenthal*, Jus graeco-romanum, III, 116).

51) Nov. CXVII c. 9 § 5: «Si maritus in eadem domo, in qua cum uxore sua habitat, illa contemta cum alia in eadem domo manere inveniatur, vel, quum in eadem urbe habitet, in alia domo cum alia muliere *assidue* manere probetur, et semel atque iterum vel a suis, vel ab uxoris parentibus, vel aliis personis fide dignis reprehensus a *luxuria* illa non abstineat, liceat mulieri propter hanc etiam causam matrimonium dissolvere etc». Послѣдними словами: «matrimonium dissolvere», конечно, выражена та же самая мысль, которая въ предшествующихъ §§ 9 главы CXVII новеллы, перечисляющихъ поводы или основанія для развода жены съ мужемъ, выражается словами: «repudium mittere». Въ началѣ этой главы говорится: «causae vero, ob quas marito *repudium ab uxore juste mitti*.... has solas esse sancimus»; далѣе слѣдуетъ исчисленіе отдѣльныхъ поводовъ, въ томъ числѣ и разсматриваемаго.

52) Nov. XXII, cap. 15 § 3.

53) Подробности можно найти въ изслѣдованіи *Н. Суворова:* Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, стр. 295—310.

54) Объемъ дисциплинарнаго суда и проч., стр. 22 и слѣд.

55) Quaestiones ex utroque testamento, qu. 115: «ante Juliani edictum mulieres viros suos dimittere nequibant. Accepta autem potestate, coeperunt facere, quod prius facere non poterant. Coeperunt enim quotidie viros suos dimittere».

56) De fide et operibus, IV, 19: «quisquis etiam uxorem in adulterio deprehensam dimiserit et aliam duxerit, non videtur aequandus eis, qui excepta causa adulterii dimittunt et ducunt. Et in ipsis divinis sententiis ita obscurum est, utrum et iste, cui quidem sine dubio adulteram licet dimittere, adulter tamen habeatur, si alteram duxerit, ut quantum existimo, *venialiter* ibi quisque fallatur».

57) Liber de bono conjugali, c. 7: miror autem, si quemadmodum licet dimittere adulteram uxorem, ita liceat ea dimissa alteram ducere. Facit enim de hac re sancta scriptura *difficilem nodum*, dicente apostolo, ex praecepto Domini mulierem a viro non debere discedere, quod si discesserit manere innuptam» etc.

58) Ibid.: «si quidem interveniente divortio non aboletur illa confoederatio nuptialis, ita ut sibi conjuges sint etiam separati; cum illis autem adulterium committunt, quibus fuerint etiam post suum repudium copulati, vel illa viro, vel ille mulieri».

59) Ibid. c. 17: «semel initum connubium in civitate Dei nostri ubi etiam ex prima duorum hominum copula *quoddam sacramentum* nuptiae gerunt, nullo modo potest *nisi alicujus eorum morte* dissolvi». Ср. также De conjugiis adulterinis ad Pollentium, liq. II, c. 4.

60) Прав. 4, 34 и 81 Карѳаг. (по славянской книгѣ правилъ).

61) Прав. 115 по слав. книгѣ правилъ.

62) Вѣрнѣе было бы сказать: въ сообразность древней церковной практикѣ.

63) Безусловный характеръ редакціи исключаетъ даже и ту оговорку, которая сдѣлана въ Евангеліи на случай вины любодѣянія.

64) См. *Richter*, Lehrbuch des catholischen und evangelischen Kirchenrechts, 8 Aufl. S. 1168 sqq.

65) De sermone Domini in monte secundum Matthaeum libri duo. По поводу Матѳ. V, 31 и XIX, 8 говорится здѣсь слѣдующее (cap. 46): «si infidelitas fornicatio est et idololatria infidelitas, et avaritia idololatria, non est dubitandum et *avaritiam fornicationem esse*. Quis ergo jam quamlibet illicitam concupiscentiam potest recte a fornicationis genere separare, si avaritia fornicatio est? Ex quo intelligitur, quod propter illicitas concupiscentias, non tantum quae in stupris cum alienis viris aut feminis committuntur, sed *omnino quaslibet quae animam corpore male utentem a lege Dei aberrare faciunt*, et perniciose turpiterque corrumpi, *possit sine crimine et vir uxorem dimittere, et uxor virum*; quia exceptam facit Dominus causam fornicationis; quam fornicationem, sicut supra consideratum est, *generalem et universalem* intelligendam cogimur».

66) Въ collectio septem et octoginta capitulorum эти двѣ главы CXXIII новеллы составляютъ 81 главу.

67) *Voellus*, Bibliotheca juris canonici veteris, 1661, tom. II, pag. 1338. 1355.

68) Εἰ δὲ συνεστῶτος τοῦ γάμου ἢ ὁ ἀνὴρ μόνος ἢ ἡ γυνὴ μόνη εἰσέλθῃ εἰς τὸ μοναστήριον, διαλυέσθω ὁ γάμος καὶ δίχα ῥεπουδίου». *Pitra*, Ecclesiae graecorum historia et monumenta, II, 404.

69) Отрывокъ заимствованъ изъ 13 главы CXVII новеллы и гласитъ: «res ejus mulieris quae *absque justa causa* repudium marito misit per successionem id monasterium adibit, in quod redigitur juxta constitutionis sanctionem». Ap. *Voellum*, II, 1355.

70) Въ 4 главѣ XIII титула номоканона предполагается дѣйствующею во всемъ объемѣ «CXVII novella, quae causas diserte exponit, propter quas maritus vel uxor potest misso repudii libello jure nuptias solvere». Послѣ этого слѣдуетъ самое перечисленіе. *Pitra*, II, 614.

71) Зонара къ 83 трул.: «ἡ ἀλόγως ἀναχωρήσασα τοῦ ἀνδρός, φησὶν ὁ κανών, ἐπιτιμίων ἀξία, ἤγουν τῶν τῆς μοιχείας, εἰ ἑτέρῳ γένηται.... ὥστε ἐξ ἀντιδιαστολῆς νοεῖσθαι δίδοται, ὅτι εἰ οὐκ ἀλόγως ἀνεχώρησε τοῦ ἀνδρός, ἐμπικραινομένου ἴσως αὐτῇ παρὰ τὸ προσῆκον ἢ κακουχουμένη, ἢ τινας αἰτίας ἔχουσα παρὰ τοῦ ἀνδρὸς ἐπαγομένας ἐκείνη ἔσται ἀναίτιος γενομένη ἑτέρῳ». Σύνταγμα Ῥάλλη καὶ Πότλη, II, 506.

72) Вальсамонъ къ 9 прав. Василія Великаго: «ἐπεὶ δὲ τὰ ἐν τῷ τοιούτῳ κανόνι πάντα σχεδὸν μετετύπωσεν ἡ ριζ' νεαρὰ Ἰουστινιάνειος, ἡ κειμένη ἐν τῷ ζ' τίτλῳ τοῦ κη' βιβλίου» (т. е. Базиликъ). А къ 115 Карѳагенскому (по греческой синтагмѣ 102 правило) онъ же замѣчаетъ: «σὺ δὲ γινώσκε,

ὅτι ἡ ριζ' Ἰουστινιάνειος νεαρὰ, ἡ κειμένη ἐν τῷ ζ' τιτλῳ τοῦ κη' βιβλίου, ἄλλως τὰ περὶ τῶν λύσεων τῶν γάμων μετετύπωσεν.... τὰ γὰρ ἐν τῷ παρόντι κανόνι περιεχόμενα, προγενέστερα ὄντα κατὰ πολὺ ἠπράκτησαν». Σύνταγμα, IV, 122 и III, 549.

73) l. 45, Cod. de episcopis (I, 3): «τοὺς θείους κανόνας οὐκ ἔλαττον τῶν νόμων ἰσχύειν καὶ οἱ ἡμέτεροι βούλονται νόμοι». Novel. VI cap. 1 § 8: «ab illis etiam qui ante nos imperarunt et a nobis ipsis recte dictum sit, sacros canones ut leges observandos esse». Всего выразительнѣе въ этомъ отношеніи начало 1 главы CXXXI новеллы: «*sancimus* igitur *vicem legum* obtinere sanctas *ecclesiasticas regulas*, quae a sanctis quatuor conciliis expositae sunt aut firmatae.... synodorum *dogmata* sicut *sanctas scripturas* accipimus et *regulas sicut leges observamus*. Отсюда слѣдуетъ, что если законная сила канонов вытекаетъ изъ санкціи императорской, и если каноны равны законамъ въ отношеніи къ ихъ авторитету, то они должны быть равны между собою и въ томъ отношеніи, что императоръ можетъ установить норму въ измѣненіе и въ отмѣну тѣхъ и другихъ.

74) «Ὁ μέντοι καταλιμπάνων τὴν νομίμως συναφθεῖσαν αὐτῷ γυναῖκα καὶ ἑτέραν ἀγόμενος» κ. τ. λ.

75) См. пр. Вас. В. 58 и ср. съ нимъ 77 Вас. В. и 87 трул.

76) «καὶ ἀνάγνωθι τοὺς κανόνας τοῦ ἁγίου βασιλείου διαφορὰν εἰσάγοντας πόρνου καὶ μοιχοῦ. Ἔσο δὲ εἰδὼς, ὅτι ὁ μὲν ἀνὴρ, ἔτι του συνοικεσίου συνισταμένου, συμφθειρόμενος μεθ' ἑτέρας γυναικὸς ἐλευθέρας, πορνείαν οὐ μοιχείαν ἁμαρτάνει, οὐ μὴν καὶ μετὰ ὑπάνδρου». Σύντ. II, 64.

77) Прав. 21 Вас. В.

78) κἂν γὰρ κεφαλικῇ τιμωρίᾳ ὑπόκειταί τις διὰ τὴν μοιχείαν, ἀλλὰ γάμον συναλλάττειν οὐ κεκώλυται» κ. τ. λ.

79) «ἀρτίως γὰρ, ἐπεὶ μετὰ ἱερολογίας οἱ γάμοι καὶ αἱ μνηστεῖαι προβαίνουσιν, ἄλλως γυναικὶ ὁ μοιχὸς οὐ συζευχθήσεται, εἰ μὴ ἀπὸ τῶν ἐπιτιμίων τῆς μοιχείας ἀπολυθῇ». См. Σύνταγμα, IV, 181.

80) Eclog. II, 13. Три повода для мужа: невѣрность жены, умыселъ противъ жизни мужа или недоведеніе до его свѣдѣнія умысла другихъ и проказа. Три повода для жены: импотенція мужа, умыселъ противъ жизни жены и проказа.

81) Nov. XXXI.

82) Nov. CXI—CXII. Жена обязывается 5 лѣтъ ожидать выздоровленія мужа, а мужъ—три года воздерживаться отъ вступленія въ новый бракъ въ ожиданіи выздоровленія жены.

83) Прав. Тимоѳ. александр. 15. Что CXI — CXII новеллы Льва были приняты въ церковной практикѣ, доказывается каноническимъ сборникомъ Арменопула, въ которомъ scholium къ 15 пр. Тимоѳ. Александр. гласитъ: «novella vero imperatoris Domini Leonis marito mulieris obsessae permittit divortium. Soluto autem matrimonio, *licitum omnino* ei est, *ut alteram ducat*». *Leunclavius*, Jus graeco-romanum, I, 55.

84) Факты можно найти у *А. Загоровскаго*, О разводѣ по русскому праву, Харьковъ. 1884, стр. 192 и сл. Ср. Разборъ сочиненія А. Загоровскаго «О разводѣ», составленный *Н. Суворовымъ*, стр. 33—35.

85) Указъ 1767 г. въ П. С. З. № 12935, *К. П. Побѣдоносцевъ*, Курсъ гражданскаго права. Т. II, Спб. 1871, стр. 75.

86) Въ приписанныхъ къ уставу Ярослава статьяхъ «Лѣтописца Переяславля Суздальскаго» расторженіе брака представляется возможнымъ: 1) въ случаѣ злоумышленія противъ царя или князя, 2) въ случаѣ прелюбодѣянія жены, 3) въ случаѣ злоумышленія жены противъ жизни мужа, 4) въ случаѣ посѣщенія женою пирушекъ постороннихъ мужчинъ и проживанія въ чужомъ домѣ, кромѣ родительскаго, 5) въ случаѣ посѣщенія игрищъ и 6) въ случаѣ обворованія женою мужняго дома или церкви.

87) *Котошихинъ*, О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Спб. 1840, стр. 125: «и будетъ которая жена бываетъ противна, побой его (мужа) и мученія не терпитъ, жалуется сродичамъ своимъ, что онъ съ нею живетъ не въ совѣтѣ и бьетъ и мучитъ, и тѣ сродичи на того человѣка бьютъ челомъ патріарху, или большимъ властемъ, и по тому челобитью власти велятъ сыскать дворовыми людьми и сосѣдьми по душамъ ихъ: и будетъ тому есть правда, и того человѣка сошлютъ въ смиреніе въ монастырь на полгода или на годъ, а жена его останется въ дому; и какъ урочные мѣсяцы въ монастырѣ отсидитъ, или до того времени жена объ немъ учнетъ бить челомъ, чтобы былъ свобоженъ, и его свободятъ и велятъ ему съ нею жить по закону, и будетъ и того не послушаетъ, и ихъ разведутъ, и животы ихъ имъ раздѣлятъ пополамъ, и до семи лѣтъ имъ одному женитися на иной, а другой за другаго идти замужъ не поволено».

88) Разборъ сочиненія А. Загоровскаго: «О разводѣ» и проч., стр. 39.

89) Тамъ же, стр. 40, 41, 42.

90) По русскому праву разводъ допускается: 1) въ случаѣ лишенія одного изъ супруговъ правъ состоянія, 2) въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія котораго нибудь изъ нихъ, продолжавшагося свыше 5 лѣтъ, 3) по неспособности къ супружескому сожитію и 4) по причинѣ прелюбодѣянія. См. 1 ч. X т. Св. Зак. Гражд. ст. 45; Уст. Духовной Консист. 1883 г. ст. 223 и 238. Къ этому нужно присоединить еще упоминаемое въ IX т. св. зак. вступленіе обоихъ супруговъ въ монашество, ст. 252 по изд. 1857 года, ст. 347 п. 1 по поздн. изд.

91) Объемъ дисципл. суда и проч., стр. 282, 352—363.

92) Разборъ сочиненія *А. Загоровскаго*, стр. 50.

93) Тамъ же, стр. 45, прим. 1.

94) Полн. собр. постан. и распор. по вѣд. правос. исповѣд. т. III, 1044.

95) См. 44 гл. печатн. Кормч. гр. XIII, гл. 3.

96) *Горчаковъ*, О тайнѣ супружества. Происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50 главы печатной кормчей книги, Спб. 1880, стр. 271.

97) Отчетъ Высочайше утвержденной при Св. Прав. Синодѣ Коммиссіи для разбора дѣлъ, хранящихся въ его архивѣ, помѣщ. въ №№ 37, 39 и 42 «Духовной Бесѣды» за 1868 г.

98) Ст. 256 (по изданію 1883 г. ст. 253).

99) Приведенному 4 пункту 52 статьи, изд. 1842 г., соотвѣтствуетъ 4 пунктъ 37 ст. по изд. 1857 г.

100) Въ виду этого, конечно, соображенія, а не по какимъ либо другимъ причинамъ, *К. П. Побѣдоносцевъ* въ «Курсѣ гражданскаго права», ч. II, стр. 77, говоритъ: «въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по уничтоженіи брака, лицо, признанное виновнымъ, осуждается на безбрачіе (*таковы двоебрачники и виновные въ остав-*

леніи супруга—ст. 40—42)», т. е. говоритъ о тѣхъ только, которыя указываются въ законахъ гражданскихъ, и, напротивъ, не находитъ возможнымъ говорить о какихъ либо другихъ категоріяхъ лицъ, осуждаемыхъ на безбрачіе.

[101]) См. стр. 47—48 разбора.

[102]) См. Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, стр. 66 и 220—221.

[103]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, гл. XIII, 8.

[104]) 1 Кор. VII, 2.

Н. Суворовъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХЪ НЕДОИМОЧНОСТИ КРЕСТЬЯНСКАГО НАСЕЛЕНІЯ.

(Недоимки крестьянъ Московской губерніи).

I.

Въ «Статистическомъ Ежегодникѣ Московскаго Губернскаго земства, за 1888 годъ» опубликованы свѣдѣнія, доставленныя земству волостными правленіями, о недоимкахъ, числившихся къ 1-му января 1888 года, за крестьянами Московской губерніи, по разнымъ казеннымъ, земскимъ и волостнымъ сборамъ. Изъ этихъ данныхъ и изъ составленнаго И. П. Боголѣповымъ на основаніи ихъ краткаго очерка, а также изъ отчета Министерства финансовъ о поступленіи въ 1887 году окладныхъ казенныхъ сборовъ, видно, что крестьяне Московской губ., по сравненію съ крестьянами другихъ губерній Европейской Россіи, оказались въ 1887 году наименѣе исправными плательщиками казенныхъ сборовъ.

Въ то время какъ въ общемъ по имперіи 1887 годъ ознаменовался переборомъ противъ оклада на 6.823 000 руб., или на 5%, съ крестьянъ Московской губ. въ этомъ году поступило казенныхъ сборовъ менѣе противъ оклада на 296.116 руб., т. е. 12,2% оклада. Въ этомъ отношеніи Московская губ. выдѣлилась изъ ряда другихъ губ. внутренней полосы Россіи и заняла мѣсто среди окраинъ Европейской Россіи, ничего общаго съ нею не имѣющихъ, по которымъ только и оказался въ 1887 г. недоборъ казенныхъ окладныхъ платежей. Эти 14 губерній и областей, изъ общаго числа 55, слѣдующія:

	Окладъ на 1887 г.	Общая сумма поступленія.	На 100 руб. оклада поступ. менѣе.
1) Кубанская обл. .	90,035	56,964	36,7%
2) Уфимская губ. .	927,469	594,720	35,9 »
3) Оренбургская. .	833,054	478,837	24,0 »
4) Самарская. . . .	3.323,419	2.614,393	21,3 »
5) Курляндская. . .	898,303	732,514	18,4 »
6) Таврическая . . .	1.148,534	956,981	16,7 »
7) Донская обл. . .	412,875	353,075	14,5 »
8) Московская губ. .	2.429,849	2.133,733	12,2 »
9) Терская обл. . .	182,039	166,557	8,5 »
10) Казанская губ. .	3.787,107	3.501,798	7,5 »
11) Пермская. . . .	3.100,136	2.922,708	5,7 »
12) Екатеринослав. .	2.338,436	2.286,035	2,2 »
13) Лифляндская. . .	499,272	490,862	1,7 »
14) Виленская. . . .	1.043,318	1.042,447	0,1 »

Если обратимся теперь и къ другимъ платежамъ, то увидимъ, что съ крестьянъ Московской губерніи должно было поступить въ 1887 г. всего вмѣстѣ казенныхъ, земскихъ и волостныхъ сборовъ 3,168,575 р. оклада 1887 года и 5,463,479 р. недоимки прежнихъ лѣтъ, а поступило 3,008,963 руб., т. е. менѣе противъ оклада всѣхъ сборовъ на 5,1%, такъ что недоимка къ 1888 году возросла до суммы въ 5,623,718 руб., что составляетъ по отношенію къ окладу 178,2%. Такая крупная цифра недоимки невольно обращаетъ на себя вниманіе и заставляетъ задуматься о причинахъ накопленія ея.

Г. Боголѣповъ въ своемъ очеркѣ, разсматривая данныя о недоимкахъ за 1887 годъ и сопоставляя недоимочность разныхъ мѣстностей Московской губерніи, приходитъ къ такому заключенію: «недоимочность крестьянскаго населенія Московской губерніи явленіе не случайное и не зависитъ отъ произвола самого населенія», что можно видѣть уже изъ того, «что волости съ одинаковою степенью недоимочности сами собою располагаются въ такомъ порядкѣ, что намѣчаютъ районы, гдѣ населеніе особенно отягощено недоимками и гдѣ, сравнительно, обременено ими менѣе». Затѣмъ, говоря о недопоступленіи оклада въ 1887 году, онъ замѣчаетъ: «причину такого явленія, по всей вѣроятности, нужно будетъ искать въ огромной задолженности и вообще въ томъ состояніи крупнаго экономическаго разстройства, въ какое, благодаря стеченію различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ прежняго времени, постепенно впало наше подмосковное крестьянское хозяйство».

Дѣйствительно, хозяйство крестьянъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ

мѣстностей Московской губерніи, должно находиться въ очень критическихъ условіяхъ, если даже въ такой «удачный годъ, въ смыслѣ урожая и разныхъ внѣземледѣльческихъ заработковъ», какъ 1887 г., по нѣкоторымъ волостямъ поступило менѣе противъ оклада на 25% (Озерецкая волость, Московскаго уѣзда) и на $47,_7$% (Еремѣевская вол., Звенигородскаго уѣзда). Такихъ волостей по губерніи было 23, съ населеніемъ (по переписи 1883 года) 175,250 душъ обоего пола, т. е. 15% всего населенія; всѣхъ же волостей, по которымъ сборъ въ 1887 году былъ менѣе оклада—97 (изъ общаго числа 163), съ населеніемъ 709,950 душъ обоего пола, т. е. 60% всего населенія. Слѣдовательно, и въ этотъ «удачный годъ» около $^2/_3$ населенія губерніи не въ силахъ было уплатить только окладные платежи этого года, и за этой частью населенія прибавилась къ прежней новая недоимка, въ размѣрѣ 181,596 руб., т. е. $5,_7$% оклада по губерніи, или 10% оклада сборовъ съ этого населенія. Такой недоборъ, притомъ въ сравнительно наиболѣе благопріятный для всякаго вида промысловъ годъ, уже самъ по себѣ показываетъ что что-то неладное есть и было въ хозяйствѣ, по крайней мѣрѣ, $^2/_3$ населенія губерніи.

II.

Болѣе доказательно и ясно объ этомъ говорятъ данныя о недоимочности крестьянскаго населенія губерніи, помѣщенныя въ «Статистическомъ Ежегодникѣ» за 1886 годъ. Данныя эти относятся къ казеннымъ и земскимъ сборамъ за 13 лѣтъ, съ 1873 по 1885 годъ; опубликованы онѣ въ относительныхъ цифрахъ. Изъ третьей таблицы этихъ данныхъ видно, что, начиная съ 1886 года, недоимка по губерніи съ каждымъ годомъ росла: въ 1876 г. недоимка казенныхъ и земскихъ платежей составляла $34,_1$% оклада, въ 77 году $36,_4$%; въ 78 г.—$49,_6$; въ 79 г. — $56,_3$; въ 1880 году нѣсколько уменьшилась, равнялась $52,_8$% оклада; но въ 81 г. опять повысилась до 65_8%; въ 82 году составляла $95,_9$% оклада; наконецъ, въ 1883 году, когда въ силу Высочайшаго Манифеста часть недоимки была прощена, и часть разсрочена, недоимка уменьшилась почти въ четверо, равнялась $26,_8$% оклада; но уже въ слѣдующемъ 1884 году опять возросла до $59,_4$% оклада, а въ теченіе 1885 равнялась $67,_9$%. При этомъ нельзя не обратить вниманія на распредѣленіе недоимки по уѣздамъ: оказывается, что въ теченіе 13 лѣтъ по уѣздамъ: Верейскому, Волоколамскому и Клинскому цифра, выражающая отношеніе недоимки къ окладу, по каждому уѣзду въ отдѣльности, все время была меньше цифры, вы-

ражающей отношеніе недоимки къ окладу по губерніи, и, наоборотъ, по уѣздамъ Богородскому, Бронницкому, Рузскому и Подольскому цифра, выражающая отношеніе недоимки къ окладу по уѣздамъ, была все время больше такой же цифры по губерніи. По остальнымъ уѣздамъ: Коломенскому, Можайскому, Московскому и Серпуховскому были годы, когда поуѣздная цифра, выражающая отношеніе недоимки къ окладу, была ниже такой же цифры по губерніи, и были годы, когда она была выше. Изъ этихъ послѣднихъ уѣздовъ, Коломенскій болѣе приближается въ этомъ отношеніи къ уѣздамъ первой группы, Можайскій ко второй, а Московскій и Серпуховской даже трудно отнести къ какой либо изъ двухъ группъ, такъ какъ по этимъ уѣздамъ цифра, выражающая отношеніе недоимки къ окладу, семь лѣтъ была ниже этой цифры по губерніи и шесть лѣтъ выше.

Приблизительно въ этомъ же направленіи располагаются уѣзды и по даннымъ о недоимкахъ за 1887 годъ. Вотъ въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ уѣзды по даннымъ за 1887 годъ:

	Отношеніе недоимки къ окладу.		Отношеніе недоимки къ окладу.
1) Рузскій	332,8	8) Верейскій.	162
2) Богородскій	263,9	9) Дмитровскій.	150,1
3) Звенигородскій	244,9	10) Серпуховской. . . .	137,5
4) Подольскій.	229,3	11) Московскій.	135,6
5) Коломенскій	198,8	12) Клинскій	108,0
6) Бронницкій.	195,8	13) Волоколамскій. . . .	32,4
7) Можайскій.	176,2	По губерніи	178,2

Такимъ образомъ, приведенныя данныя о недоимочности крестьянскаго населенія показываютъ: что задолженность населенія явленіе не случайное и что задолженность эта съ теченіемъ времени все возрастаетъ: до 1880 года она увеличивалась съ каждымъ годомъ не болѣе, какъ на 10%, а за 1881 и 1882 годы увеличилась по отдѣльнымъ уѣздамъ на 30 и 60% и въ среднемъ по губерніи на 43%; послѣ 1883 года, когда часть недоимки была прощена и часть разсрочена, положеніе дѣла въ общемъ не улучшилось: въ слѣдующемъ уже 1884 году недоимка опять, почти по всѣмъ уѣздамъ, удвоилась; въ среднемъ по губерніи она увеличилась на 33%.

Съ другой стороны, то обстоятельство, что въ теченіе тринадцати лѣтъ и за послѣдній 1887 годъ уѣзды по задолженности крестьянскаго населенія, за небольшими исключеніями, распредѣлялись одинаково, показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, съ 1873 г. по 1887 г.

существенныя причины задолженности крестьянъ были однѣ и тѣ же. А это даетъ право, говоря о недоимочности крестьянскаго населенія въ настоящее время, пользоваться для выясненія причинъ ея статистическими трудами прежнихъ лѣтъ.

III.

Цѣлью настоящей замѣтки, однако, не можетъ быть уясненіе причинъ задолженности подмосковныхъ крестьянъ, на основаніи имѣющихся уже статистическихъ трудовъ; мы будемъ довольны, если намъ удастся показать, на основаніи трудовъ земской статистики, въ какомъ соотношеніи находятся различнаго вида крестьянскія хозяйства и накопившаяся за этими хозяйствами недоимка, указать, какого типа хозяйства оказываются наиболѣе способными къ правильному исполненію своихъ податныхъ обязанностей. «Крестьянское хозяйство въ Московской губерніи, читаемъ мы во второмъ томѣ московскихъ земско-статистическихъ трудовъ, основывается на земледѣліи и промыслахъ; мы не встрѣчаемъ селеній, для которыхъ исключительнымъ источникомъ доходовъ являлось бы земледѣліе. Причины сего понятны: съ одной стороны, крестьяне Московской губерніи, какъ и всѣ русскіе крестьяне, надѣлены землей, и безземельныхъ селеній почти не встрѣчается, съ другой стороны, почва Московской губерніи недостаточно плодородна, чтобы была возможность для крестьянскаго населенія существовать исключительно на счетъ продуктовъ земледѣлія, и при томъ земли слишкомъ мало для того, чтобы при существующей системѣ земледѣлія занять обработкою ея всѣ наличныя рабочія руки. А между тѣмъ близость такого обширнаго и промышленнаго центра, какъ Москва, даетъ возможность мѣстному населенію съ выгодою примѣнять свои силы съ многочисленнымъ и крайне разнообразнымъ заработкамъ, помимо земледѣлія».

Благодаря этому, здѣсь наряду съ весьма интензивными земледѣльческими хозяйствами, какъ хозяйства подмосковныхъ селеній, идутъ хозяйства самыя экстензивныя; наряду съ земледѣльческими хозяйствами, идутъ чисто промысловыя хозяйства; есть селенія, рабочее населеніе которыхъ бросаетъ земледѣліе и обращается къ промысловымъ, внѣземледѣльческимъ производствамъ и заработкамъ и, наоборотъ, какъ это констатировано текущею статистикою,—селенія, гдѣ промышленникъ оставляетъ свой внѣземледѣльческій промыселъ и обращается къ землѣ, берется за соху. Отвѣтъ на то, какія изъ этихъ разнообразныхъ занятій наиболѣе распространены среди населенія губерніи и имѣютъ для населенія наиболѣе существенное значеніе,

мы находимъ въ 3 выпускѣ 7 тома статистическихъ сборниковъ, во введеніи къ сводной таблицѣ по внѣземледѣльческимъ промысламъ. Тамъ мы находимъ слѣдующій учетъ доходовъ крестьянскаго двора: «Доходы отъ земледѣлія по губерніи равняются, приблизительно, 19 милліонамъ руб., что составляетъ на крестьянскій дворъ, не выключая безхозяйныхъ, бездомовыхъ и безземельныхъ, около 100 руб. (95 руб. 30 коп.); всѣ заработки отъ внѣземледѣльческихъ промысловъ простираются до 23 милліоновъ, что составляетъ на средній дворъ около 116 руб.», такимъ образомъ, доходы отъ внѣземледѣльческихъ промысловъ нѣсколько превышаютъ доходы отъ земледѣлія. Но затѣмъ важно выяснить значеніе различнаго рода промысловъ. Классифицируя промыслы, съ одной стороны, на мѣстные и отхожіе и съ другой, на кустарные, фабричные и всѣ другіе, земская статистика такъ характеризуетъ роль промысловъ въ бюджетѣ крестьянскаго населенія губерніи: «земледѣльческое хозяйство даетъ 45% общаго дохода; мѣстные внѣземледѣльческіе промыслы, за исключеніемъ фабричныхъ—23%, въ томъ числѣ кустарные промыслы 18%, прочіе мѣстные промыслы 5%; отхожіе промыслы, за исключеніемъ фабричныхъ—19%, и фабричные промыслы—мѣстные и отхожіе — 13%». «Слѣдовательно, въ ряду всѣхъ источниковъ, дающихъ обезпеченіе крестьянскому населенію Московской губерніи, первое мѣсто занимаетъ земля, затѣмъ мѣстные внѣземледѣльческіе промыслы, далѣе отхожіе промыслы и, наконецъ, послѣднее мѣсто занимаютъ фабричные заработки».

Уяснивъ, такимъ образомъ, мѣсто различныхъ промысловъ въ бюджетѣ крестьянскаго населенія губерніи, посмотримъ, въ какомъ соотношеніи находятся главнѣйшіе виды этихъ занятій крестьянъ и недоимка, числящаяся за крестьянами. Воспользуемся для этого данными переписей семидесятыхъ годовъ и 1883 года.

Чтобы не обременять эту замѣтку цифровымъ матеріаломъ, подраздѣлимъ губернію, на основаніи свѣдѣній о недоимочности крестьянъ въ теченіе тринадцати лѣтъ, на три района: въ первый районъ войдутъ уѣзды, наименѣе недоимочные, по которымъ въ теченіе 13 лѣтъ по уѣздамъ цифра, выражающая отношеніе недоимки къ окладу, была меньше цифры, выражающей отношеніе недоимки къ окладу по губерніи; во второй районъ войдутъ уѣзды, по которымъ въ теченіе 13 лѣтъ отношеніе недоимки къ окладу по уѣздамъ одни годы было ниже, а другіе выше такого же отношенія по губерніи и, наконецъ, въ третій районъ войдутъ уѣзды, по которымъ отношеніе недоимки къ окладу все время было выше такого же отношенія по губерніи.

Такимъ образомъ Московская губернія подраздѣлится на слѣдующіе довольно равные по населенности районы:

Районы.	УѢЗДЫ.	По переписи 77—78 гг. Общее число домохозяевъ.	По переписи 77—78 гг. Душъ обоего пола.	По переписи 1883 года. Общее число домохозяевъ. (подъ чертой количество надѣльнаго населенія).	По переписи 1883 года. Душъ обоего пола. (подъ чертой количество надѣльнаго населенія).
1-ый	Верейскій, Волоколамскій, Дмитровскій, Клинскій, Звенигородскій	70,141	392,218	77,310 / 63,179	415,300 / 376,086
2-ой	Московскій, Можайскій, Серпуховской, Коломенскій	57,376	332,400	63,428 / 53,838	348,474 / 320,608
3-ій	Богородскій, Бронницкій, Подольскій, Рузскій	71,843	394,840	76,061 / 66,115	418,645 / 390,515

Несомнѣнно, что это подраздѣленіе губерніи на три указанные района довольно грубо и при поверхностномъ ознакомленіи съ характеромъ крестьянскаго хозяйства въ различныхъ уѣздахъ можно было бы уже внести нѣкоторыя поправки въ это подраздѣленіе губерніи на районы, не говоря уже о томъ, что наиболѣе правильнымъ было бы подраздѣленіе, при которомъ соединялись бы въ одинъ районъ не такія крупныя единицы, какъ уѣздъ, а части уѣздовъ, и соединялись бы на основаніи не одного какого либо показателя о томъ или иномъ состояніи крестьянскаго хозяйства, а нѣсколькихъ. Но иное какое либо дѣленіе губерніи на районы потребовало бы много и времени и мѣста, поэтому мы ограничимся этимъ дѣленіемъ,— тѣмъ болѣе, что если и при этомъ дѣленіи удастся показать, болѣе или менѣе ясно, какое хозяйство наиболѣе способно къ правильному исполненію платежныхъ обязанностей, то значеніе такого указанія не умалится чрезъ это, а только выиграетъ въ смыслѣ достовѣрности.

IV.

Въ различныхъ томахъ сборника статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи много указаній на то, что урожай хлѣбовъ въ Московской губ. обезпечивается главнымъ образомъ удобреніемъ, по-

этому самымъ жизненнымъ условіемъ существованія земледѣльческаго хозяйства является количество луговъ, въ зависимости отъ которыхъ находится количество содержимаго скота, доставляющаго удобреніе. Луговъ въ крестьянскихъ надѣлахъ очень мало; не имѣя возможности пріобрѣтать сѣно со стороны, арендовать лугъ у сосѣднихъ владѣльцевъ, крестьянинъ не можетъ держать мало мальски достаточное количество скота, не можетъ вести земледѣльческаго хозяйства; поэтому однимъ изъ условій существованія земледѣльческаго хозяйства является аренда луговъ.

Итакъ, количество арендуемыхъ крестьянами луговъ, количество содержимаго ими скота и число хозяйственныхъ единицъ, прилагающихъ свои рабочія силы къ землѣ, вотъ тѣ данныя, которыя характеризуютъ степень распространенности земледѣлія и его состоянія въ различныхъ мѣстностяхъ Московской губерніи, и при томъ данныя, которыя даетъ намъ перепись конца семидесятыхъ годовъ и 1883 г. Сопоставимъ же эти данныя по намѣченнымъ нами районамъ:

Районы.	Недоимки на 1 дворъ.	Отношеніе дворовъ безхозяйн. къ общему числу надѣльн. дворов. по переписямъ.		Число скота, въ переводѣ на крупный, на 1 надѣльн. дворъ по переписямъ.		Число головъ скота на 1 дес. пашни.		На какую сумму крест. арендовали покоса въ 1882 г. въ сред. на дворъ.
		77—78 г.	1883 г.	77—78 г.	83 г.	77—78 г.	83 г.	
I-ый .	16,9	14	10,5	2,80	2,85	0,59	0,61	7,2
II-ой .	33,9	16,1	15,6	2,17	2,12	0,45	0,46	5
III-ій .	39,9	19,6	18,4	1,91	1,96	0,52	0,54	5,3
По губ.	—	15	14,8	2,07	2,31	0,52	0,54	5,8

Сравнивая приведенныя данныя по отдѣльнымъ районамъ, мы видимъ, что какъ по данымъ переписи конца семидесятыхъ годовъ, такъ и 1883 года, количество дворовъ безхозяйныхъ, незанимающихся земледѣліемъ, постепенно растетъ по районамъ: въ наименѣе недоимочномъ, первомъ районѣ, такіе дворы составляютъ по переписи 1877—1878 года 14% всѣхъ дворовъ и по переписи 1883 года 10,5%, по второму болѣе недоимочному району уже по первой переписи 16,1% и по второй 15,6%, а по третьему самому недоимочному 19,6% по первой переписи и 18,4% по второй; слѣдовательно, населеніе тѣхъ мѣстностей Московской губерніи, гдѣ наиболѣе развито земледѣліе, менѣе задолжено, болѣе исправно въ платежѣ различнаго рода государственныхъ и общественныхъ сборовъ.

Данныя о количествѣ скота на надѣльный дворъ вполнѣ подтвер-

ждаютъ показаніе данныхъ о числѣ дворовъ безхозяйныхъ; нѣкоторое отступленіе замѣчается лишь при сопоставленіи по количеству скота на 1 дес. пашни и данныхъ объ арендованіи, но если мы обратимъ вниманіе на то, что разница между недоимочностью II и III группъ не такъ велика, какъ между I и каждой изъ послѣдующихъ и что точно также разница между суммой, на какую арендуютъ покосы во II и III группахъ, не такъ ощутительна, какъ между I и послѣдующими, что, затѣмъ, нѣкоторое отступленіе въ значительной мѣрѣ объясняется различіемъ въ размѣрѣ надѣла по отдѣльнымъ селеніямъ, въ соотношеній угодій, въ почвѣ и т. п., и что при всемъ томъ все-таки въ I группѣ значительно меньшей недоимочности соотвѣтствуетъ лучшее состояніе земледѣлія по принятымъ признакамъ, то получимъ полное право сказать, что въ менѣе недоимочномъ районѣ, наряду съ большей распространенностью земледѣлія, крестьяне больше держатъ скота и на бо́льшую сумму арендуютъ луговъ.

Замѣтимъ еще, что данныя обѣихъ переписей приводятъ къ одному и тому же заключенію, а это указываетъ на полную достовѣрность и точность этихъ данныхъ, съ одной стороны, и болѣе убѣдительно доказываетъ зависимость между задолженностію населенія и тѣмъ или инымъ состояніемъ земледѣльческаго хозяйства крестьянъ, съ другой.

V.

Ограничиваясь этимъ по уясненію соотношенія между земледѣльческимъ хозяйствомъ и задолженностью крестьянъ губерніи, посмотримъ теперь, въ какомъ соотношеніи съ задолженностью находятся внѣземледѣльческія занятія крестьянъ.

Изъ сводной таблицы о внѣземледѣльческихъ промыслахъ крестьянскаго населенія губерніи, составленной на основаніи данныхъ, собранныхъ въ 1877 — 82 годахъ, видно, что въ Московской губ. до 284,598 лицъ обоего пола занимаются различнаго рода промыслами. Это число промышленниковъ, по намѣченнымъ нами районамъ, распредѣлится такъ: 1-ый районъ — 81,787 или $28,_7\%$ общаго числа лицъ, занимающихся промыслами; 2-ой районъ — 94,005 или 33% и 3-ій районъ — 108,806 или $38,_3\%$.

Такимъ образомъ, по этимъ даннымъ, наиболѣе промысловымъ райономъ оказывается третій—наименѣе земледѣльческій районъ, населеніе котораго наиболѣе обременено недоимками, — и наоборотъ первый районъ, наиболѣе земледѣльческій, оказывается наименѣе промысловымъ; второй районъ какъ по развитію въ немъ земледѣлія,

обремененности крестьянъ недоимками, такъ и по числу лицъ, занимающихся промыслами, занимаетъ среднее мѣсто.

Таблица, которою мы пользуемся, не позволяетъ выдѣлить изъ общаго числа лицъ занимающихся различными промыслами, подростковъ-учениковъ, которые составляютъ 4% всѣхъ промышленниковъ. Что касается женщинъ, которыхъ насчитываютъ составители сборника до 57% общаго числа промышленниковъ, то здѣсь нельзя выдѣлить такихъ, которыя помогаютъ своимъ мужьямъ кустарямъ, какъ, напримѣръ, въ крючечномъ промыслѣ, булавочномъ, гончарномъ, корзиночномъ и др., гдѣ кустарь работаетъ всею семьею и гдѣ трудъ женщины и подростка часто равняется труду работника мужчины; всѣхъ же остальныхъ женщинъ,— занимающихся спеціально женскими промыслами, какъ — пряденье нитей, вязанье, плетенье, вышиванье и проч., можно выдѣлить. За выдѣленіемъ этого числа (20%) женщинъ промышленницъ, общее число лицъ, занимающихся различными промыслами, распредѣлится по районамъ такъ: 1-ый районъ — 72,063 (31,₅%); 2-ой районъ—65,090 (28₅%) и 3-ій районъ—91,315 (40%); по этимъ даннымъ третій районъ еще болѣе выдѣляется, какъ районъ промысловый, но, съ другой стороны, мы видимъ, что наименѣе промысловымъ оказывается уже не первый, а второй районъ. Однако дѣлать такое заключеніе будетъ ошибочно, и вотъ почему: во второй районъ, какъ извѣстно, входитъ уѣздъ Московскій, между тѣмъ въ объясненіи къ промысловой таблицѣ сборника статистическихъ свѣдѣній говорится, что въ эту таблицу не вошли садоводы, огородники, торговцы яйцами, молокомъ, сѣномъ и пр., именно все промышленники подмосковныхъ селеній; кромѣ того и вообще внѣземледѣльческіе заработки подмосковныхъ крестьянъ, не имѣющіе цѣлью своего изготовленіе издѣлій, не могли поддаться болѣе точному учету, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, то, что по Московскому у. значится мужчинъ промышленниковъ только около 23000, т. е. немного болѣе, чѣмъ по Дмитровскому (18,625) и по Клинскому (18,286 уу.).

Но, кромѣ общаго распредѣленія внѣземледѣльческихъ промысловъ по районамъ, для насъ важно знать, какого рода промыслы въ каждомъ районѣ развиты. Воспользуемся для этого слѣдующимъ подраздѣленіемъ промысловъ по родамъ ихъ, сдѣланнымъ земскими статистиками: мѣстные и отхожіе промыслы (подъ мѣстными разумѣются такіе, которые ведутся крестьянами на мѣстѣ ихъ постоянной осѣдлости), и затѣмъ каждый изъ этихъ промысловъ подраздѣлимъ на кустарные (промыслы, ведущіеся въ мелкой формѣ производства, имѣющіе цѣлью изготовленіе товаровъ для рынка и существующіе на-

ряду съ земледѣліемъ), фабричные (работа на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ) и разные другіе, не имѣющіе цѣлью изготовленіе издѣлій; кромѣ того, выдѣлимъ особо ткацкіе промыслы, которые по нѣкоторымъ уѣздамъ совершенно потеряли форму кустарныхъ промысловъ и приняли форму домашней системы крупнаго производства; причемъ изъ общаго числа лицъ, занимающихся промыслами, мы исключаемъ здѣсь женщинъ, занимающихся исключительно женскими промыслами.

Вотъ какъ распредѣлятся промышленники внутри каждаго района по родамъ промысловъ:

Районы.	Общее число лицъ, занимающихся промыслами.	На 100 лицъ, занимающихся различными промыслами, въ каждомъ районѣ приходится.											
		Кустарей.			Ткачей.			Фабричн.			Разн. друг.		
		Мѣст.	Отх.	Итого.	Мѣст.	Отх.	Итого.	Мѣст.	Отх.	Итого.	Мѣст.	Отх	Итого.
I-ый . .	72,063	$22,_{7}$	13	$35,_{7}$	$19,_{1}$	$3,_{7}$	$22,_{8}$	$1,_{7}$	$10,_{2}$	$11,_{9}$	$11,_{8}$	$17,_{3}$	$29,_{6}$
II-ой . .	65,090	$9,_{5}$	$15,_{5}$	25	$8,_{3}$	$5,_{2}$	$13,_{5}$	$5,_{7}$	$18,_{6}$	$24,_{3}$	$13,_{8}$	$23,_{4}$	$37,_{2}$
III-ій. . .	91,315	$15,_{3}$	$12,_{7}$	28	$32,_{7}$	2	$34,_{7}$	$4,_{1}$	$13,_{5}$	$17,_{6}$	$7,_{4}$	$12,_{8}$	$19,_{7}$

Изъ сравненія данныхъ, характеризующихъ распространенность разныхъ промысловъ внутри каждаго района, видно, что въ первомъ районѣ, наименѣе недоимочномъ, первое мѣсто по распространенности занимаютъ кустарные промыслы ($35,_{7}$%) и при томъ мѣстные ($22,_{7}$), и послѣднее мѣсто фабричные промыслы ($11,_{9}$); во второмъ и третьемъ районахъ, болѣе недоимочныхъ, кустарные промыслы, какъ по общему числу лицъ, занимающихся этими промыслами, такъ и по числу кустарей — въ полномъ смыслѣ этого слова, именно, мѣстныхъ кустарей, занимаютъ уже второе мѣсто, причемъ во второмъ районѣ видное мѣсто занимаютъ фабричные отхожіе промыслы, а въ третьемъ—мѣстный ткацкій промыселъ, который по организаціи производства близко подходитъ къ фабричнымъ промысламъ.

Относительно по районамъ каждый изъ разсматриваемыхъ видовъ промысловъ распредѣляется такъ:

	На каждые 100 лицъ общаго числа въ губерніи промышленниковъ каждаго вида промысловъ приходится въ районахъ:			
	собственно кустарей (мѣстн.).	Ткачей.	Фабричн.	Разныхъ.
1-омъ	$45,_{1}$	$28,_{8}$	$21,_{1}$	$33,_{7}$
2-омъ	$17,_{1}$	$15,_{6}$	$39,_{2}$	$38,_{2}$
3-емъ	$37,_{8}$	$55,_{6}$	$39,_{7}$	$28,_{1}$

Эти данныя показываютъ, что въ первомъ районѣ, наименѣе недоимочномъ, кустарные промыслы больше развиты, чѣмъ во второмъ и третьемъ районахъ въ отдѣльности, и, наоборотъ, въ первомъ районѣ меньше развиты фабричные промыслы. Такое явленіе весьма понятно,— мы знаемъ уже, что въ первомъ районѣ сильно развито земледѣльческое хозяйство, а для крестьянина земледѣльца важенъ и цѣненъ такого рода промыселъ, который не отрываетъ его отъ собственнаго хозяйства, занимаясь которымъ онъ можетъ постоянно находиться дома и дѣлать все необходимое по своему хозяйству; такого рода промыслы и будутъ кустарные промыслы. Вотъ что читаемъ мы въ отдѣльныхъ описаніяхъ различныхъ промысловъ Московской губ., объ отношеніи кустарей къ земледѣлію. «Всѣ крестьяне щеточники обрабатываютъ свою землю»... (см. т. 6, вып. 1-ый). Среди нихъ только у 12 домохозяевъ (изъ 145) встрѣчаются полоски по двѣ— по три не паханыхъ; у всѣхъ же остальныхъ вся земля обрабатывается. «Во все время нашихъ изслѣдованій мы ни разу не слышали отъ щеточниковъ жалобъ на свою землю, какъ на какое-то бремя; наоборотъ, каждый изъ нихъ высказывалъ такой взглядъ, что безъ земли имъ *«нельзя было-бы жить»*. «Личная обработка земли, является наиболѣе распространенной». «У производителей металлическихъ игрушекъ, читаемъ во 2-мъ вып. 6-го т., мы не видимъ ни одного случая, когда бы человѣкъ, имѣющій надѣльную землю, не обрабатывалъ ея». «Здѣсь промыселъ и земледѣліе идутъ рука объ руку»; то же самое замѣтно и у другихъ игрушечниковъ, надѣленныхъ землею. Въ описаніи позументнаго промысла, въ той же книжкѣ, находимъ такія данныя: «изъ 1566 надѣльныхъ дворовъ, въ 36 селеніяхъ Дмитровскаго уѣзда, гдѣ существуетъ тканье позумента, необрабатывающихъ своихъ земельныхъ надѣловъ 181 домохозяинъ»... «Наибольшее число необрабатывающихъ приходится не на тѣ селенія, гдѣ развитъ позументный промыселъ, а на тѣ, гдѣ онъ развитъ мало, гдѣ при этомъ существуетъ незначительный по размѣру душевой надѣлъ и гдѣ въ то же время, какъ слѣдствіе того и другаго, являются отхожіе промыслы». То же самое высказывается въ различныхъ выпускахъ земско-статистическихъ сборниковъ по Московской губ. о промышленникахъ зеркальщикахъ, рамочникахъ, телѣжникахъ, скорнякахъ, булавочникахъ, катушенникахъ, не говоря уже о такихъ промыслахъ, какъ напримѣръ производство изъ картофеля крахмала и патоки, которые имѣютъ непосредственную связь съ земледѣліемъ и которые, какъ указанный нами, всегда сопровождаются усиленнымъ воздѣлываніемъ хлѣбныхъ растеній.

Разсмотрѣнныя нами отношенія между задолженностью крестьянскаго населенія Московской губ. и характерными факторами земледѣльческаго и внѣ-земледѣльческаго производствъ, полагаемъ, приводятъ къ слѣдующему заключенію: въ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе болѣе развито, и гдѣ оно находится, сравнительно, въ лучшихъ условіяхъ—населеніе менѣе задолжено, и, относительно, исправно въ исполненіи своихъ податныхъ обязанностей; точно также менѣе задолженнымъ оказывается населеніе мѣстностей, гдѣ болѣе развиты кустарные промыслы. Болѣе развиты какъ земледѣліе, такъ и кустарные промыслы въ первомъ изъ трехъ районовъ, на которые мы раздѣлили Московскую губ.; такимъ образомъ, большее развитіе земледѣлія и кустарныхъ промысловъ являются сопутствующими одно другому явленіями. Отсюда невольно напрашивается такого рода заключеніе: важнѣйшее условіе благосостоянія крестьянскаго населенія Московской губ.—развитіе земледѣлія и кустарныхъ производствъ, при условіи соединенія обоего рода производствъ въ одномъ хозяйствѣ; идеальный типъ Московскаго крестьянина—свободный земледѣлецъ-«кустарь».

С. Рудневъ.

НРАВСТВЕННОЕ И БЕЗНРАВСТВЕННОЕ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ИСКУССТВА.

I.

Статья 1001 нашего уложенія о наказаніяхъ (подобно § 184 германскаго, art. 387 Code penal и art. 28 закона о свободѣ печати 28 августа 1881 г. во Франціи) караетъ того, кто печатаетъ или инымъ образомъ издаетъ въ какомъ бы то ни было видѣ или же распространяетъ сочиненія, имѣющія цѣлью развращеніе нравовъ и благопристойности, или клонящіяся къ сему соблазнительныя изображенія (ср. ст. 45 устава о наказ.). Но что же слѣдуетъ понимать подъ «сочиненіями, имѣющими цѣлью развращеніе нравовъ или явно противными нравственности или благопристойности»? Наша судебная практика,—разумѣется, кассаціонная (всякая другая, къ сожалѣнію, недоступна познаванію, служа достояніемъ однихъ архивовъ)—не выработала точнаго понятія «нравственности и благопристойности» (ср. тезисы къ ст. 1001 въ Улож. о нак. Таганцева, 1886). Но наврядъ ли одна судебная практика въ силахъ это сдѣлать. Это вопросъ, разрѣшенію котораго должна помочь теорія искусства.

Нужно прежде всего замѣтить, что опредѣленіе, данное ст. 1001 тѣмъ произведеніямъ, распространеніе которыхъ наказуемо, весьма широко, сравнительно съ тѣмъ родомъ сочиненій, которыя имѣются въ виду этою статьею. Эта статья помѣщена въ главѣ четвертой раздѣла VIII, озаглавленной: «о преступленіяхъ противъ общественной нравственности и нарушеніи ограждающихъ оную постановленій», и трактующей (въ первомъ отдѣленіи этой главы) «о соблазнительномъ и развратномъ поведеніи и о нравственныхъ порокахъ и сводничествѣ», т. е.—о преступленіяхъ противъ нравственности половой. Нѣтъ сомнѣнія поэтому, что и отдѣленіе второе этой главы, которое и начинается статьею 1001, имѣетъ въ виду нравственность въ томъ же смыслѣ. Это подтверждается и присоединеніемъ къ понятію «нравственности» понятія «благопристойности» всюду, гдѣ только въ этомъ отдѣленіи 4-й главы квалифицируются рас-

пространяемыя сочиненія и изображенія. И на самомъ дѣлѣ, распространеніе произведеній, заключающихъ въ себѣ возбужденіе къ неповиновенію законамъ, хулу противъ религіи, воззваніе къ бунту и т. п. предусмотрѣно различными другими статьями нашего дѣйствующаго уложенія, помѣщенными въ раздѣлахъ, обнимающихъ преступныя дѣянія противъ религіи, преступленія государственныя, противъ порядка управленія и т. д.

Но и въ этой ограниченной области примѣненіе занимающей насъ ст. 1001 улож. и 45 устава встрѣчаетъ большія затрудненія. Эти затрудненія имѣютъ своимъ основаніемъ роль половой чувственности въ произведеніяхъ искусства, съ одной стороны, и свойственный ей моментъ соблазна—съ другой. Наврядъ ли кто усомнится въ художественности Декамерона Боккаччіо, картинъ Макарта, статуй Кановы, но несомнѣнно и то, что ихъ художественный эффектъ въ значительной доли обязанъ «прелести чувственности, безъ которой не можетъ обойтись искусство «(Der Reiz der Sinnlichkeit, den keine Kunst entbehren kann»,—Gespräche mit Goethe von Eckermann, II, стр. 39 изд. Реклама). Гдѣ же граница между необходимой и потому дозволенной «прелестью чувственности», и таковою недозволенною? Гдѣ предѣлъ, до котораго можетъ доходить присущій этой прелести соблазнъ, когда самое понятіе соблазна есть нѣчто субъективное, въ индивидуальности воспринимающаго лежащее? Можно себѣ легко представить, что самое идеальное художественное произведеніе на человѣка съ извращенною фантазіей, для которой идеальное въ произведеніи исчезаетъ, а остается одна неодухотворенная чувственность,—произведетъ дѣйствіе соблазна. Кто не знаетъ, что самые художественные романы, даже прямо преслѣдующіе нравственную тенденцію, могутъ быть ложно понимаемы недостаточно развитыми субъектами, напримѣръ, дѣтьми, и могутъ имѣть весьма нежелательныя для нравственности послѣднихъ послѣдствія. Напомнимъ о такомъ высоко художественномъ произведеніи, каковъ романъ Толстаго «Анна Каренина», гдѣ, по выраженію одного нѣмецкаго знатока искусства, «бурная страсть становится опустошительнымъ пожаромъ, который поглощаетъ въ своемъ ужасномъ проявленіи все—жизнь, счастье, радость, любовь». И именно то, что дѣлаетъ это произведеніе недоступно высокимъ, геніальнымъ,—можетъ (это легко себѣ представить) имѣть соблазнительное вліяніе на людей не установившихся, предрасположенныхъ къ моральной порчѣ. Но изъ за этого ни одному моралисту не придетъ въ голову назвать это произведеніе клонящимся къ соблазну и неблагопристойности, и мы бы прямо признали сумасшедшимъ того судью, который подвелъ бы распространеніе этого романа подъ дѣйствіе 1001 статьи уложенія.

II.

Въ нѣмецкой литературѣ въ послѣднее время были сдѣланы попытки къ разрѣшенію этого вопроса, — именно, со стороны лейпцигскаго профессора Биндинга и вюрцбургскаго (теперь берлинскаго) Колера,

автора извѣстнаго художественно-юридическаго труда «Шекспиръ предъ судомъ юриспруденціи» («Schakespeare vor dem Forum der Jurisprudenz»). Особенно интересна попытка Колера въ его небольшой статьѣ: «Чувственное и безнравственное въ искусствѣ» (Das Sinnliche und das Unsittliche in der Kunst; Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft, VII, 1887, стр. 47—65). Попытка Биндинга состоитъ въ докладной запискѣ, составленной по порученію юридическаго факультета по поводу сдѣланнаго послѣднему со стороны лейпцигскихъ книгопродавцевъ и издателей запроса, что нужно понимать подъ «безнравственными произведеніями», распространеніе которыхъ наказуемо по § 184 германскаго уголовнаго кодекса, и могутъ ли быть разсматриваемы какъ безнравственныя произведенія въ смыслѣ § 184 Декамеронъ Боккаччіо и «Chevalier Faublas» Louvet de Couvrey (записка помѣщена въ той же Zeitschrift, II, 1883, стр. 450—472, Unzüchtige Handlungen und unzüchtige Schriften). У Биндинга мы находимъ больше юридическую разработку вопроса на основаніи германскаго кодекса, но и у него мы наталкиваемся на интересныя общія замѣчанія. Остановимся главнымъ образомъ на статьѣ Колера, на статьѣ же Биндинга, въ виду ея спеціальнаго характера, лишь постольку, поскольку онъ расходится въ нѣкоторыхъ выводахъ съ Колеромъ.

«Изъ всѣхъ областей художественнаго творчества—пластическому художеству и поэзіи подлежитъ прежде всего изображеніе человѣческаго и черезъ него воспроизведеніе идеальнаго: только черезъ посредство человѣческой жизни они могутъ апеллировать къ безконечному»—такъ начинаетъ Колеръ. Но изображеніе человѣка должно быть воспроизведеніемъ всего человѣка,—весь человѣкъ представляетъ собою эманацію безконечной жизни духа, и только въ его цѣломъ, а не раздробленіи, проявляется та духовная сила, которою надѣлила насъ природа. Поэтому то греки изображали своихъ боговъ обнаженными: Олимпу, въ которомъ обитаетъ Аполлонъ, не къ лицу ни одежда, ни складки! Но изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ самымъ богатымъ по содержанію и самымъ важнымъ представляется чувство любви и главнымъ образомъ половой любви—«только она соединяетъ насъ съ родомъ и черезъ посредство рода со всѣмъ твореніемъ, со вселенной». Вотъ почему изображеніе любви было всегда самымъ богатымъ источникомъ для искусства. Тѣ моменты въ исторіи искусства, когда послѣднее, поднявшись въ эѳиръ вѣчнаго, воплотилось въ pittura sacra, не долго длились, и самое святое всегда начинало облекаться въ формы доступныя и чувственному, не одному только духовному, воспріятію. Въ этой же области—любви все должно быть открыто художественному творчеству. «Ему должно быть дозволено поднять покрывало, которымъ закрываетъ нашъ чувственный міръ трезвое и неизбѣжное приличіе,—только этимъ путемъ искусство можетъ достигнуть истиннаго, и затѣмъ черезъ двери истины дойти до прекраснаго; прекрасное въ томъ и состоитъ, что истинное соединяется съ безконечнымъ, благодаря чему устанавливается единство между дѣйствитель-

ностью — конечнымъ и идеею—безконечнымъ». Это пониманіе красоты, согласное съ опредѣленіемъ, которое ему дано Шиллеромъ въ его «письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи человѣка»,—и приводитъ къ требованію свободы для искусства изображать жизнь не прикрытою, а голою. «Искусству запретить голое то же самое, что воспретить анатому и физіологу обнажать человѣческое тѣло».

И въ этомъ лежитъ та громадная разница, которая должна существовать между искусствомъ и обыденною жизнью. Въ послѣдней все должно быть прикрыто оболочкою приличія. Чувственность, не соединяясь съ духовнымъ, идеальнымъ, становится *пошлою*; и отъ опасности, которою грозитъ человѣческому общежитію *пошлое*, можно спастись только приличіемъ. Особенно въ такъ называемыхъ образованныхъ кругахъ, въ которыхъ вращается столько самозванцевъ, и гдѣ мы должны сидѣть за однимъ столомъ со всякимъ, который только можетъ платить и облеченъ въ порядочный сюртукъ, — тамъ чувственность должна прикрываться тройнымъ фиговымъ листомъ; иначе, пошлость и грубость не замедлять проявиться; и чѣмъ менѣе развитъ эстетически народъ, тѣмъ гуще и крѣпче должна облекать его оболочка приличія; вотъ почему имъ не такъ стѣснены, напримѣръ, итальянцы, у которыхъ отъ природы развито эстетическое чувство, какъ сѣверные народы, которымъ ихъ мутное небо только изрѣдка позволяетъ упиваться прекраснымъ. «Но что для жизни цѣлебно, то — ядъ для искусства, такъ какъ оно уничтожаетъ жизненный элементъ художественнаго творчества—художественную правду; внѣ ея нѣтъ природы, внѣ природы нѣтъ безконечнаго». «Чувственность— есть золотое утро, которое озаряетъ искусство своими свѣтлыми лучами, она—освѣжающая роса, которая раститъ цвѣты поэзіи, она — та радуга, которая золотитъ своими цвѣтами пустоту прозябанія; безъ чувственнаго искусство не блистало бы пестрыми красками фантазіи, а обрѣталось бы подъ свинцовой тучей, среди трезваго прозябанія, прозаической, брюзглой, обыденной жизни». Шекспиръ, Гете, Байронъ, Толстой—всѣ они полною рукою черпали изъ богатаго источника, который ихъ геніальному творчеству открытъ былъ въ мірѣ чувства, любви и страсти. «И чѣмъ былъ бы Тиціанъ безъ Тиціановской плоти, Рубенсъ—безъ рубенсовской жизненной силы и Корреджіо, этотъ величайшій художникъ чувственности,— стоитъ припомнить его «Іо» и «Данаю» — безъ этой чувственности!»... Даже божественный Рафаэль не воздержался отъ того, чтобы изображать чувственное тамъ, гдѣ это было его задачей; едва ли можно найти болѣе прелестное изображеніе любви, чѣмъ его «Свадьба Роксаны», его «Галатея»—тріумфъ любви!»

III.

Нѣтъ ничего неправильнѣе того мнѣнія, которое, не отличая чувственное въ искусствѣ отъ неприличнаго въ обыденной жизни, считаетъ недозволеннымъ для искусства все то, что въ жизни представляется непри-

личнымъ. «Но можетъ ли процвѣтать искусство, если его творчеству не будетъ доступна свободная чувственность, и что станется съ вдохновеннымъ полетомъ поэта и ваятеля, если художникъ будетъ вѣчно предоставленъ опасности, что его твореніе натолкнется на рамки приличія? Кто возьмется рисовать Венеру, если ее нужно будетъ облекать въ костюмъ приличной дамы, являющейся въ общество?» Скептицизмъ и ригоризмъ, господствующій въ наше время, Колеръ объясняетъ естественною реакціей, послѣдовавшей за романтическимъ періодомъ съ его крайнимъ возбужденіемъ фантазіи. Но не одно прекрасное и идеальное дано творить художнику. Художникъ въ своемъ изображеніи данной жизни, данной среды, наталкивается и на отвратительное; кто хочетъ дать полное отраженіе жизни, дожненъ изъ салона спуститься и въ клоаки, чтобы открыть предъ глазами зрителя ту ядовитую атмосферу, которая отравляетъ жизнь общества, показать порокъ во всей его ужасной наготѣ. Ничто не осталось сокрытымъ отъ творчества Аристофана, ни одна отвратительная сторона жизни Аѳинъ эпохи Пелопонесской войны не осталась не изображенной имъ. Какихъ отвратительныхъ картинъ порочнаго Рима не рисуетъ намъ Ювеналъ! Но кто же ихъ творенія назоветъ безнравственными, только по тому, что они не всегда считаются съ требованіями приличія?

Между искусствомъ и жизнью, говоритъ нашъ авторъ, нужно проводить точную границу; для искусства существуютъ только требованія нравственности, для жизни—законы какъ нравственности, такъ и приличія. Жизнь требуетъ, чтобы тѣ или другія половыя отношенія скрывались, — иначе мы погибнемъ въ потопѣ пошлости. Всякое нарушеніе половаго приличія въ жизни есть безнравственность, если не прямая, то косвенная, такъ какъ оно побуждаетъ всегда къ пошлости другихъ. Другое дѣло—въ искусствѣ; въ немъ намъ говоритъ духъ, а не пошлое чувство; творчество художественное предполагаетъ извѣстную степень идеализма, до которой не всѣ достигаютъ: художнику нечего бояться, что какъ онъ въ искусствѣ, такъ и другіе будутъ дѣлать въ жизни: «кто творитъ статую Венеры, не долженъ опасаться, что живыя женщины ей станутъ подражать».

Большою ошибкою представляется поэтому при обсужденіи произведенія искусства говорить о нарушеніи приличія. Изъ понятія обыденнаго приличія выводятъ понятіе неблагопристойнаго въ искусствѣ, допуская однако и нѣкоторыя исключенія въ пользу послѣдняго. Но вся точка зрѣнія ошибочна; «принципіально невѣрно мѣрить статую Венеры въ отношеніи благопристойности мѣркою живой женщины». «Въ искусствѣ неблагопристойно только то, что само по себѣ безнравственно, т. е. что пошло; пошлымъ будетъ все чувственное безъ стремленія къ одухотворенію, безъ того, что ему сообщаетъ благородство и достоинство. Пошлое лежитъ внѣ искусства; съ нимъ художникъ оставляетъ священную почву художественного творчества и вступаетъ на обыкновенную тропу

обыденной жизни, и потому становится подсуднымъ и ея требованіямъ». Такимъ образомъ о неблагопристойности въ искусствѣ можно говорить только тогда, когда оно пошло и при томъ обладаетъ способностью влiять соблазняющимъ и морально-притупляющимъ образомъ. Но при этомъ надо имѣть въ виду не возможное влiянiе на незрѣлыхъ юношей и полувзрослыхъ дѣвицъ: школьная педагогія — не масштабъ позволительности въ искусствѣ. Она — дѣло воспитательной полиціи. Самыя художественныя творенія генія въ искусствѣ—не всегда пригодны въ видахъ воспитанія; «Римскія элегіи Гете, Граціи Кановы — не предметъ чтенія и созерцанія для дѣтей».

Итакъ, мы имѣемъ два признака неблагопристойности произведеній искусства: пошлость и соблазнительность. Произведенія, заключающія оба признака—не только безнравственны, но распространеніе ихъ должно, съ точки зрѣнія охраны духовнаго и моральнаго благосостоянiяо бщества, быть наказуемымъ. Порнографическая литература — иллюстрированная какъ и не иллюстрированная, — которая спекулируетъ низкими наклонностями толпы и ея деньгами, для которой нѣтъ ничего святаго, которая всѣ идеалы—любовь, религію, бракъ, семью—все забрасываютъ грязью; эта литература бациллловъ, разлагающая все, что человѣческій геній съ столькимъ трудомъ создалъ въ теченіе вѣковъ, кладущая основаніе общественному разложенію и извращенію, — эта литература не можетъ достаточно строго преслѣдоваться; ничего нѣтъ гибельнѣе для человѣчества этой порочной фривольности. И всего опаснѣе то, что развращающимъ образомъ дѣйствуютъ не столько явная грубость, сколько прикрытыя пошлости, раздражающія фантазію и ведущія къ развращенію».

Но никогда не слѣдуетъ считать недозволеннымъ истинное произведеніе искусства, т. е. не пошлое, только потому, что оно можетъ оказаться соблазнительнымъ. Все художественное нравственно. Не имѣетъ однако значенія та или другая степень совершенства произведенія: рѣшающимъ моментомъ является тенденція къ художественному, стремленіе къ духовному. Произведеніе съ такою тенденціей—всегда нравственно, пусть даже его художественность стоитъ ниже критики. Нѣтъ сомнѣнія, что и истинно-художественное твореніе можетъ быть ложно понятымъ тѣми или другими общественными слоями и вредно влiять на нихъ—но не запрещаютъ же употребленія огня потому только, что отъ него бываютъ и несчастья. Устранять опасность этого рода лежитъ на обязанности самого общества и культурныхъ факторовъ — религіи, школы, образованія и т. д. Однимъ изъ факторовъ является и само искусство. «Не одна только нравственность— заключимъ мы изложеніе автора его же словами—можетъ возвысить человѣка, для этого нужно содѣйствіе и другихъ силъ, между которыми преобладающее мѣсто занимаетъ культъ прекраснаго; обхожденіе съ прекраснымъ освобождаетъ насъ отъ пути пошлаго, согрѣваетъ человѣка восхищеніемъ предъ благороднымъ, радостью отъ идеальнаго. Ни одна нація не можетъ выполнить свою культурную задачу самооблагоражива-

нія, если она остается не тронутой живительнымъ искусствомъ. Еще больше—нравственный императивъ леденѣетъ, если онъ не согрѣвается другими идеальными силами. Вотъ почему споспѣшествованіе искусству на только активное, но и пассивное — посредствомъ наибольшаго распространенія художественныхъ произведеній, есть одно изъ величайшихъ вспомогательныхъ средствъ къ облагораживанію человѣчества. Ограниченіе эстетическаго наслажденія изъ за боязни злоупотребленія имъ было бы препятствіемъ къ достиженію этой цѣли».

IV.

Если, по мнѣнію Колера, произведеніе искусства можетъ быть или абсолютно безнравственно—если оно пошло и соблазнительно, или же абсолютно нравственно, если оно заключаетъ въ себѣ тенденцію къ идеальному, безконечному,—при чемъ соблазнительность произведенія должна оцѣниваться по содержанію самого произведенія, а не по возможному его вліянію на массу,—то, по мнѣнію Биндинга, есть и третья группа произведеній искусства—относительно безнравственныхъ.

Вообще Биндингъ больше занятъ охраненіемъ общественной нравственности, чѣмъ интересовъ искусства, и поэтому онъ относится гораздо строже къ моменту чувственности въ художественныхъ произведеніяхъ. И Биндингъ признаетъ, что «нѣтъ ничего страшнѣе той pruderie, которое считаетъ неблагопристойнымъ все обнаженное; она сама себѣ своимъ невольнымъ признаніемъ подписываетъ приговоръ! Одна только манера изображенія рѣшаетъ, имѣемъ ли мы дѣло съ глубоко захватывающимъ художественнымъ произведеніемъ, или же съ изображеніемъ, годнымъ только щекотать чувственность. Такимъ образомъ, вопросъ рѣшается тенденціей, которую вложилъ, сознательно или безсознательно, благодаря способу изображенія, въ свое твореніе его творецъ. Если оно направлено на половое возбужденіе читателя или зрителя, тогда это произведеніе безнравственно, въ противномъ же случаѣ—нѣтъ. Въ виду этого рѣшающимъ моментомъ является не случайное воздѣйствіе произведенія на единичную личность, но дѣйствіе, которое, по компетентному сужденію, оно можетъ имѣть на толпу тѣхъ, для кого произведеніе предназначено и сдѣлано доступнымъ». Но такъ какъ, по выраженію Боккаччіо (Декамеронъ, изд. Витте, III, стр. 302), «никогда испорченный умъ не понимаетъ слова въ его вѣрномъ значеніи»,—то признакъ неблагопристойности произведенія, выставленный Биндингомъ, является весьма шаткимъ, ставя сужденіе въ зависимость отъ весьма случайныхъ обстоятельствъ—способовъ распространенія даннаго произведенія, доступности его для массы и т. д. И дѣйствительно, авторъ черезъ двѣ страницы признаетъ, что и «произведенія Кановы могутъ, смотря по способу ихъ изданія, сдѣлаться неблагопристойными». Такія произведенія, которыя сами по себѣ не безнравственны, но, заключая въ себѣ мѣста, посвя-

щенныя проявленіямъ половой чувственности, могутъ, будучи широко распространены въ массѣ, дѣйствовать соблазняющимъ образомъ,—и называются Биндингомъ *относительно неблагопристойными*. Судья, призванный судить о наказуемости или ненаказуемости распространенія такихъ произведеній, долженъ себѣ поставить и рѣшить вопросъ—нужно ли признать данное произведеніе неблагопристойнымъ по содержанію его и по способу его распространенія». Дешевое изданіе и продажа дневника Гете будетъ заключать въ себѣ, по мнѣнію Биндинга, признаки распространенія неблагопристойныхъ произведеній.

Отвѣчая на поставленный издателями вопросъ о квалификаціи двухъ названныхъ сочиненій, Биндингъ, согласно вышесказанному, приходитъ къ заключенію, что описаніе жизни и похожденій Chevalier Faublas'a нужно отнести къ сочиненіямъ неблагопристойнымъ; что же касается до Декамерона Боккаччіо, то онъ относится къ группѣ относительно-неблагопристойныхъ, т. е. онъ долженъ быть признанъ соблазнительнымъ и безнравственнымъ, если по способу его изданія онъ дѣлается доступнымъ чтенію большой публики.

Таковы голоса двухъ компетентныхъ ученыхъ объ интересующемъ насъ вопросѣ. Намъ казалось бы, что по отношенію къ нашему праву, главнымъ образомъ ст. 1001 улож. о наказ., мнѣніе Колера будетъ болѣе вѣрнымъ. Въ текстѣ означенной статьи весьма рельефно выступаетъ роль тенденціи даннаго произведенія при опредѣленіи наказуемости распространенія—печатанія или изданія — того или другаго сочиненія. Эти сочиненія должны имѣть *цѣлью* развращеніе нравовъ, должны *клониться* къ тому. Нечего говорить, что нельзя напередъ опредѣлить, какія произведенія должны быть признаны имѣющими эту цѣль, эту тенденцію, какія—нѣтъ; вопросъ о томъ, пошло ли, или художественно данное произведеніе—долженъ быть рѣшенъ въ каждомъ случаѣ особо. Мы бы полагали правильнымъ для суда въ такихъ случаяхъ обращаться къ компетентному сужденію экспертовъ—художниковъ.

Г. Сл.—ъ.

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ ВЪ ЗАКОНАХЪ О ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСѢДАТЕЛЯХЪ.

Упорядочивъ составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей и требуя отъ присяжныхъ нѣкотораго образовательнаго, имущественнаго и, главное, — нравственнаго ценза, законъ 28 апрѣля 1887 г. произвелъ замѣтное улучшеніе и въ дѣятельности самого института присяжныхъ на пользу правосудія. Но и лучшіе законы, какъ и всякое человѣческое дѣло, носятъ печать несовершенства. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія 106 статья учрежд. суд. устан., которая предоставляетъ право *жаловаться* мѣстному окружному суду на внесеніе въ очередной списокъ или въ списокъ запасныхъ засѣдателей лицъ, неподлежавшихъ внесенію въ общіе списки по законнымъ причинамъ, а также и имѣющихъ право отказаться отъ исполненія обязанности присяжныхъ засѣдателей за отбытіемъ ея въ томъ же или въ только что истекшемъ году, если въ томъ же уѣздѣ или городѣ нѣтъ недостатка въ лицахъ, способныхъ быть присяжными. Жалобы этого рода приносятся суду въ двухнедѣльный срокъ со времени полученія извѣщенія о внесеніи въ списокъ, причемъ въ законѣ не сказано—какія это жалобы: окончательныя или частныя, неокончательныя — съ правомъ обжалованія опредѣленія суда, *примѣняясь* къ 894 ст. устава угол. судопр., въ судебную палату. Мы сказали: «примѣняясь»—потому, что, на основаніи 894 ст. уст. угол. суд., могутъ быть подаваемы въ судебную палату частныя жалобы на опредѣленія суда о наложеніи взысканій за неявку присяжныхъ засѣдателей въ судъ; объ обжалованіи же неправильныхъ дѣйствій коммиссіи по составленію очереднаго списка и списка запасныхъ засѣдателей въ 894 ст. не упомянуто.

Жалобу на внесеніе въ *очередной* списокъ, конечно, вправѣ принести только тотъ, который неправильно помѣщенъ въ очередной списокъ, тогда какъ на неправильное внесеніе или невнесеніе *кого либо въ общіе* списки съ представленіемъ тому основаній, въ силу 93 ст. учрежд. суд.

устан., вправѣ жаловаться *каждый*, обращая эти заявленія или жалобы въ коммиссію по составленію очередныхъ списковъ, которая принимаетъ въ соображеніе означенныя заявленія при составленіи очереднаго списка; общій же списокъ, разсмотрѣнный и признанный правильнымъ предсѣдателемъ этой коммиссіи, долженъ быть напечатанъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ не позднѣе 1 октября (ст. 91 учр.). Слѣдовательно, жалоба на неправильное внесеніе въ очередной списокъ, на основаніи 106 ст. учр. суд. уст., можетъ быть принесена лицомъ, помѣщеннымъ въ этотъ списокъ, не только по полученіи имъ особаго письменнаго извѣщенія отъ коммиссіи, но и раньше — по опубликованіи общаго списка. Но ни въ 106 ст. учр. суд. уст., ни въ другихъ статьяхъ закона не сказано, какое же значеніе имѣетъ двухнедѣльный срокъ на обжалованіе въ томъ случаѣ, если неправильно внесенный въ очередной списокъ, вслѣдствіе таковой же неправильности въ общемъ спискѣ, не подастъ жалобы въ судъ.

По общему правилу, всякое необжалованное въ срокъ и неотмѣненное въ установленномъ порядкѣ постановленіе административной или судебной власти входитъ въ законную силу и подлежитъ исполненію. На этомъ основаніи, отбывшій обязанность присяжнаго засѣдателя, если не воспользовался своимъ правомъ обжалованія въ двухнедѣльный срокъ, по силѣ 106 ст. учр. суд. уст., будетъ вторично отбывать эту обязанность въ томъ же году или въ теченіе двухъ лѣтъ къ ряду. Однако, въ той же 106 статьѣ сдѣлана ссылка и на 81, 72 и др. статьи учрежденія суд. уст., въ которыхъ исчислены условія, дѣлающія лицо правоспособнымъ къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя. Поэтому, еслибъ въ очередной списокъ были ошибочно внесены такіе субъекты, какъ несостоящій въ русскомъ подданствѣ, монахъ, состоящій въ услуженіи, слѣпой, нѣмой, сумасшедшій и т. д., то хотя бы эти субъекты и не обжаловали окружному суду внесеніе ихъ въ число присяжныхъ засѣдателей, они не могутъ исполнять обязанностей присяжнаго засѣдателя въ силу самого закона.

Отсюда видно: 1) что въ неудачно редактированной 106 ст. учр. суд. уст., безъ должнаго объясненія и оговорки, сдѣлана ссылка на 82 и 85 статьи того же учрежденія, абсолютно воспрещающія нѣкоторымъ лицамъ быть присяжными засѣдателями, тогда какъ слѣдовало сослаться только на статьи, обусловливающія таковую относительную невозможность, и 2) что, независимо отъ обжалованія, должны быть другіе моменты, когда такія абсолютно неправоспособныя лица должны быть совершенно исключены изъ списковъ присяжныхъ засѣдателей. Объ этихъ моментахъ слѣдуетъ заключить и изъ примѣчанія къ 109 ст. учр. суд. уст., въ которомъ выражено, что, по окончаніи каждаго періода засѣданій, судебное установленіе сообщаетъ предсѣдателю коммиссіи по составленію очередныхъ списковъ свѣдѣнія о лицахъ, являвшихся къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя, а равно и о тѣхъ, кои были уволены судомъ

отъ исполненія сихъ обязанеостей по законнымъ причинамъ, или же устранены. какъ не имѣющіе, *по закону*, права быть присяжными засѣдателями. Такіе моменты «для очищенія списковъ», независящіе отъ жалобъ лицъ, неправильно туда внесенныхъ, указаны закономъ 12 іюня 1884 г.: 1) въ 550 ст. уст. угол. суд., когда за три недѣли до открытія судебныхъ засѣданій съ присяжными, предъ вынутіемъ жребія, судъ исключаетъ изъ очереднаго и запаснаго списковъ тѣхъ лицъ, которыя, по имѣющимся въ виду суда свѣдѣніямъ, не могутъ по закону (ст. 82 учрежд. суд. уст.) быть присяжными засѣдателями, и 2) въ 647 ст. уст. угол. суд., предъ слушаніемъ дѣла, когда судъ дѣлаетъ то же самое *по заявленіямъ сторонъ*, послѣ того, какъ предсѣдательствующій приведетъ въ извѣстность: всѣ ли присяжные явились (ст. 646 уст. угол. суд.).

По буквальному смыслу 647 ст. уст. уголов. суд., никто изъ явившихся присяжныхъ засѣдателей не можетъ быть уволенъ, если онъ самъ не устранилъ себя отъ рѣшенія дѣла по отношеніямъ его къ подсудимому или къ потерпѣвшему отъ преступленія (ст. 600) и если стороны не заявили о наличности законныхъ причинъ для устраненія присяжнаго засѣдателя. Слѣдовательно, предъ слушаніемъ дѣла, судъ *какъ будто* не вправѣ, *по своей инициативѣ*, устранить такого явившагося присяжнаго засѣдателя, хотя бы суду и было извѣстно, что въ числѣ явившихся находятся несостоящіе въ русскомъ подданствѣ, глухіе, слѣпые и т. п. Между тѣмъ нахожденіе въ числѣ присяжныхъ, рѣшавшихъ дѣло, лица, не состоящаго въ русскомъ подданствѣ, составляетъ безусловно поводъ къ отмѣнѣ вердикта и приговора (кассац. рѣш. сен. по дѣлу Эскузовича). Поэтому конецъ 647 ст. уст. угол. суд. слѣдовало бы редактировать такъ: «Сверхъ того, по заявленіямъ *и безъ заявленія сторонъ*, по собственному усмотрѣнію, судъ устраняетъ изъ числа прибывшихъ засѣдателей тѣхъ лицъ, которыя, по закону (учрежд. суд. уст. ст. 82), не могутъ быть присяжными». Если же судъ и по собственной инициативѣ, предъ разбирательствомъ дѣлъ, обязанъ устранить такихъ присяжныхъ засѣдателей, то тѣмъ болѣе онъ обязанъ сдѣлать это раньше, если въ періодъ приготовительныхъ дѣйствій ему уже сдѣлалось какимъ либо путемъ извѣстно о наличности такихъ причинъ, по которымъ нѣкоторые изъ внесенныхъ въ очередной списокъ присяжныхъ засѣдателей должны быть исключены изъ списковъ въ силу самаго закона. Такое постановленіе суда, конечно, всего умѣстнѣе въ моментъ приготовительныхъ дѣйствій, когда, на основаніи 550 ст. уст. угол. суд., за три недѣли до открытія судебныхъ засѣданій, изъ очереднаго списка избираются по жребію 30 присяжныхъ засѣдателей для присутствованія въ теченіе всего періода судебныхъ засѣданій и 3 запасныхъ засѣдателей изъ особаго о нихъ списка. Во время приготовительныхъ дѣйствій судъ обязанъ обсуждать эти и подобные имъ вопросы, какъ и всякія другія сомнѣнія, по докладу одного изъ членовъ и по предложенію предсѣдательствую-

щаго, выслушавъ заключеніе прокурора (ст. 547,554, 555 уст. угол.суд.). Этотъ моментъ исключенія присяжныхъ изъ очереднаго и запаснаго списковъ, предъ вынутіемъ жребія, а не предъ самымъ судебнымъ разбирательствомъ дѣлъ, представляетъ ту выгоду, что тогда не пришлось бы напрасно посылать повѣстки избраннымъ по жребію лицамъ (ст. 553 уст. угол. суд.), которыя, по самому закону, не могутъ быть присяжными, попали въ очередной списокъ только по ошибкѣ коммиссіи и предъ разбирательствомъ дѣлъ непремѣнно будутъ исключены изъ списковъ.

Исключеніе присяжныхъ засѣдателей изъ списковъ *въ силу закона* (ст. 82 учрежд. суд. уст.) отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ устраненіемъ ихъ: 1) *по законнымъ причинамъ* (ст. 647, 600 уст. угол. суд.), и 2) *по отводу* сторонъ въ судебномъ засѣданіи, когда каждая сторона вправѣ отвести не болѣе трехъ присяжныхъ безъ объясненія причинъ (ст. 654—656 того же устава). Конечно, прибѣгая къ отводу, какъ послѣднему средству для устраненія тѣхъ присяжныхъ, которые, по чьему либо недосмотру или ошибкѣ, не были устранены ранѣе въ силу закона и по законнымъ причинамъ, стороны были бы уже стѣснены въ своемъ правѣ отвода безъ объясненія причинъ, ибо и въ этомъ случаѣ онѣ могли бы отвести не болѣе какъ по трое присяжныхъ.

Закономъ 28 апрѣля 1887 г. не опредѣленъ срокъ для заявленій коммиссіи *посторонними* лицами о неправильномъ внесеніи или невнесеніи *кого либо* въ общіе списки (ст. 93 учрежд. суд. уст.). Право такихъ заявленій очень важно. Оно указываетъ на нѣкоторый, но весьма надежный, *контроль* дѣйствій коммиссіи со стороны мѣстнаго общества, которое конечно заинтересовано въ правильности составленія списковъ, ибо иначе тяжесть отбыванія обязанностей присяжнаго засѣдателя ляжетъ неравномѣрно на членовъ общества. Такъ какъ общіе списки препровождаются къ предсѣдателю мѣстной коммиссіи по составленію очередныхъ списковъ не позднѣе 1 іюня и должны быть имъ напечатаны не позднѣе 1 октября (ст. 91 учр.), то и срокъ для такихъ заявленій можетъ быть больше или меньше, опредѣляясь крайнимъ числомъ означенныхъ мѣсяцевъ, причемъ заявитель не вправѣ обжаловать отказъ коммиссіи по существу заявленія и ея же отказъ въ самомъ разсмотрѣніи сдѣланнаго ей заявленія,—тогда какъ прежде, до закона 28 апрѣля, постановленія коммиссіи по неуваженнымъ заявленіямъ могли быть обжалованы губернатору въ мѣсячный срокъ. Тогда былъ дѣйствительный контроль съ правомъ жалобы; нынѣ же контроль со стороны общества за правильностью составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей можетъ имѣть только *нравственное*, но не юридическое значеніе: теперь отъ усмотрѣнія коммиссіи зависитъ, обратить или не обратить вниманіе на сдѣланное ей заявленіе. Положимъ, что нечего жалѣть объ отмѣнѣ закономъ 28 апрѣля 1887 г. такой чрезвычайной мѣры, какъ представленіе коммиссіей гу-

бернатору общихъ списковъ какъ бы для цензуры и чуть ли не для подбора личнаго состава судей — присяжныхъ, ибо такая «цензура», вообще, несогласна съ духомъ судебныхъ уставовъ и съ достоинствомъ суда; однако, чтобы безслѣдно не пропадали сдѣланныя коммиссіи заявленія отъ постороннихъ лицъ, всетаки слѣдовало бы обязать коммиссію прилагать, для окружнаго суда, къ составленнымъ ею очередному и запасному спискамъ всѣ сдѣланныя ей по 93 ст. учрежд. суд. уст. заявленія и самыя постановленія коммиссіи по этому предмету. Тогда, по крайней мѣрѣ, окружный судъ имѣлъ бы возможность, на основаніи болѣе точныхъ данныхъ и своевременно, въ періодъ приготовительныхъ дѣйствій, устранить тѣхъ лицъ, которыя, въ силу самаго закона (ст. 82 учр.), не могутъ быть присяжными, и принять другія мѣры къ окончательному исправленію списковъ.

Теперь—два слова о такъ называемомъ «абсентеизмѣ» лицъ изъ нашего наиболѣе интеллигентнаго общества. Кому не извѣстно, что многіе бары, владѣя имѣніями въ разныхъ губерніяхъ и проживая то въ столицахъ, то за границей, то въ въ какомъ либо изъ своихъ имѣній, подъ разными уважительными, но чаще — неуважительными предлогами, не попадаютъ въ списки присяжныхъ засѣдателей, а если и попадаютъ, то почти явно уклоняются отъ исполненія этихъ трудныхъ и почтенныхъ обязанностей гражданина? Но и такіе субъекты, какъ русскіе подданные и вообще правоспособные, всетаки должны быть включаемы въ списки присяжныхъ засѣдателей, причемъ всякій разъ слѣдовало бы *публиковать* имена тѣхъ присяжныхъ, которые окончательно признаны неявившимися въ судъ безъ законной причины, независимо отъ взысканія съ нихъ денежныхъ штрафовъ и привлеченія къ отвѣтственности (ст. 651 уст. угол. суд.). Такія публикаціи, въ видахъ противодѣйствія абсентеизму, могутъ имѣть особое значеніе при выборахъ и утвержденіи означенныхъ лицъ въ почетныхъ званіяхъ и должностяхъ. А чтобы избѣгнуть напраснаго внесенія въ списки присяжныхъ по нѣсколькимъ уѣздамъ, призываемый засѣдатель вправѣ и даже обязанъ своевременно заявить одной изъ мѣстныхъ коммиссій о своемъ постоянномъ domicilium'ѣ—въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается по гражданскимъ законамъ, — а также и о томъ, что обязанности присяжнаго засѣдателя онъ будетъ отбывать по такому-то уѣзду. Получивъ такое заявленіе, мѣстная коммиссія должна немедленно увѣдомить остальныя коммиссіи по мѣсту нахожденія другихъ имѣній призываемаго засѣдателя объ исключеніи заявителя изъ составляемыхъ ими списковъ, ибо отнынѣ заявитель будетъ числиться присяжнымъ засѣдателемъ по списку такого-то уѣзда.

Не останавливаясь на законныхъ причинахъ неявки присяжныхъ засѣдателей въ судъ, исчисленныхъ въ 650 и 388 ст. уст. угол. суд., разсмотримъ только одинъ случай, находящійся въ связи съ абсентеизмомъ и наиболѣе затрудняющій судъ. Включенный въ очередной списокъ получаетъ извѣщеніе о призывѣ отъ коммиссіи, чрезъ мѣстную полицію, съ

означеніемъ мѣсяца, въ теченіе котораго онъ можетъ быть призванъ въ судъ къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя (ст. 107 учрежд. суд. уст.). Слѣдовательно, такой присяжный засѣдатель только тогда отвѣтитъ за неявку по требованію суда, если онъ: 1) своевременно получилъ отъ коммиссіи извѣщеніе объ означенномъ мѣсяцѣ, и 2) притомъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы повѣстка окружнаго суда о явкѣ въ судъ къ такому-то сроку была получена имъ позже, чѣмъ за недѣлю до открытія судебнаго засѣданія (2 п. 650 ст. уст. угол. суд.). Но часто бываетъ такъ, что извѣщеніе отъ коммиссіи или повѣстка отъ суда лично не вручены присяжному засѣдателю, находящемуся въ отлучкѣ, а вручены лицу, завѣдывающему его имѣніемъ или находящемуся у него въ услуженіи для доставленія по принадлежности. Такое врученіе повѣстки подъ росписку, для доставленія, въ судебной практикѣ признается равносильнымъ врученію самому вызываемому присяжному засѣдателю; иначе онъ легко могъ бы уклониться отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, сославшись на свой выѣздъ изъ имѣнія. Но какъ быть въ томъ случаѣ, если лицо, получившее отъ коммиссіи извѣщеніе для доставленія, по какой либо причинѣ не доставитъ этого извѣщенія по принадлежности или же доставитъ несвоевременно, такъ что вызываемый могъ не знать о назначенномъ ему мѣсяцѣ для отбыванія обязанностей присяжнаго засѣдателя, или же если онъ не успѣетъ прибыть въ судъ къ назначенвому сроку? Въ этомъ случаѣ присяжный засѣдатель не долженъ отвѣчать за неявку, по отсутствію или недоказанности злаго умысла, тѣмъ болѣе, что извѣщенія отъ коммиссіи и повѣстки отъ суда часто вручаются полиціей неправильно—чуть ли не всякому, кто приметъ ихъ для доставленія, напримѣръ: отдаются хозяину гостинницы, въ которой адресатъ имѣетъ обыкновеніе останавливаться.

Согласно дѣйствующему закону, избранные въ составъ присутствія и запасные присяжные засѣдатели принимаютъ присягу, по обряду своего вѣроисповѣданія, *по каждому дѣлу*, такъ что, если на одинъ день назначено нѣсколько дѣлъ, то они присягаютъ нѣсколько разъ. Такой порядокъ несомнѣнно ослабляетъ и даже профанируетъ высокій по своему содержанію и значенію обрядъ присяги, не говоря уже о томъ, что многіе христіане считаютъ за великій грѣхъ клясться Всемогущимъ Богомъ, какъ сказано въ текстѣ присяги (ст. 666 уст. угол. суд.), въ виду прямаго воспрещенія Спасителемъ такой клятвы; а кромѣ того, обрядъ присяги по каждому дѣлу отнимаетъ слишкомъ много времени и приводитъ къ разнымъ процессуальнымъ затрудненіямъ. Поэтому необходимо первыя слова присяги изложить такъ: «Обѣщаюсь и клянусь предъ Лицомъ Всемогущаго Бога, предъ Святымъ Его Евангеліемъ и Животворящимъ Крестомъ Господнимъ»... и т. д.; а присяжные засѣдатели должны бы *принимать присягу только однажды*, тотчасъ по открытіи сессіи, послѣ приведенія въ извѣстность, кто изъ нихъ не явился, и по объявленіи постановленія суда по этому предмету (ст. 646 уст. угол. суд.).

Если присяжные явились въ такомъ числѣ, что возможно разбирать дѣла (ст. 648 уст.), то всѣ наличные присяжные должны принять единовременно присягу въ томъ, что они будутъ рѣшать по сущей правдѣ всѣ дѣла, на какія кто изъ нихъ будетъ избранъ. Если присяжные засѣдатели, въ качествѣ судей, сами устраняютъ себя отъ рѣшенія дѣла по особымъ отношеніямъ къ участвующимъ лицамъ, а также устраняются судомъ и отводятся сторонами (ст. 647, 655 того же устава), то и нѣтъ основанія принимать имъ присягу по каждому дѣлу,—подобно тому, какъ земскіе и коронные судьи принимаютъ присягу только однажды, когда бы, какія бы дѣла и сколько бы дѣлъ они ни рѣшали (ст. 36, 225 учрежд. суд. уст.). Между тѣмъ теперь, безъ всякаго сколько нибудь уважительнаго основанія, затрачивается драгоцѣнное время не только на самый приводъ къ присягѣ, но и на внушеніе засѣдателямъ святости присяги со стороны священника (ст. 666 уст. угол. суд.); а приглашаемыя для сего духовныя лица иногда совершенно напрасно проводятъ время въ судебныхъ засѣданіяхъ, ибо и свидѣтеля не по каждому дѣлу приводятъ къ присягѣ. При этомъ увеличиваются и расходы казны на вознагражденіе духовныхъ лицъ за явку въ судъ, иногда изъ отдаленнаго села, и за приводъ къ присягѣ. Затрудненія увеличиваются въ томъ случаѣ, если духовное лицо, по недостаточному знанію русскаго языка, не можетъ прочитать вслухъ русскаго текста для привода иновѣрца къ присягѣ. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые предсѣдательствующіе впадаютъ въ крайность и педантизмъ, требуя, чтобы текстъ присяги былъ прочтенъ непремѣнно по-русски, хотя бы для этого пришлось прибѣгнуть къ переводчику, который для сего опять-таки долженъ быть приведенъ къ присягѣ. Конечно, присяжные засѣдатели избираются изъ лицъ, умѣющихъ говорить и даже читать по-русски (2 п. 81 ст. учрежд. суд. уст.), и судъ обязанъ убѣдиться въ томъ, что присяжные и свидѣтели дѣйствительно повторяютъ слова установленной присяги, а не что либо другое. Но, если, съ другой стороны, иновѣрческое духовное лицо затрудняется или не можетъ прочитать присягу по русски и самый текстъ ея болѣе вразумителенъ для присяжнаго при чтеніи въ подлинникѣ, на родномъ языкѣ, то законъ не будетъ нарушенъ, если присягающій иновѣрецъ повторитъ слова присяги на своемъ родномъ языкѣ,—и во всякомъ случаѣ это будетъ лучше, чѣмъ прибѣгнуть къ крайнему средству—приводу къ присягѣ чрезъ предсѣдательствующаго (ст. 715 уст. угол. суд.), тѣмъ болѣе, что и въ этомъ случаѣ не всегда можно обойтись безъ переводчика; да и не всякій переводчикъ, умѣющій толково переводить разговорную рѣчь, съумѣетъ правильно перевести присягу съ русскаго языка на языкъ иновѣрца. Вообще же не слѣдуетъ пренебрегать всею внѣшнею обрядовою стороною присяги, которая въ глазахъ населенія сообщаетъ ей особую святость и торжественность и которая многое утрачиваетъ въ своемъ наченіи, какъ скоро этотъ обрядъ совершается чрезъ предсѣдательствующаго.

Противъ единовременнаго привода къ присягѣ всѣхъ присяжныхъ засѣдателей заразъ, на всю сессію, можно возразить, что нѣкоторые изъ нихъ не попадутъ въ составъ присяжныхъ для рѣшенія дѣла и будутъ присягать безъ всякой надобности. Но такое возраженіе не серьезно, ибо и теперь, по обычному порядку, запасные засѣдатели приводятся къ присягѣ, хотя весьма рѣдко они входятъ для пополненія въ число тѣхъ двѣнадцати присяжныхъ, которые избраны рѣшать дѣло.

Нѣтъ надобности и въ томъ, чтобы предсѣдательствующій, какъ это нынѣ дѣлается, объяснялъ бы присяжнымъ ихъ права и обязанности *всякій разъ* передъ рѣшеніемъ каждаго дѣла (ст. 671 уст. угол. суд.). Уже и теперь, по обычаю, предсѣдательствующій подробно объясняетъ присяжнымъ ихъ права и обязанности только въ началѣ сессіи, а затѣмъ почти всегда ограничивается такою фразой: «права и обязанности вамъ извѣстны, — и я не стану повторять ихъ, если стороны отъ меня не потребуютъ». Поэтому, въ интересѣ выигрыша времени необходимо, чтобы, по открытіи сессіи и по объявленіи постановленія суда по вопросу о неявившихся присяжныхъ засѣдателяхъ, предсѣдательствующій подробно объяснилъ всѣмъ присяжнымъ ихъ права и обязанности и повторялъ бы эти объясненія лишь тогда, если онъ замѣтитъ, что присяжные хорошо не поняли и не усвоили преподанныхъ имъ наставленій, или если участвующая въ дѣлѣ сторона потребуетъ отъ предсѣдательствующаго, чтобъ онъ напомнилъ присяжнымъ ихъ права и обязанности.

Хотя закономъ 15 мая 1886 г. и предоставлено присяжнымъ участвовать въ постановкѣ вопросовъ (ст. 762 уст. уг. суд.), но этимъ правомъ не достигается никакихъ почти практическихъ результатовъ: во 1-хъ, потому, что правильная постановка вопросовъ на судѣ подчасъ представляетъ камень преткновенія даже для профессіональныхъ судей-юристовъ; а во 2-хъ, и потому, что предлагаемые присяжнымъ вопросы, по ихъ многочисленности, длиннотѣ и самой редакціи, не всегда доступны полному пониманію малограмотныхъ присяжныхъ, хотя бы ими руководилъ весьма умный и образованный старшина и какъ бы ни были хороши предсѣдательскія резюме. Присяжнымъ засѣдателямъ слѣдовало бы *предлагать вопросъ о виновности въ самой упрощенной формѣ*, не заботясь о полномъ соотвѣтствіи фактическихъ признаковъ съ юридическою, законною квалификаціею преступленія,—лишь бы судъ могъ правильно примѣнить карательные законы къ дѣянію подсудимаго по отвѣтамъ присяжныхъ. Посему слѣдуетъ спрашивать присяжныхъ: виновенъ ли такой то, А., въ томъ, что укралъ у Б. то-то, причемъ для этого взломалъ раму въ запертомъ жиломъ домѣ?—виновенъ ли онъ въ ограбленіи Б., причемъ для этого ударилъ его кулакомъ?—виновенъ ли А. въ томъ, что убилъ Б. въ дракѣ?—въ раздраженіи?—съ цѣлью ограбленія?—виновенъ ли А. въ томъ, что нанесъ Б. тяжкіе и опасные для

жизни побои? и т. д. Чѣмъ здѣсь менѣе формализма и чѣмъ болѣе будетъ предоставлено суду свободы въ редактированіи вопросовъ въ ясной и упрощенной формѣ — тѣмъ лучше. Тогда не будетъ и прискорбныхъ сюрпризовъ на судѣ чрезъ неожиданное для присяжныхъ примѣненіе закона къ ихъ вердикту. Присяжные, какъ и коронные судьи, должны знать, «какою мѣрою они мѣрятъ»; иначе же вердикты будутъ постановляемы произвольно, до нѣкоторой степени наугадъ и не безъ примѣси житейской политики. Да и лучше ли будетъ, если какой либо чиновникъ-присяжный станетъ сбивать своихъ товарищей присяжныхъ своими мнимыми познаніями въ законахъ? Притомъ же нельзя воспретить присяжнымъ, отпускаемымъ по домамъ во время сессіи, читать уложеніе о наказаніяхъ и понимать его превратно. Поэтому необходимо, чтобы *предсѣдательствующій въ своемъ résumé разъяснялъ бы присяжнымъ, къ какому наказанію* можетъ быть приговоренъ подсудимый, по закону, въ случаѣ того или другаго вердикта.

Поднятіе образовательнаго ценза (хотя бы въ томъ отношеніи, чтобы требовать отъ присяжныхъ умѣнья писать) было бы также весьма желательно; но осуществленіе этой мѣры *пока* представляется невозможнымъ при слабомъ развитіи грамотности въ населеніи. И теперь уже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣчается недостатокъ въ лицахъ, которыя вполнѣ удовлетворяли бы всѣмъ требованіямъ, предъявленнымъ къ присяжнымъ засѣдателямъ закономъ 28 апрѣля 1887 г. А такъ какъ окружные суды весьма стѣснены въ своихъ распоряженіяхъ по назначенію сессій для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ закономъ 12 іюня 1884 г., о заблаговременномъ представленіи росписанія этихъ сессій на утвержденіе старшему предсѣдателю судебной палаты (ст. 78^4 учрежд. суд. уст.), съ пріуроченіемъ періода засѣданій, безъ всякой зависимости отъ числа накопившихся въ судѣ неразрѣшенныхъ дѣлъ, къ извѣстному мѣсяцу, а не къ четвертямъ года, какъ это было раньше, то съ тѣхъ поръ замѣтно замедлилось движеніе дѣлъ въ судахъ и если, по мѣстнымъ условіямъ, нельзя назначить въ какомъ либо уѣздѣ болѣе двухъ сессій въ годъ, то арестанты просидятъ нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ подъ стражей—въ особенности же, если по какой либо причинѣ дѣло будетъ отложено въ судебномъ засѣданіи. Въ этомъ отношеніи не могутъ помочь и циркуляры министра юстиціи отъ 31 іюля 1884 г. и отъ 12 мая 1885 г., ибо судъ не вправѣ потребовать присяжныхъ засѣдателей на срокъ, болѣе продолжительный, чѣмъ одинъ мѣсяцъ, хотя бы и оказалось возможнымъ перенести дѣла слушаніемъ на другія числа и закончить сессію въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Притомъ же, въ недавнее время, были распоряженія министерства и о томъ, чтобы сессіи съ участіемъ присяжныхъ не были продолжительны и чтобы, по возможности, избѣгать утомительныхъ вечернихъ и ночныхъ засѣданій; засѣданія же должны быть открываемы не позже десяти часовъ утра и не ранѣе девяти.

На основаніи 648 ст. уст. угол. суд., число присяжныхъ засѣдателей, по дополненіи его изъ списка запасныхъ, должно быть не менѣе двадцати четырехъ, такъ, чтобы, за отводомъ сторонами, осталось ихъ не менѣе восемнадцати (ст. 658), изъ которыхъ избираются по жребію, для составленія присутствія, 12 комплектныхъ и 2 запасныхъ засѣдателя (ст. 659, 661). Такъ какъ личный составъ присяжныхъ, въ уѣздахъ, рѣдко измѣняется по немногочисленности лицъ, попадающихъ въ списки, то нѣкоторые пронырливые адвокаты, сомнительной репутаціи, бьющіе въ своей дѣятельности только на наживу, а также подсудимые и другія заинтересованныя лица, имѣютъ возможность вліять на присяжныхъ засѣдателей закулисными путями. Изрѣдка бывали даже случаи угощеній и подкупа присяжныхъ. Опытъ показалъ, что, при нѣкоторой ловкости и сообразительности, устранивъ изъ 24 лицъ, по отводу, троихъ наиболѣе неподатливыхъ присяжныхъ и пустивъ въ ходъ такія закулисныя вліянія, приходится уже считаться, даже въ наименѣе благопріятномъ случаѣ, лишь съ небольшою группою присяжныхъ въ 21 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ: тѣхъ 14, которые войдутъ въ составъ присутствія по жребію, и тѣхъ троихъ, которые не будутъ отведены прокуроромъ или частнымъ обвинителемъ. Поэтому слѣдовало бы вызывать для сессіи не 33, какъ теперь, а *вдвое большее число присяжныхъ*, съ тѣмъ, чтобы судебныя засѣданія могли состояться, по дополненіи списка, при наличности не менѣе сорока восьми присяжныхъ, изъ которыхъ, за отводомъ обѣими сторонами не болѣе шести лицъ, и должны быть избраны 12 комплектныхъ и 2 запасныхъ засѣдателя. При такомъ значительномъ числѣ присяжныхъ, уже не легко было бы интриговать и вліять на нихъ въ смыслѣ подтасовки рѣшенія и достиженія желаемаго вердикта. Но, къ сожалѣнію, и эту весьма полезную, въ интересахъ правосудія, мѣру можно было бы осуществить лишь увеличеніемъ числа присяжныхъ по общему и очередному спискамъ, что *пока* было бы затруднительно при нынѣшнемъ составѣ населенія и другихъ общественныхъ условіяхъ, ибо безмездное исполненіе присяжными засѣдателями тяжелыхъ судебныхъ обязанностей и безъ того уже представляетъ съ ихъ стороны значительную жертву.

Закономъ 28 апрѣля 1887 г. увеличенъ имущественный и образовательный цензъ для присяжныхъ засѣдателей. Но что бы тамъ ни говорили о почетномъ званіи присяжныхъ засѣдателей и о томъ, что имъ, какъ судьямъ, будто бы неприлично получать вознагражденіе за исполненіе высокой гражданской и священной обязанности,—и теперь нѣкоторые присяжные, крайне стѣсненные въ матеріальныхъ средствахъ, иногда заявляютъ суду желаніе получить вознагражденіе, а другіе, крестьяне, получаютъ на этотъ предметъ неустановленное въ законѣ пособіе изъ мірскихъ суммъ. Поэтому необходимо было бы предоставить присяжнымъ засѣдателямъ *право на вознагражденіе* отъ казны за явку въ судъ— издержки на проѣздъ и суточныя деньги, въ томъ же размѣрѣ и на томъ

же основаніи, какъ получаютъ свидѣтели (ст. 979 уст. угол. суд.), при чемъ эти расходы казны не должны быть включаемы въ счетъ судебныхъ издержекъ и взыскиваемы съ осужденныхъ, ибо присяжные засѣдатели вызываются въ судъ, какъ судьи, для рѣшенія дѣлъ всей предстоящей уголовной сессіи (ст. 976). Получая хотя нѣкоторое вознагражденіе отъ казны, присяжные засѣдатели не будутъ нищенствовать во время сессіи и интересоваться угощеніями отъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ на нихъ какіе либо виды, несогласные съ достоинствомъ суда и задачами правосудія.

Валер. Волжинъ.

СТАТИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНІЙ ВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Преступность въ Пермской губ. уже съ давнихъ поръ была сильнѣе развита, чѣмъ въ большинствѣ остальныхъ губерній Европейской Россіи. Въ періодъ 1860—67 г. [1]) средняя годовая цифра осужденныхъ для Пермской губ., занимавшей въ этомъ отношеніи 16-е мѣсто, была $1_{,6}$ на 1,000 человѣкъ населенія. Для цѣлой Россіи эта средняя была $1_{,4}$. Такимъ образомъ 31 губернія стояла ниже Пермской по числу совершавшихся преступленій. Что касается числа сосланныхъ въ промежутокъ времени съ 1827 по 1846 г. (здѣсь дѣло идетъ только о преступленіяхъ, влекущихъ за собой ссылку въ Сибирь), то надо сказать, что число это для 48 губерній и областей Европ. Россіи простирается до 141,412 челов., слѣдовательно, изъ каждой губерніи ежегодно ссылалось среднимъ числомъ по 147 человѣкъ. Между тѣмъ изъ Пермской губ. сослано было въ Сибирь за эти 20 лѣтъ 11,893 человѣка, т. е. примѣрно по 594 ежегодно. За этотъ періодъ времени наша губернія выселила въ Сибирь въ 51 разъ болѣе, чѣмъ Олонецкая губернія (233), занимающая по числу сосланныхъ послѣднее мѣсто среди другихъ губерній, тогда какъ населеніе ея было лишь въ шесть разъ меньше населенія Пермской губ. По числу ссылавшихся Пермская губ. занимала первое мѣсто. По словамъ Ливрона, въ Пермской губ. преобладала ссылка за побѣги изъ Сибири надъ другими преступленіями, не исключая бродяжества и воровства. Обращаясь къ распредѣленію губерній по группамъ, изслѣдователь приходитъ къ такому заключенію, что вѣроятность ссылки увеличивается по направленію къ югу и востоку. Такъ что Пріуральская группа, гдѣ на 100 тысячъ населенія приходилось сосланныхъ 2,519, — занимала первое мѣсто (самое меньшее въ Сѣверныхъ губ.—582). Самыя тяжкія преступленія привились здѣсь сильнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь въ другой группѣ губерній. Большая пестрота въ населеніи губерній Пріуральскихъ, бѣглые преступники, сбиравшіеся въ Пермскую губ., какъ центральный пунктъ,

[1]) Ливронъ, Статистич. обозрѣніе Россійской имперіи.

откуда они разсѣевались по приволжскимъ губерніямъ,—вотъ тѣ обстоятельства, которыя, по мнѣнію г. Ливрона, наравнѣ съ климатическими и топографическими условіями наиболѣе всего способствовали развитію преступности въ Пріуральской группѣ вообще и въ Пермской губ. въ частности.

Къ сожалѣнію, неоднородность данныхъ, которыми пользовался Ливронъ, и тѣми, которыя заключаются въ «Сводахъ», не позволяютъ сравнивать первыя со вторыми для того, чтобы дать отвѣтъ на вопросъ: уменьшается или увеличивается число преступленій въ Пермской губ. съ теченіемъ времени? Поэтому, придавая вышеприведеннымъ заимствованіямъ изъ работы Ливрона значеніе странички изъ исторіи нравственности губерніи, оставляемъ ихъ стоять особнякомъ, а сами переходимъ къ оперированію надъ матеріаломъ изъ «Сводовъ» и «Сборниковъ».

Абсолютное число преступленій [2]), совершенныхъ въ Пермской губ. за семилѣтіе съ 1875 по 1881 г. включительно, возрасло съ 2,094 до 3,436 (въ окружныхъ судахъ, мировыхъ судахъ и съѣздахъ мировыхъ судей). Во весь этотъ періодъ, за исключеніемъ только 1876 г., когда по какимъ-то причинамъ число преступленій было значительно больше слѣдующаго года, увеличеніе шло постепенно. Если принять во вниманіе количество населенія въ два названные крайніе годы, то найдемъ, что въ 1875 г. на 10,000 населенія приходилось $9,_5$ осужденныхъ по всѣмъ видамъ преступленій, а въ 1882 г. на тѣ же 10,000 причиталось уже $13,_4$ человѣкъ (цифра населенія принята за 1882 г.). Такимъ образомъ видимъ, что преступность въ населеніи поднялась довольно значительно. Не ограничиваясь однако этимъ констатированіемъ увеличенія случаевъ преступности вообще, мы перейдемъ къ изученію движенія за этотъ періодъ важнѣйшихъ видовъ преступленія, важнѣйшихъ какъ въ количественномъ отношеніи, такъ и по тому значенію, которое они имѣютъ для характеристики нравственнаго состоянія общества. Обращаясь сначала къ крупному подраздѣленію преступленій на 5 разрядовъ (дѣло идетъ объ осужденныхъ въ окружныхъ судахъ; рубрики заимствованы изъ «Сборника свѣдѣній по Европ. Россіи»), мы замѣчаемъ, что преступленія противъ вѣры и собственности государства не потерпѣли значительныхъ колебаній. Число преступленій противъ личности государства также почти не измѣнилось. Преступленія противъ личности, напротивъ того, значительно поднялись въ количествѣ. Если въ 75 г. они составляли лишь $11,_{72}\%$ всѣхъ преступленій, то въ 1882 г. на ихъ долю падало уже $19,_{15}\%$; въ 1875 г. на 10 т. приходилось 5 человѣкъ, осужденныхъ за преступленія противъ личности, а въ 1882 г. ихъ было уже 13.

---

2) И впредь мы будемъ весьма часто выраженіе «число осужденныхъ» замѣнять словами «число преступленій», т. е. будемъ говорить только о преступленіяхъ, повлекшихъ за собой уголовную кару.

Преступленія противъ собственности частныхъ лицъ возрасли весьма значительно: цифра осужденныхъ на 10 тыс. населенія поднялась за осьмилѣтній періодъ съ 14 на 29. Хотя мы ради сбереженія мѣста и воздерживаемся отъ приведенія таблицъ, здѣсь однако находимъ нужнымъ обратиться къ таблицѣ; мы беремъ два періода по три года каждый и сравниваемъ %-ное отношеніе преступленій.

	1875–77 г.		1879–81 г.	
	3,941 всего осужд. въ окружн. с.		5,625	
Кража	1,092	27,70%	1,766	31,39%
Бродяжничество	1,100	27,91 »	1,119	19,89 »
Насильств. пох. имущ. . . .	405	10,27 »	454	8,07 »
Убійство	366	т. е. 9,28 »	626	т. е. 11,11 »
Оскорбл. власти	257	6,52 »	305	5,42 »
Служебн. преступл. . . .	94	2,38 »	225	4,00 »
Преступл. прот. женск. чести.	31	0,78 »	107	1,90 »

Остановимся на преступленіяхъ противъ жизни, которыя, несомнѣнно, заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Абсолютная цифра убійствъ съ 69 (1875 г.) поднялась на 216 (1881 г.), т. е. увеличеніе числа преступленій произошло больше, чѣмъ въ три раза. Процентное отношеніе случаевъ убійства къ другимъ преступленіямъ въ каждый по порядку годъ, начиная съ 75, было: 7,30; 8,37; 11,42; 10,03; 9,68; 11,91; 11,90. Мы замѣчаемъ увеличеніе абсолютныхъ чиселъ случаевъ и предумышленнаго убійства, и дѣтоубійства и, наконецъ, убійствъ въ запальчивости и по неосторожности. Впрочемъ, за болѣе продолжительный періодъ могло бы обнаружиться и уменьшеніе числа убійствъ, какъ это было обнаружено въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюденія производились за промежутки въ нѣсколько десятилѣтій или даже столѣтій.

Итакъ число осужденныхъ въ окружныхъ и мировыхъ учрежденіяхъ въ теченіе семилѣтняго періода ежегодно повышалось. Какая причина тому, сказать опредѣленно не возможно. Только сопоставленіе цифровыхъ данныхъ о преступленіи съ цифровыми-же данными, касающимися другихъ сторонъ жизни общества, можетъ дать болѣе или менѣе точныя указанія на обстоятельства, благопріятствующія развитію въ преступленіи. Дѣлать же апріорные выводы при сложности условій общественной жизни не легко. Такъ, если съ одной стороны все большее и большее распространеніе образованности даетъ право ожидать бо̀льшей степени гуманности, бо̀льшаго развитія гражданской чести, то съ другой стороны тяжелое экономическое положеніе низшаго класса общества способствуетъ появленію въ обществѣ бо̀льшаго числа преступнаго элемента.

Постараемся отвѣтить теперь на вопросъ, какіе виды преступленія въ какихъ размѣрахъ существуютъ, а затѣмъ остановимся на вліяніи раз-

личныхъ факторовъ на преступленія. Самый сравнительно, меньшій процентъ падаетъ на преступленія противъ вѣры — именно $1,_{33}$. Не много выше—$1,_{67}$%—стоитъ и процентъ осужденныхъ за преступленія противъ собственности государства [3]). Слѣдующее мѣсто принадлежитъ преступленіямъ противъ личности—$16,_{36}$%. Въ числѣ этихъ первое мѣсто принадлежитъ убійству—$10,_{31}$% числа всѣхъ преступленій принадлежитъ этому послѣднему, занимающему третье мѣсто среди различныхъ видовъ преступленій (кража, бродяжничество). Не безъинтересно сдѣлать здѣсь кое-какія сравненія. Если мы обратимся къ изслѣдованію г. Тарновскаго [4]), то найдемъ, что по числу жертвъ убійства, Пермская губернія занимаетъ среди остальныхъ второе мѣсто; на 1 мил. жителей жертвъ убійства встрѣчается здѣсь $68,_{3}$, (Оренбургская $71,_{1}$). А что касается возникающихъ объ убійствѣ дѣлъ, то Пермская губернія, гдѣ на 1 мил. приходится 168 дѣлъ, стоитъ на первомъ мѣстѣ. Итакъ по числу убійствъ Пермская губернія, какъ видимъ, уступаетъ только одной. Случаи убійства составляютъ $10,_{31}$% числа всѣхъ преступленій въ Пермской г.; тогда какъ для цѣлой Россіи это процентное отношеніе выразится лишь цифрой $4,_{5}$. Взявши далѣе цифру убійствъ (1159), совершенныхъ въ разсматриваемый нами періодъ времени, попробуемъ распредѣлить ее по разнымъ видамъ этого преступленія. Мы найдемъ, что $53,_{24}$ случаевъ на 100 падаетъ на убійства въ запальчивости и по неосторожности. Совершенно тотъ-же процентъ ($53,_{5}$) падаетъ на этотъ видъ убійства и во Франціи; въ цѣлой Россіи на него приходится $63,_{6}$% (вычисленія за пять лѣтъ). Затѣмъ идетъ такъ называемое предумышленное убійство. Въ Пермской губ. приходится на него $38,_{05}$% всего числа убійствъ. Для Франціи же этотъ процентъ достигаетъ лишь $18,_{9}$, а для цѣлой Россіи—24. Наконецъ $8,_{71}$% составляютъ случаи дѣтоубійства; во Франціи на нихъ приходится процентъ значительно бо́льшій, именно $28,_{6}$, для Россіи же $12,_{4}$%. Такимъ образомъ надо сказать, что дѣтоубійство въ Пермской губ. развито значительно слабѣе, чѣмъ въ названныхъ странахъ въ ихъ цѣломъ. Какъ на причину слабаго развитія дѣтоубійства въ Россіи (а значитъ въ частности и Пермской губ.) указываютъ на ранніе браки въ Россіи, благодаря каковымъ у насъ должно быть относительно меньше холостяковъ и дѣвицъ; а эти послѣдніе—главные виновники названнаго преступленія. Слѣдующую (четвертую) группу составляютъ преступленія противъ личности государства, на долю каковыхъ приходится $38,_{51}$% числа всѣхъ преступленій, совершенныхъ за семилѣтній періодъ.

Первое мѣсто здѣсь принадлежитъ бродяжеству, на которое приходится $22,_{89}$% числа всѣхъ преступленій; такимъ образомъ пятая часть всѣхъ

---

3) Вычисленія ведутся здѣсь за періодъ съ 1875 — 1881 года, т. е, за семь лѣтъ.

4) «Юридич. Вѣстн.» 1886 г., № 3. Всѣ данныя преступности въ иностранныхъ государствахъ заимствованы изъ этой статьи.

осужденныхъ за разсматриваемый періодъ—бродяги. Только кража и встрѣчается чаще бродяжества.

Нельзя не согласиться съ г. Ливрономъ, что географическое положеженіе губерніи много способствуютъ развитію бродяжества. Если взять губернію Владимірскую, то тамъ на долю этого преступленія приходится не болѣе, какъ процента 3.

Мы уже говорили, что Пермская губернія представляетъ изъ себя центральный районъ, котораго не обходятъ бѣглые изъ Сибири.

Встрѣчая болѣе или менѣе гостепріимное къ себѣ отношеніе деревенскаго населенія, которое отчасти просто боится обойтись неласково съ этими не любящими шутить гостями,—бродяги или, какъ ихъ въ Пермской губерніи называютъ, «бродяжки» остаются въ губерніи на продолжительное время, проводя ночи въ лѣсу, а днемъ собирая дань съ деревень.

Немудрено, что этотъ бродячій людъ много способствуетъ развитію всѣхъ преступленій, а въ томъ числѣ и кражъ, которыя занимаютъ первое мѣсто среди другихъ преступленій.

Самую большую группу составляютъ *преступленія* противъ собственности частныхъ лицъ: почти половину—$42,_{12}\%$ всѣхъ преступленій; въ частности $30,_{38}\%$ падаетъ на кражу.

Распространенность этого вида преступленія, впрочемъ, есть явленіе общее: въ Россіи за 1875—79 гг. осужденные за кражу составляли около 44% всѣхъ осужденныхъ, т. е. на 14% больше, чѣмъ въ Пермской губерніи.

Остается сказать нѣсколько словъ о мировыхъ судахъ. Главное преступленіе, фигурирующее предъ этимъ судебнымъ учрежденіемъ,—кража. Изъ числа всѣхъ осужденныхъ въ этихъ учрежденіяхъ въ періодѣ 1875—81 г., на осужденныхъ за кражу, подъ которой мы разумѣемъ и всякаго рода кражу, и покушеніе на кражу, участіе въ кражѣ и укрывательство кражи—падаетъ громадный процентъ—$86,_{02}$. Слѣдующее мѣсто занимаютъ торговые обманы—$4,_{02}\%$, мошенничество—$3,_{61}\%$, присвоеніе и растраты—$3,_{35}\%$, похищеніе лѣсныхъ матеріаловъ—$1,_{11}\%$, прошеніе милостыни—$0,_{91}\%$ и $0,_{3}\%$ на остальныя.

Теперь мы переходимъ къ изученію зависимости преступности отъ различныхъ факторовъ и остановимся прежде всего на различіи половъ.

Общее число осужденныхъ за семилѣтній промежутокъ времени въ окружныхъ судахъ было 11,231, изъ котораго 913, т. е. $8,_{12}\%$, приходится на долю женщинъ. Въ мировыхъ судахъ женщина фигурируетъ чаще; осужденныхъ женщинъ въ этихъ учрежденіяхъ за тотъ же періодъ времени было 914, что составило $10,_{4}\%$ всего числа осужденныхъ въ мировыхъ судахъ (8,754). Такимъ образомъ, вообще говоря, женщина принимаетъ весьма малое участіе въ преступленіи: на 100 человѣкъ осужденныхъ 90 и даже болѣе—мужчины. Приведенные проценты должны еще уменьшиться, если мы примемъ во вниманіе, что число женщинъ въ гу-

берніи значительно больше числа мужчинъ (на 1,000 мужчинъ приходится 1,066 женщинъ) [5]).

Поставленная въ исключительныя условія, привязанная хозяйственными заботами и заботами о семьѣ къ дому, женщина гораздо меньше чѣмъ мужчина соприкасается съ внѣшнимъ міромъ и потому значительно рѣже приходитъ въ тѣ или другія столкновенія съ чужими людьми. Впрочемъ, какъ увидимъ, участіе ея въ различныхъ преступленіяхъ не одинаково, и есть тяжкія преступленія, всецѣло принадлежащія женщинѣ [6]).

По даннымъ за 1882 г. («Сборн. свѣд. по Европейской Россіи») въ числѣ осужденныхъ за преступленія противъ имуществъ и доходовъ казны женщинъ совсѣмъ не было, за преступленія противъ государства ихъ было $7,_{13}$%, за преступленія противъ вѣры — $7,_{14}$%, за преступленія противъ собственности частныхъ лицъ женщинъ было $7,_{87}$% и, наконецъ, за преступленія противъ личности въ числѣ осужденныхъ было $14,_{24}$% женщинъ. Чтобы не пройти молчаніемъ отдѣльные виды преступленій, скажемъ, что изъ осужденныхъ въ мировыхъ судахъ за прошеніе милостыни—41% были женщины, а за кражу—11%; въ окружныхъ-же судахъ изъ осужденныхъ за это послѣднее преступленіе женщинъ было лишь $8,_{6}$%. Принимаетъ участіе женщина и въ бродяжествѣ, хотя, правда, въ незначительной степени ($3,_{8}$%). Но въ числѣ осужденныхъ за преступленія противъ союзовъ брачнаго и родственнаго женщина составляетъ четвертую часть ($25,_{7}$%). Находясь далеко не въ завидныхъ условіяхъ семейной жизни, женщина весьма часто силою обстоятельствъ бываетъ вынуждена выходить изъ законныхъ рамокъ въ отношеніяхъ къ своей семьѣ.

Женщины, осужденныя за преступленія противъ жизни, составляютъ въ Пермской губ. $20,_{1}$% въ числѣ всѣхъ обвиненныхъ за эти преступленія (75—79 гг.). Въ Австріи этотъ процентъ значительно выше—35. Меньше всего женщины, какъ въ Пермской губ., такъ и во Франціи, и въ Австріи, и въ Россіи, участвуютъ въ убійствѣ въ запальчивости и по неосторожности (непредумышленное убійство). «Средняя» женщина, говоритъ г. Тарновскій въ своемъ изслѣдованіи о преступленіяхъ противъ жизни, благодаря своему изолированному положенію у семейнаго очага, имѣетъ меньше поводовъ къ яростнымъ вспышкамъ, чѣмъ мужчина, историческое прошлое котораго длиннымъ рядомъ вѣковъ ожесточенной борьбы развило въ немъ большее пренебреженіе къ чужой жизни и большую рѣшимость, чѣмъ въ женщинѣ (279 стр.). Дѣйствительно, лишь $3,_{6}$% изъ всего числа осужденныхъ за непредумышленное убійство, по существу своему требующее состоянія крайняго раздраженія,—были женщины. Но уже въ предумышленномъ убійствѣ, отрицающемъ необходимость борьбы, сопротивленія, что, конечно, важно для слабаго пола, — женщина участвуетъ

---

5) Курсъ статистики проф. А. И. Чупрова, стр. 201.

6) Ср. Тарновскій—назв. ст., стр. 279.

въ значительной степени; такъ изъ числа осужденныхъ за этотъ видъ убійства 25,$_5$% были женщины (въ Австріи 26%; во Франціи — подсудимыхъ — 17,$_8$%). Въ отравленіи женщина Пермской губ. участвуетъ почти одна; лишь 0,$_1$% приходится на осужденныхъ мужчинъ. На 100 осужденныхъ за всѣ виды дѣтоубійства женщинъ 96,$_4$. Отсутствіе рѣшительности въ женщинѣ, ея физическая слабость обусловливаетъ собой то обстоятельство, что женщина значительно больше чѣмъ мужчина (75%) «приготовляется» къ убійству. Что касается супругоубійства, то и здѣсь женщина нисколько не уступаетъ мужчинѣ (49,$_{15}$%), что зависитъ, конечно, отъ незавиднаго положенія замужней женщины.

Вліяніе возраста также отражается на преступленіяхъ. Такъ прежде всего мы замѣчаемъ, что больше всего совершается преступленій среди людей зрѣлаго возраста отъ 21 г. до 50 л.—77,$_{42}$% числа всѣхъ преступленій, разбиравшихся въ окружныхъ судахъ (1882 г.), затѣмъ 11,$_{14}$% въ возрастѣ 17—20 л., 8,$_{42}$% среди лицъ отъ 51 до 60 л., 1,$_{86}$% числа всѣхъ преступленій приходится на возрастъ до 17 л. и, наконецъ, 1,$_{16}$% на возрастъ свыше 60 л. Но по этимъ процентнымъ отношеніямъ судить о тенденціи къ совершенію преступленій отдѣльной возрастной группы — нельзя. Необходимо послѣдовательно сопоставлять число преступленій, совершенныхъ въ данномъ возрастѣ, съ числомъ лицъ, принадлежащихъ къ группѣ этого же самаго возраста. Не смотря на всю важность подобнаго сопоставленія, мы принуждены отказаться отъ него, именно благодаря незнанію, какъ велики эти возрастныя группы; у насъ не имѣется распредѣленія населенія по возрастамъ. Единственно, чѣмъ можно пользоваться въ данномъ случаѣ, такъ это вычисленія, сдѣланныя академикомъ Буняковскимъ для 1862 г. по таблицамъ смертности. Но это приблизительное разгруппированіе русскаго населенія по возрастамъ относится только къ православному населенію, и по отдѣльнымъ губерніямъ не проведено. Точно также въ виду отсутствія данныхъ по распредѣленію населенія по семейному состоянію, нѣтъ возможности судить о преступности отдѣльныхъ категорій семейнаго состоянія.

Что касается распредѣленія осужденныхъ по народностямъ, то, какъ и нужно ожидать, большинство преступленій за разсматриваемый періодъ совершено среди русскихъ, которые, несомнѣнно, составляютъ громадное большинство населенія Пермской губ.: 87,$_{76}$% всѣхъ осужденныхъ— русскіе, затѣмъ идутъ башкиры и мещеряки — 4,$_{32}$%, татары 2,$_{06}$. Абсолютной тенденціи къ совершенію преступленій въ той или другой народности вывести не можемъ за неимѣніемъ данныхъ о распредѣленіи населенія губерніи по народностямъ.

Замѣтимъ только одну интересную подробность: за всѣ семь лѣтъ въ окружныхъ судахъ Пермской губ. ни разу не были осуждены ни одна татарка, ни башкирка.

Остановимся далѣе на сословіи осужденныхъ.

Сопоставляя количество находящихся въ каждой сословной группѣ и числомъ преступниковъ изъ той же группы населенія [7]), находимъ, что на 1,000 человѣкъ мѣщанъ осужденныхъ (въ окружныхъ и мировыхъ судахъ за 7 лѣтъ) приходится $28,_8$; на 1,000 дворянъ-преступниковъ этого сословія — $19,_7$; въ военномъ сословіи на 1,000 падаетъ $15,_5$ осужденныхъ, среди крестьянъ на то же число—$6,_7$, у купцовъ, почетныхъ гражданъ—$6,_1$, наконецъ, на 1,000 духовныхъ $3,_3$ преступника.

На первый взглядъ болѣе всего удивительно и сравнительно малое число преступниковъ-крестьянъ. Не безъизвѣстно, что экономическое положеніе крестьянина нерѣдко подталкиваетъ его на преступленія, знаемъ мы также и то, какъ мало цѣнится мужикомъ жизнь другаго (совершаемыя по большей части, правда, въ пьяномъ видѣ убійства на нашихъ деревенскихъ праздникахъ) и т. д.—все заставляетъ ожидать, что мужикъ займетъ по своему числу первое мѣсто среди осужденныхъ. А мы видимъ его на четвертомъ мѣстѣ. Объяснять это малое число крестьянъ—осужденныхъ, какъ кажется, слѣдуетъ двумя обстоятельствами. Во первыхъ, $23,_5\%$ число всѣхъ преступниковъ, распредѣленныхъ по сословіямъ, составляютъ «бродяги». По всей вѣроятности, здѣсь разумѣются лица, которыя не могутъ, какъ говорится во 2 половинѣ статьи 950, «доказать настоящее свое состояніе или званіе, или же упорно отъ сего отказывающіяся». А если это такъ, то далѣе мы должны сдѣлать апріорное предположеніе, что большинство и притомъ громадное большинство этихъ «непомнящихъ родства» составляютъ крестьяне; такъ что при такомъ предположеніи мы должны будемъ считать на 1,000 крестьянъ уже больше 8 преступниковъ. Во вторыхъ,—и это главное — мы оперируемъ только надъ числами крестьянъ, осужденныхъ въ окружныхъ и мировыхъ судахъ. А сколько мелкихъ преступленій, особенно кражъ, не доходитъ до этихъ судовъ и разбирается въ волостныхъ судахъ! Эти поправки уже значительно измѣнили бы картину.

Переходимъ далѣе къ состоянію грамотности среди преступниковъ. Мы склонны предполагать, что большее распространеніе образованности, развивая въ человѣкѣ гуманность, гражданскую честь, должно вліять на уменьшеніе преступленій. Но прослѣдить эту зависимость, конечно, не представляется возможнымъ, благодаря существованію другихъ факторовъ, дѣйствующихъ въ противоположномъ духѣ съ образованіемъ и въ то же время тѣсно связанныхъ съ нимъ. Обращаясь къ изучаемой губерніи, въ этомъ интересномъ вопросѣ мы принуждены ограничиться весьма не многимъ: не имѣя данныхъ, мы не можемъ даже точно вывести абсолютной тенденціи къ преступленію въ такихъ крупныхъ группахъ населенія, какъ «гра-

---

7) По даннымъ Стат. Временника, сер. II, вып. X.

мотные» и «неграмотные». Если что мы и знаемъ, такъ это то, что въ Пермской губ. неграмотные составляютъ $83,_5$% [8]). Изъ числа же всѣхъ осужденныхъ за семилѣтній періодъ было $80,_6$% неграмотныхъ. Если возьмемъ одно только отношеніе между грамотностью и преступленіемъ, а другія обстоятельства, могущія оказывать вліяніе на нравственность, опустимъ, — то придемъ къ совершенно неожиданному выводу: оказывается, что среди грамотныхъ тенденція къ совершенію преступленій выше чѣмъ между неграмотными (но и тутъ надо помнить сказанное о волостныхъ судахъ). Это явленіе—не исключеніе. Такъ, говоритъ г. Тарновскій, во Франціи не замѣтно никакого почти соотношенія между безграмотностью среди обвиняемыхъ и тенденціей къ убійству [9]).

Обратимся далѣе къ взаимоотношенію между состояніемъ преступности и занятіями преступниковъ. Но и тутъ прежде всего придется сказать, что мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ дѣлится населеніе губерніи по занятіямъ. Чтобы хоть сколько нибудь пополнить этотъ пробѣлъ въ статистикѣ населенія, мы воспользуемся отчасти дѣленіемъ населенія на сословныя группы, отчасти же данными относительно заводско-фабричныхъ рабочихъ, — и такимъ образомъ не оставимъ безъ употребленія свѣдѣнія, получаемыя нами изъ сводовъ о родѣ занятія преступниковъ. Возьмемъ абсолютныя числа осужденныхъ, раздѣленныхъ на группы по занятіямъ, — и мы увидимъ, что почти половина преступниковъ — $44,_{95}$% — занимающіеся сельскимъ хозяйствомъ; далѣе идетъ группа поденщиковъ и чернорабочихъ—$13,_{04}$%; третье мѣсто—$12,_{67}$%—лица безъ занятій; $12,_{50}$% приходится на занимавшихся обрабатывающей промышленностью; затѣмъ идутъ занимавшіеся строительнымъ производствомъ—$3,_{88}$%, нематеріальнымъ производствомъ—$2,_{80}$%; лица неопредѣленныхъ занятій — $2,_{31}$%; личная прислуга — $2,_{20}$%; торгующіе—$2,_{08}$%; занимающіеся промышленностью добывающею—$1,_{17}$%; занятые перевозочнымъ промысломъ $0,_{63}$%, проституціей—$0,_{24}$%; относительно остальныхъ $0,_{35}$% занятія неизвѣстны.

Здѣсь не безъинтересно сравнить тенденцію къ преступленіямъ въ двухъ группахъ населенія—среди занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ и обрабатывающей промышленностью. Мы видѣли, что чуть не половина осужденныхъ принадлежитъ первой группѣ; на долю же второй падаетъ лишь $12,_{50}$%. Но мы должны принять во вниманіе то обстоятельство, что наши сельскіе хозяева въ большинствѣ случаевъ никто иные, какъ крестьяне, которые, какъ мы уже упоминали, составляютъ главную массу населенія губерніи; тогда и окажется, что среди этой громадной группы населенія преступленія не такъ часты, какъ кажется это на первый разъ.

---

8) Всеобщ. воинск. пов. Стат. Вр. сер. III, вып. 12.

9) Убійства въ Россіи. «Юрид. Вѣстн.», 1886 г.

Напротивъ того, число осужденныхъ среди класса промышленниковъ относительно гораздо больше, приблизительно, раза въ два.

Теперь посмотримъ, гдѣ и въ какихъ размѣрахъ совершаются преступленія. Всѣ осужденные за 7 лѣтъ въ окружныхъ судахъ распредѣляются такъ: $14_{,82}$% ихъ совершили преступленія въ городахъ и $75_{,17}$%—въ уѣздахъ; а преступленія, разбиравшіяся въ мировыхъ судахъ, были совершены — $28_{,42}$% въ городахъ и $51_{,02}$% въ уѣздахъ. Въ дѣлахъ, доходящихъ до окружнаго суда, мы замѣчаемъ громадную разницу между преступленіями, совершенными въ городахъ и уѣздахъ, и мы ожидали бы поэтому гораздо большаго процента, чѣмъ $51_{,02}$, преступленій, которыя совершены въ уѣздахъ и которыя подсудны мировымъ судьямъ. Но повторимъ, что масса мелкихъ преступленій, имѣвшихъ мѣсто въ уѣздахъ, разбирается волостными судами, и потому не доходитъ до мировыхъ судовъ; тогда какъ въ городѣ каждая мелкая кража разбирается мировымъ судомъ.

Выводя абсолютную тенденцію къ совершенію преступленій въ городахъ и уѣздахъ, находимъ: въ первыхъ на 1,000 человѣкъ населенія приходится осужденныхъ въ окружныхъ судахъ—$12_{,9}$, въ уѣздахъ же на тѣ же 1,000 человѣкъ — $3_{,1}$. Что касается осужденныхъ въ мировыхъ судахъ, то на 1,000 человѣкъ городскаго населенія ихъ приходиття $19_{,3}$, а на 1,000 человѣкъ уѣзднаго населенія — $1_{,8}$ человѣкъ. Если указанная поправка относительно волостныхъ судовъ пригодна для преступленій, подсудныхъ мировымъ учрежденіямъ, то на число преступленій, разбиравшихся въ окружныхъ судахъ, она не можетъ вліять; поэтому мы имѣемъ право сдѣлать выводъ: въ городахъ Пермской губ. совершается преступленій (по крайней мѣрѣ, не подлежащихъ вѣдѣнію мироваго судьи) втрое больше, чѣмъ въ уѣздахъ.

Вс. Удинцевъ.

КНЯГИНИНСКІЙ УѢЗДЪ, НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Матерьялы къ оцѣнкѣ земель въ Нижегородской губерніи. Экономическая часть. Вып. IV. Княгининскій уѣздъ. 1888 г.).

Статистическій сборникъ, заглавіе котораго выписано нами, представляетъ собою первый выпускъ трудовъ недавно сформировавшагося статистическаго отдѣленія нижегородской губерн. земской управы. До появленія этого труда, сборниковъ, въ смыслѣ земско-статистическихъ, въ Нижегородской губ. не было. Въ періодъ отъ 1882—по 1886 г., нижегородское губернское земство, какъ извѣстно, произвело и издало въ свѣтъ, подъ руководствомъ проф. Докучаева, рядъ трудовъ, посвященныхъ почвеннымъ изслѣдованіямъ губерніи. Серія ихъ извѣстна подъ именемъ «Матерьялы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Естественно-историческая часть» и обнимаетъ собою 14 выпусковъ; объ этихъ работахъ въ свое время было говорено въ періодической печати. Настоящимъ же сборникомъ открывается, какъ видно изъ заглавія, новая серія трудовъ, подъ общимъ именемъ—«часть экономическая». Такимъ образомъ мы будемъ имѣть въ скоромъ времени самое, можетъ быть, многостороннее изученіе такой интересной губерніи, какой несомнѣнно является Нижегородская. Уже одно имя Н. Ѳ. Анненскаго ручается за хорошее выполненіе новой предпринимаемой серіи трудовъ. Хотя въ послѣдней Княгининскій уѣздъ и является первымъ по времени появленія, однако онъ озаглавленъ вып. IV, съ цѣлью именно болѣе удобнаго сопоставленія новой серіи изданій съ предшествующей. Матерьяломъ для составленія сборника послужили главнымъ образомъ данныя, собранныя на мѣстахъ; затѣмъ всякаго рода оффиціальныя свѣдѣнія и работа Докучаева, въ нѣкоторомъ отношеніи пополненная при новомъ изслѣдованіи. Не можемъ не выразить нѣкотораго сожалѣнія по поводу практиковавшагося при мѣстномъ изслѣдованіи способа собиранія свѣдѣній. Главныхъ работниковъ было собственно 3 человѣка, отъ которыхъ для выполненія работы потребовалось по 3 мѣсяца упорнаго труда въ

уѣздѣ. Такой способъ собиранія свѣдѣній, имѣя свои несомнѣнныя преимущества, представляетъ, однако, то неудобство, что при немъ изслѣдованіе затягивается на большой промежутокъ времени. Поэтому остается пожелать, чтобы при изслѣдованіи послѣдующихъ уѣздовъ контингентъ отвѣтственныхъ работниковъ, въ интересахъ большей быстроты производства дѣла, былъ увеличенъ.

Настоящій сборникъ, какъ заявляютъ сами его составители, призванъ служить цѣлямъ чисто-практическимъ, почему такъ назыв. оцѣночному матерьялу въ немъ отдается рѣшительное предпочтеніе, и съ другой стороны—отсутствуютъ тѣ часто богатыя демографическія и обще-экономическія данныя, которыя характеризуютъ собою работы другихъ земствъ. Несомнѣнно, на формѣ разработки отразился въ извѣстный степени циркуляръ мин. внутр. дѣлъ, ограничившій во многихъ мѣстахъ земско-статистическія работы изслѣдованіями чисто-оцѣночнаго характера. Особенности, характеризующія новую работу нижегородскаго земства, главнымъ образомъ слѣдующія. Прежде всего, благодаря именно своему спеціальному назначенію—служить для опредѣленія цѣнности и доходности земель, свѣдѣнія въ сборникѣ ведутся не поселенно, какъ обыкновенно, а по пустошамъ, районамъ и волостямъ. Это, конечно, составляетъ въ статистическомъ смыслѣ крупный недостатокъ. Затѣмъ, что касается свѣдѣній обще-экономическаго характера, то ихъ очень мало, напр., имѣется по вопросу о внѣземледѣльческихъ промыслахъ населенія, хотя, какъ мы увидимъ ниже, послѣдніе играютъ въ Княгининскомъ уѣздѣ далеко не маловажную роль. Въ демографическомъ отношеніи сборникъ даетъ еще меньше: онъ констатируетъ только общее количество мужчинъ и женщинъ, выдѣляетъ однихъ мужскихъ работниковъ, нисколько не касаясь вопроса о возрастномъ составѣ населенія. Совсѣмъ также нѣтъ, напр., свѣдѣній о грамотности и физическихъ недостаткахъ населенія. Все это, конечно, не упреки сборнику: несомнѣнно, главная вина отсутствія всѣхъ этихъ свѣдѣній падаетъ на обстоятельства.... За то, оцѣночная, т. е. главная часть сборника, разработана съ возможной тщательностью и остроуміемъ, и можетъ вполнѣ служить образцомъ для заимствованій.

Содержаніе сборника крайне разнообразно. Въ оцѣночномъ отношеніи изслѣдуется почти каждая пустошь (въ Нижегород. губ. имѣется топографическая карта Менда); описывается тщательно почва, изслѣдуется орографическое и гидрографическое положеніе мѣста; дается тщательное распредѣленіе по угодьямъ, опредѣляется ихъ доходность по урожайности; кромѣ того, изслѣдуются продажныя и арендныя цѣны разнаго вида угодій. Трудно, почти невозможно въ бѣглой замѣткѣ останавливаться на отдѣльныхъ результатахъ изслѣдованія. Поэтому мы возьмемъ изъ приложенныхъ къ сборнику таблицъ только тѣ цифры, которыя представляютъ болѣе общій интересъ. Выгодной чертой сборника является, между прочимъ, приведеніе повсюду, наряду съ абсолютными цифрами,

и % отношеній, что значительно облегчаетъ пользованіе имъ. Очень интереснымъ является составленный, по образцу смоленскихъ сборниковъ, отдѣлъ о движеніи земельной собственности, съ 1869—по 1887 г., по даннымъ нотаріата. Что касается формъ землевладѣнія, то имъ удѣлено мало мѣста, такъ какъ разработка этого отдѣла отложена до накопленія новаго матерьяла по другимъ уѣздамъ, въ интересахъ сопоставленія.

Форма землевладѣнія въ Княгининскомъ уѣздѣ общинная, но съ консервативнымъ началомъ разверстки земли по прежнему на ревизскія души. Послѣднее обстоятельство вызываетъ собою почти полное отсутствіе въ уѣздѣ «коренныхъ» передѣловъ. Впрочемъ, крестьяне, для уравненія въ землевладѣніи, прибѣгаютъ къ такъ назыв. переверсткамъ и жеребьевкамъ, изъ которыхъ послѣднія представляютъ собою любопытный примѣръ возможности совмѣщенія общинныхъ порядковъ съ начинающимся переходомъ къ интенсивной культурѣ (напр., относительно хорошему удобренію земли), при помощи, конечно, весьма остроумныхъ приспособленій къ обстоятельствамъ. Такъ, для избѣжанія споровъ при жеребьевкахъ о томъ, что такой-то домохозяинъ удобрилъ землю и не хочетъ ею поступаться въ пользу новаго владѣльца, въ одной общинѣ (Сластихѣ) «каждое поле раздѣлено на 4 части, такъ что всѣхъ частей въ 3 поляхъ насчитывается 12. Каждая изъ такихъ частей «перемѣтывается» однажды въ 12 лѣтъ, т. е. каждый годъ жеребьюется одна только часть, которая стоитъ «на очереди»; навозъ вывозится каждый годъ на ту именно часть поля, которая только что переметана и которая, такимъ образомъ, 12 лѣтъ не пойдетъ въ жеребьевку» (стр. 49—50).

По свѣдѣніямъ 1887 г. въ Княгининскомъ уѣздѣ числится 102,858 душъ обоего пола, составляющихъ въ совокупности 20,349 семей; сравнительно съ населеніемъ по X ревизіи, приростъ числа семей опредѣляется въ $49,_6$%, а приростъ населенія въ $20,_1$%. Средній размѣръ семьи по X ревизіи—$6,_3$ д. о. п.; по свѣдѣніямъ 1887 г.—$5,_1$. По рабочей силѣ семей, послѣднія распредѣляются такъ: $13,_2$% семей безъ работниковъ; $58,_2$%—съ однимъ; $21,_2$%—съ двумя и $7,_4$% съ 3-мя и болѣе работниками. Изъ каждыхъ 100 дворовъ прибѣгаютъ къ найму постоянныхъ рабочихъ—$0,_8$; лѣтнихъ $2,_9$ двора. О промысловой жизни населенія даютъ приблизительное представленія слѣд. цифры. Мѣстными промыслами занято 10% всего количества семей, отхожими—32%; величина отхода выражается въ солидной цифрѣ $30,_3$ уходящихъ на сторону работниковъ на 100 наличныхъ мужскихъ работниковъ. Цифра настолько солидная, что остается сильно пожалѣть, что промысловой жизни населенія удѣлено такъ мало мѣста въ изучаемомъ сборникѣ.—Наконецъ, отмѣтимъ, что такъ назыв. «бездомовые» составляютъ въ Княгининскомъ уѣздѣ $4,_1$% къ общему количеству семей—цифра, сравнительно не малая.

Переходимъ къ вопросамъ землевладѣнія. Вся площадь удобныхъ зе-

мель Княгининскаго уѣзда опредѣляется въ 251,158 десятинъ. Изъ этого количества въ надѣлѣ крестьянскихъ обществъ состоитъ 145,743 десят., или 58% общаго количества земли. Въ частной собственности—103,826 десят., или 41% и, наконецъ, 1,588 дес. или 1%, принадлежитъ казнѣ, удѣлу и городу. Что касается частнаго землевладѣнія, то доли участвующихъ въ немъ сословій, по отношенію къ общему количеству удобныхъ земель въ уѣздѣ, представляются въ такомъ видѣ: на долю дворянъ приходится—24,3%; крестьянъ—12,9% и прочихъ сословій—2,8%. Такимъ образомъ, площадь крестьянскаго землевлядѣнія (надѣльнаго и частнаго) составляетъ въ настоящее время почти 71% (70,9) общаго количества удобныхъ земель въ уѣздѣ. Крестьянское надѣльное землевладѣніе характеризуется такъ: изъ всего количества общинъ уѣзда 60% имѣетъ надѣлъ отъ 3 до 4 десятинъ (т. е. не больше высшаго, опредѣленнаго для Княгининскаго уѣзда въ 4 десятины удобной земли); 15% имѣютъ надѣлъ выше 4 десятинъ и цѣлыхъ 25% надѣлъ, меньше 4 десятинъ. Эти цыфры, въ особенности сопоставленныя съ цыфрой частнаго владѣнія крестьянъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, какъ о томъ, что при самой реформѣ крестьяне Княгининскаго уѣзда были бѣдно надѣлены землей (большинство теперешнихъ общинъ состоитъ изъ бывш. помѣщичьихъ крестьянъ), такъ и о томъ, что въ настоящее время земельныя отношенія, созданныя реформой 19 февраля, оказываются уже совсѣмъ несостоятельными. Мы увидимъ ниже, что за время только съ 1869 г. крестьянское населеніе Княгининскаго уѣзда увеличило свое частное землевладѣніе въ 8 разъ! Частное землевладѣніе Княгининскаго уѣзда характеризуется небольшимъ преобладаніемъ крупнаго надъ среднимъ и сравнительно малой распространенностью мелкаго. Такъ, владѣнія, не превышающія 100 десятинъ, т. е. мелкія, обнимаютъ собою 17,2% площади частнаго владѣнія; на долю средняго землевладѣнія (отъ 100 до 1000 дес.) приходится 38,7% и, наконецъ, крупному (свыше 1000 десят.) принадлежитъ 44,1% этой площади. Что касается распредѣленія площади частнаго землевладѣнія между сословіями, то около 60% ея принадлежитъ дворянству (въ томъ числѣ на долю одного крупнаго землевладѣнія приходится 60% общей площади дворянской земли); крестьянамъ принадлежитъ 32% и остальнымъ сословіямъ 8%, причемъ на долю одного купечества изъ этого количества приходится 4,3%.

Частная собственность крестьянскаго сословія можетъ быть названа вполнѣ мелкой. Вотъ что говорятъ по этому поводу составители сборника: «крестьянское частное землевладѣніе характеризуется, какъ *мелкое* по преимуществу. Въ нашей таблицѣ землевладѣнія эта особенность крестьянской собственности выступаетъ менѣе рельефно, чѣмъ она проявляется въ дѣйствительности, благодаря тому, что при счетѣ владѣній «товарищества крестьянъ» принимались нами каждое за *одно* владѣніе; между тѣмъ, многія изъ такихъ товариществъ на самомъ дѣлѣ представляютъ изъ себя только группы мелкихъ владѣній, фактически вполнѣ

независимыхъ одно отъ другаго и объединенныхъ только юридически — общимъ документомъ на владѣемую каждымъ сотоварищемъ раздѣльно собственность» (стр. 44). Обращаясь къ таблицамъ, видимъ, на самомъ дѣлѣ, что изъ общаго количества 32,855 десят. частной крестьянской собственности—21,431, или 65%, принадлежитъ товариществамъ, а 35% отдѣльнымъ лицамъ. Въ предѣлахъ каждой изъ этихъ двухъ категорій, наблюдаемъ слѣдующее. Изъ общаго числа 312 товариществъ—261 владѣютъ 7,144 десят., или 33% въ размѣрѣ владѣнія, не превышающаго 100 десятинъ; затѣмъ 49 товариществъ владѣютъ 10,946 десят., или 51% въ размѣрѣ владѣнія не превышающаго 1000 десят., т. е. владѣнія средняго, и только 16% земли, принадлежащей товариществамъ, приходится на долю двухъ товариществъ съ размѣромъ владѣнія крупнымъ. Что-же касается владѣнія отдѣльныхъ лицъ, то достаточно сказать, что изъ 11,424 десятинъ, принадлежащихъ имъ, 8,033 десят. приходятся на долю мелкаго владѣнія. Такимъ образомъ, мелкій характеръ частной крестьянской собственности подтверждается даже при условіи нерасчлененія товарищескихъ владѣній. Частная собственность крестьянъ играетъ въ Княгининскомъ уѣздѣ очень не маловажную роль. Достаточно сказать, что на каждыя 100 десятинъ удобной надѣльной земли приходится въ настоящее время 22,5 десятины купленной, чтобы роль послѣдней въ экономической жизни населенія уѣзда сказалась сама собою. Если-же принять во вниманіе и то, что съ одного только 1869 г. крестьяне Княгининскаго уѣзда увеличили свою частную собственность въ 8 разъ, то роль ея по отношенію къ надѣльной землѣ еще болѣе уяснится. Въ самомъ дѣлѣ, въ изучаемомъ уѣздѣ на ревизскую душу приходится 3,43 десятины удобной земли; на наличную мужскую душу въ настоящее время только 2,77 десят., другими словами, степень обезпеченности надѣльной землею уменьшилась съ ревизіи почти на 20% (19,3%), между тѣмъ какъ народонаселеніе за то же время увеличилось на цѣлыхъ 20%! Но ни надѣльная, ни купленная земля далеко, повидимому, не могутъ удовлетворить потребность населенія въ землѣ. При такой сравнительно большой частной собственности, крестьяне Княгининскаго уѣзда арендуютъ ежегодно 26,123 десят. удобной земли, что по отношенію къ надѣлу составляетъ опять-таки 18 десятинъ на 100 надѣльной; землю эту арендуютъ 7,082 двора, составляющіе по отношенію къ числу наличныхъ дворовъ около 37% (36,8%). Такимъ образомъ, если взять купленную и арендуемую землю вмѣстѣ, то величина этой суммы по отношенію къ надѣльной землѣ составитъ 40,5%, почти половину! Что, однако, населеніе Княгининскаго уѣзда не можетъ существовать и при такомъ количествѣ находящейся въ его фактическомъ распоряженіи земли, видно, между прочимъ, и изъ того, что цыфра уходящаго на сторону взрослаго мужскаго населенія достигаетъ 30,3% послѣдняго.

Еще болѣе убѣдительнымъ явится для насъ разсмотрѣніе того, какъ

же крестьяне Княгининскаго уѣзда эксплоатируютъ свою землю. Прежде всего замѣтимъ, что изъ всѣхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи Княгининскій является однимъ изъ наиболѣе «пахатныхъ», по выраженію составителей сборника. Въ самомъ дѣлѣ изъ 100 десятинъ удобной земли распахивается въ немъ 73,$_6$ десятины. Выше его въ этомъ отношеніи стоитъ одинъ только Лукояновскій уѣздъ, въ которомъ, по свѣдѣніямъ центр. стат. комитета, пашня составляетъ 75% его площади. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, % пашни по губерніи равенъ 41,$_3$% [1]). Въ частности крестьяне распахиваютъ: 1) изъ площади надѣльной земли — 78% ея; 2) изъ площади своей частной собственности—74,$_3$%; 3) изъ арендуемой площади—22,692 десят. изъ 26.123, т. е. почти 87%! (86,$_8$%). Другими словами, княгининскій мужичекъ окончательно зарылся въ землѣ, но и это не помогаетъ: онъ отсылаетъ большой % взрослаго мужскаго населенія въ отхожій промыселъ. Пашня преобладаетъ и въ дворянскомъ землевладѣніи, составляя по отношенію къ занимаемой имъ площади 64%. Если же принять во вниманіе, что на долю дворянскаго сословія приходится въ Княгининскомъ уѣздѣ 61,516 десятинъ земли, а на долю другихъ сословій, кромѣ крестьянъ, всего 8,434 десятины, то придется придти къ заключенію, что, по крайней мѣрѣ, бо́льшая часть дворянской запашки арендуется крестьянами. Замѣчательно, что «пахотный» характеръ составляетъ вообще преобладающее отличіе Княгининскаго уѣзда. Такъ, доля, приходящаяся на пашню, составляетъ: а) у прочихъ сословій—69,$_7$%; b) у разныхъ учрежденій—80,$_1$%; c) среди земель необлагаемыхъ (принадлежащихъ духовенству и проч.)—57,$_3$%, и только казна и удѣлъ (у которыхъ меньше 1% всѣхъ удобныхъ земель) даютъ цифру пашни въ 19,$_4$%, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ у нихъ лѣсныхъ угодій (74,$_4$%).

Переходя къ условіямъ скотоводства, отмѣтимъ слѣдующіе факты. Изъ общаго количества 17,190 надѣльныхъ дворовъ—5,654, или 32,$_8$% (процентъ почти равенъ % отхожихъ промышленниковъ) безлошадные; 27,$_3$%—съ 1 лошадью, и почти 40% болѣе, чѣмъ съ одной, причемъ дворы съ 2 лошадьми составляютъ 25%. Количество дворовъ безъ коровы (3,986) составляетъ — 23,$_2$%, а дворовъ безъ всякаго скота (2,155)—12,$_5$% къ общему числу надѣльныхъ дворовъ. Такимъ образомъ, и условія скотоводства представляются въ Княгининскомъ уѣздѣ не особенно блистательными, чѣмъ, можетъ быть, отчасти и объясняется необходимость распахивать такой большой % удобныхъ земель, такъ какъ, при возможности хорошаго удобренія почвы, необходимости въ такой большой распашкѣ не должно бы быть. Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь

[1]) По другимъ уѣздамъ Нижегородской губ.: 1) Нижегородскій—66%; 2) Горбатовскій—43%; 3) Ардатовскій—30%; 4) Арзамасскій — 60%; 5) Сергачевскій — 72%; 6) Васильскій—53%; Макарьевскій—17%; 8) Семеновскій—21%, и 9) Балахинскій 25%.

къ таблицамъ (стр. 178—179), видимъ слѣдующее. Изъ двухъ половинъ уѣзда—сѣверной или предпьянской, и южной, или запьянской,—въ первой % удобряемой надѣльной пашни составляетъ $51_{,3}$; во второй—28, т. е. въ первой удобряется едва больше половины, во второй немного болѣе четверти надѣльной пашни. Количество же удобренія, получаемаго каждой частью, таково: Предпьянье—723 воза на каждыя 100 десятинъ надѣльной пашни ($7_{,2}$ воза на десятину); Запьянье—619 возовъ, или $6_{,2}$ на десятину [2]). Изъ той же таблицы возьмемъ нижеслѣдующія цифры, которыя освѣтятъ намъ вопросъ еще больше. Въ Предпьяньи приходится: на 100 дворовъ надѣльныхъ, живущихъ въ своемъ селеніи—безлошадныхъ—$25_{,5}$ двора; съ 3 и больше лошадьми—$17_{,5}$; тѣ же отношенія въ Запьяньи—безлошадные—$41_{,3}$ двора; болѣе 3 лошадей—$9_{,1}$ двора. На 10 дворовъ надѣльныхъ приходится въ Предпьяньи дворовъ съ купчей землей—$1_{,9}$; въ Запьяньи—$3_{,1}$. На 100 д. пашни надѣльной приходится купчей въ Предпьяньи—$19_{,8}$ д., въ Запьяньи—20 д. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими фактами, на 100 всѣхъ работниковъ приходится у ходящихъ на заработки: въ Предпьяньи—$17_{,5}$ чел.; въ Запьяньи—$44_{,4}$. Такимъ образомъ, необходимость обращаться къ распашкѣ все новыхъ и новыхъ пространствъ, благодаря, между прочимъ, плохому состоянію у крестьянъ Княгининскаго уѣзда скотоводства, оправдывается приведенными цифрами, а въ особенности различіемъ, существующимъ между обѣими половинами уѣзда, въ размѣрѣ принадлежащей каждой изъ нихъ частной собственности. Предпьянье, отличающееся большимъ количествомъ скота (только $25_{,5}$% безлошадныхъ), имѣетъ возможность въ меньшей мѣрѣ прибѣгать къ покупкѣ земли. При такихъ условіяхъ урожаи, конечно, не могутъ быть особенно высоки. По даннымъ мѣстнаго изслѣдованія (стр. 182), средній высѣвъ ржи на десятинѣ$=9_{,5}$ мѣръ; колебанія 8—11 мѣръ. Средній валовой сборъ ржи съ десятины надѣльной пашни равенъ въ Предпьяньи — $50_{,3}$ мѣръ; въ Запьяньи — 28 мѣрамъ. Отсюда, при среднемъ посѣвѣ въ $9_{,5}$ мѣръ, въ Предпьяньи ржи родится самъ $5_{,3}$; въ Запьяньи — самъ $2_{,9}$, едва самъ 3. Не понятной ли отсюда становится разница величины отхода въ обѣихъ половинахъ уѣзда? Мы можемъ, слѣдовательно, съ полнымъ правомъ назвать Княгининскій уѣздъ—уѣздомъ съ далеко еще не интенсивной культурой. Въ смыслѣ примѣненія какихъ либо усовершенствованныхъ орудій, Княгининскій уѣздъ представляетъ, конечно, полное господство первобытности. «Господствующими земледѣльческими орудіями, читаемъ мы на ст. 87, въ крестьянскомъ хозяйствѣ служатъ: для пахоты — исключительно обыкновенная русская соха съ перекладывающеюся на обѣ стороны палицею; для бо-

2) Понятно, что такъ плохо удобряется надѣльная земля потому, что крестьянамъ приходится удобрять: во 1-хъ, купленную землю; во 2-хъ,—арендованную, которая, какъ извѣстно, сдается только на томъ условіи, что будетъ хорошо удобряться арендаторами.

роньбы употребляются бороны деревянныя брусковыя съ деревянными же зубьями, или деревянныя кольцовыя, но рядомъ съ ними распространены и деревянныя брусковыя бороны съ желѣзными зубьями». Молотьба совершается «въ сѣверной части уѣзда частью цѣпами, частью лошадьми; въ Запьяньи — исключительно лошадьми» (ibid). Послѣднее обстоятельство, конечно, находитъ себѣ объясненіе въ фактѣ большаго отхода на промыслы въ Запьянской части уѣзда. Мы не будемъ приводить дальнѣйшихъ подробностей о земледѣльческой техникѣ Княгининскаго уѣзда; приведеннаго совершенно достаточно для выясненія, повторяемъ, экстенсивнаго характера въ немъ земледѣлія. Остается удивляться, какую громадную массу труда долженъ преодолѣть княгининскій крестьянинъ, чтобы, при большомъ % безлошадныхъ, одолѣть такое громадное количество пашни. Въ Запьяньи же, при значительности тамъ отхожихъ промысловъ, большая доля труда падаетъ несомнѣнно на женщинъ.

Ко всему сказанному о характерѣ и условіяхъ крестьянскаго землевладѣнія въ уѣздѣ, необходимо присоединить еще данныя о продажныхъ и арендныхъ цѣнахъ въ немъ на землю. Средняя арендная цѣна десятины пашни колеблется между 5 р. 63 коп. при долгосрочной и 7 р. 92 к., при его десятинной арендѣ, средняя-же, безъ различія формы аренды, равняется 5 р. 45 коп. за десятину. Цифры эти любопытно сопоставить съ цифрой всякаго рода платежей, падающихъ на 1 десятину крестьянской надѣльной пашни; послѣдняя цифра равняется 2 р. 40 коп., что, при исключительно пахатномъ характерѣ уѣзда, далеко не мало. Что касается продажныхъ цѣнъ, то за періодъ 1881 — 1887 г. средняя цѣна десятины земли, безъ различія угодій, равняется 89 рублямъ. Замѣчательно, какъ быстро прогрессировали въ Княгининскомъ уѣздѣ продажныя цѣны на землю. Такъ, средняя продажная цѣна десятины земли была въ пятилѣтія: 1) 1860—65 гг.—$35,_{6}$ р.; 2) 1866—1870 гг.—$46,_{3}$ р.; 3) 1871—75 гг. — $55,_{8}$ р.; 4) 1876 — 80 гг.—78 р. и 5) 1881—1887 гг.—89 р. Особенно быстро выростаютъ цѣны въ предпослѣднее пятилѣтіе, давая увеличеніе, сравнительно съ предыдущимъ, почти на 40%; въ промежутокъ-же времени съ 1860—1865 гг. по 1887 г.—увеличились на цѣлыхъ 151%! Что касается цѣнъ на пашню, то вотъ ихъ ростъ за тѣ же пять пятилѣтій: 1) $32,_{4}$ р. за десятину; 2) $42,_{1}$ р.; 3) $62,_{6}$ р.; 4) $83,_{1}$ р.; 5) $111,_{3}$ р. Здѣсь мы замѣчаемъ быстрый ростъ цѣнъ уже въ два періода — 4-ое и 5-ое пятилѣтіе, при чемъ, сравнительно съ первымъ, въ послѣднемъ пятилѣтіи цѣна десятины пашни выросла почти въ четыре раза [3])!

Въ заключеніе нашего очерка приведемъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи движенія земельной собственности въ Княгининскомъ уѣздѣ. Въ разсматриваемомъ нами сборникѣ данныя эти начинаются съ

---

[3]) Стр. 210—213.

1869 года и кончаются 1887 годомъ. Начнемъ съ крестьянскаго сословія. Въ 1869 году въ рукахъ крестьянъ на правѣ частной собственности находилось 4,105 десятинъ; въ 1887 году — 33,356, т. е. за періодъ въ 18 лѣтъ частная собстенность крестьянъ увеличилась почти въ 8 разъ. Особенно сильно движеніе въ пользу пріобрѣтенія земель было въ періодѣ 1876—1880 гг., когда въ среднемъ въ теченіе года покупалось 1894 десят.; соотвѣтственныя цифры были—1) въ 1869—75 гг.— 1,349 десят.; въ 1881—1886 гг.—1,822 дес. Такимъ образомъ, за послѣднее время стремленіе къ пріобрѣтенію земли уменьшилось. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ и продажныя цѣны, какъ мы видѣли выше, въ особенности выросли въ тотъ же періодъ 1876—1880 гг. Дворянское сословіе имѣло въ своихъ рукахъ въ 1869 г. 92,188 д.; въ 1887 г.— 63,043 десят., т. е. за тотъ-же самый періодъ уменьшило размѣръ своего землевладѣнія почти на $^1/_3$, на 32%.—Особенно интенсивными были дворянскія отчужденія въ тотъ-же періодъ 1876—1880 гг., когда ежегодная убыль земли у этого сословія равняется 1,781 десят. въ годъ; въ періоды: 1) 1869—75 г.. эта убыль равнялась 1,453 д.; 2) 1881—86 гг.— 1,677 десят. Такимъ образомъ за послѣднее пятилѣтіе дворянство стало продавать земли меньше, сравнительно со вторымъ, что, конечно, вполнѣ объясняется фактомъ черезчуръ сильныхъ отчужденій въ предшествующіе періоды. Любопытно, что въ періодъ 1881—86 гг. замѣчается даже тенденція къ пріобрѣтенію этимъ сословіемъ земли: въ то время, какъ въ предшествующее пятилѣтіе сумма пріобрѣтеній за средній годъ равняется едва $^1/_2$ десятины ($0._4$ д.), за послѣдній періодъ она равняется $49._4$ десятины. Что касается купцовъ и мѣщанъ, то за 18 лѣтъ ими куплено было земли 3,665 десят., а продано 3,208 д., т. 81%. Случаевъ покупки ими земель было 42, а случаевъ продажи 70, т. е. въ среднемъ покупали по 87 десят., отчуждали по 45 десят.: покупали крупными, продавали мелкими участками. Купцы и мѣщане, по выраженію составителей сборника, служили, такимъ образомъ, «передаточной инстанціей въ процессѣ передвиженія земли отъ одного сословія къ другому; земля покупалась для того, чтобы ее потомъ продать» (стр. 167). Дѣйствительно оказывается, что изъ общаго количества купленной купцами и мѣщанами земли 3,233 д., или 80%, пріобрѣтено у дворянъ и 2,677 десят., или 83%, продано ими крестьянамъ. Если-же принять во вниманіе, что изъ всего количества проданной дворянами другимъ сословіямъ земли (29,719 дес.), только 3,233 д. проданы купцамъ, то очевиднымъ станетъ, что главнымъ покупщикомъ дворянской земли за разсматриваемый періодъ являлось крестьянское сословіе, которое могло, конечно, такъ увеличить размѣръ своего частнаго владѣнія только на счетъ дворянскаго земельнаго фонда. Отмѣтимъ еще одинъ любопытный фактъ. Наблюдая переходы земель внутри сословныхъ группъ, оказывается, что въ среднемъ за періодъ въ 18 лѣтъ ежегодно между дворянами переходило земли 761 десятина, или $0._9$% всего количества земли, принадлежавшаго дво-

рянамъ въ среднемъ за каждый изъ послѣднихъ 19 лѣтъ; въ то время, какъ между крестьянами то же отношеніе представляется въ $1,_7\%$. «Такимъ образомъ, читаемъ на стр. 166, оказывается, что между крестьянами переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія вдвое большій процентъ, нежели среди дворянъ. Другими словами, *внутрисословное* передвиженіе земли среди крестьянъ имѣетъ болѣе живой характеръ, нежели среди дворянъ».

Викторъ Гурвичъ.

РАБОЧІЕ СОЮЗЫ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Karl Bücher. Die Schweizerischen Arbeiterorganisationen.

Нѣтъ ничего оригинальнѣе и своеобразнѣе, чѣмъ то пестрое разнообразіе всякаго рода рабочихъ союзовъ, какое существуетъ въ Швейцаріи. Многіе склонны думать, что союзы рабочихъ въ Швейцаріи не приняли такихъ размѣровъ и не получили такого значенія для страны, какое они получили въ Англіи и Германіи, и приводятъ не мало вѣскихъ причинъ, объясняющихъ это явленіе. Какъ страна съ преобладающей мелкой, даже ремесленною и кустарною промышленностью, съ незначительною концентраціей фабричнаго производства и слабымъ скопленіемъ рабочихъ въ немногихъ промышленныхъ центрахъ, Швейцарія не представляетъ такой удобной почвы для развитія могущественныхъ союзовъ, какую представляетъ страны съ крупной фабричной промышленностью. Въ Швейцаріи промышленность обрабатывающая часто тѣсно связана съ мелкимъ хозяйствомъ и разбросана по деревнямъ; наконецъ, въ различныхъ кантонахъ рабочее населеніе состоитъ изъ пришлыхъ нѣмцевъ, французовъ и итальянцевъ, мало связанныхъ между собой, не вполнѣ понимающихъ другъ друга. Тѣмъ не менѣе неправильно было бы утверждать, что въ Швейцаріи мало развита организація рабочихъ союзовъ; было бы правильнѣе сказать, что благодаря вышеприведеннымъ причинамъ, а также нѣкоторымъ другимъ, къ которымъ мы обратимся ниже, внутренняя жизнь различныхъ группъ населенія приняла совершенно своеобразную окраску: наибольшею устойчивостью обладаютъ мѣстныя организаціи, задающіяся скромными цѣлями. Въ Швейцаріи только тѣ партіи могутъ разсчитывать на успѣхъ, которыя ставятъ практически осуществимыя при наличныхъ силахъ требованія. Рабочій привыкъ къ политической жизни и имѣетъ болѣе или менѣе ясное представленіе о политическихъ задачахъ своей общины, кантона или союза, народъ воспитанъ въ уваженіи къ учрежденіямъ, созданнымъ долголѣтнимъ трудомъ и выслушиваетъ только оратора, близко стоящаго къ повседневнымъ интересамъ того незначительнаго округа, къ которому онъ принад-

лежитъ. Близкое участіе, какое въ интересахъ и нуждахъ рабочихъ принимаютъ мѣстные представители общинныхъ и кантональныхъ учрежденій, не мало способствуетъ уменьшенію розни, существующей между отдѣльными группами населенія. Когда въ 1873 г. въ Ольтенѣ собрался первый конгрессъ швейцарскихъ рабочихъ, общинный совѣтъ предложилъ ему лучшее помѣщеніе для засѣданій и отмѣнилъ даже обычный въ этотъ день рынокъ. Подобные случаи нерѣдки въ Швейцаріи; они показываютъ, какъ благопріятно поставлена эта страна для мирнаго рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые служатъ предметомъ сильнаго раздора между рабочими и среднимъ сословіемъ. Съ этой точки зрѣнія организація швейцарскихъ рабочихъ союзовъ пріобрѣтаетъ высокій научный и практическій интересъ: *научный*, вслѣдствіе объясненія той связи, какая существуетъ между политической исторіей страны, ея учрежденіями съ одной стороны, — и рабочимъ движеніемъ съ другой; *практическій*, вслѣдствіе тѣхъ полезныхъ указаній, какія она даетъ относительно свободнаго развитія общественныхъ силъ и болѣе или менѣе удобнаго способа разрѣшенія самыхъ важныхъ вопросовъ жизни рабочихъ.

Въ виду этого мы постараемся познакомить читателей съ глубоко продуманной статьей проф. Карла Бюхера, помѣщенной въ послѣдней книжкѣ Zeitschrift für die Gesammte Staatswissenschaft за прошлый годъ. Статья эта знакомитъ не только съ исторіей рабочихъ движеній, но даетъ объясненіе многимъ, на первый взглядъ непонятнымъ явленіямъ изъ жизни этой страны.

I.

Во то время, какъ въ Германіи, говоритъ Бюхеръ, политическая жизнь имперіи поглощаетъ отдѣльныя государства и политическія партіи группируются для выборовъ въ рейхстагъ, Швейцарія живетъ больше жизнью отдѣльныхъ кантоновъ и политическія партіи группируются на почвѣ кантональныхъ, а не союзныхъ выборовъ. Центръ тяжести лежитъ такимъ образомъ не въ союзномъ совѣтѣ, а въ кантонахъ; вопросы, которые волнуютъ умы въ Фрейбургѣ или Женевѣ, могутъ мало интересовать Цюрихъ или Базель. Вслѣдствіе этого въ Швейцаріи нѣтъ такой концентраціи силъ, какая существуетъ въ Германіи предъ выборами въ рейхстагъ, а въ союзномъ совѣтѣ рѣдко ставятся вопросы, касающіеся нуждъ всѣхъ рабочихъ. Когда рѣчь шла о фабричныхъ законахъ или законахъ объ отвѣтственности предпринимателей, другія партіи такъ близко стояли къ рабочимъ и дѣлали такія большія уступки ихъ требованіямъ, что рабочимъ ничего больше не оставалось, какъ присоединяться къ большинству. Такъ какъ на первомъ планѣ — кантональная жизнь, не представляющая удобнаго поля для соціальной политики въ большомъ стилѣ, то требованія, которыя ставятся представителями рабочихъ союзовъ и федерацій союзовъ, не выходятъ за предѣлы политическаго радикализма,

а идеалы сводятся къ дальнѣйшему развитію демократическихъ учрежденій, къ безплатному обученію, къ погребенію на общественный счетъ, къ установленію прогрессивныхъ налоговъ, къ возвышенію жалованія учителямъ и т. п. Швейцарцы не понимаютъ и не признаютъ профессіональной пропаганды, какая ведется въ Германіи; на собраніяхъ долженъ выступать всѣмъ извѣстный мѣстный житель, а не прибывшій съ исключительной цѣлью агитаціи; они слушаютъ только того, кто испытанъ на кантональныхъ или общинныхъ дѣлахъ.

До появленія интернаціонала въ Швейцаріи существовало три типа рабочихъ союзовъ, сохраняющіе до послѣдняго времени первостепенное значеніе, не смотря на появленіе новыхъ попытокъ организаціи. Эти основные типы союзовъ съ локальной окраской извѣстны подъ названіемъ *нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ*, *секцій союза Гритли* (Grütliverein) *и католическихъ союзовъ*. Всѣ эти наиболѣе упрочившіяся организаціи пережили много союзовъ съ болѣе обширными программами и болѣе широкими районами дѣйствія.

Нѣмецкіе союзы возникли въ 30-тыхъ годахъ съ цѣлью объединенія ищущихъ въ Швейцаріи работы нѣмцевъ; они устраивали общія кассы на случай болѣзни и общія столовыя. Съ этой поры они подвергались различнымъ вліяніямъ: въ концѣ 40-выхъ годовъ они приняли коммунистистическую окраску, въ 60-тыхъ годахъ на нихъ оказала вліяніе дѣятельность Шульце-Делича, потомъ интернаціоналъ, наконецъ въ послѣднее время нѣмецкіе соціалъ - демократы. Однако, до сихъ поръ не удалось сплотить ихъ въ одно цѣлое, всѣ союзы изолированы, многіе не знаютъ о существованіи другихъ союзовъ, въ нѣкоторыхъ исключены всякіе политическіе вопросы, а общая кухня привлекаетъ больше рабочихъ, чѣмъ соціалистическія собранія. Такихъ союзовъ насчитываютъ до 28, число членовъ не свыше 2,000. Наибольшее значеніе имѣетъ цюрихскій союзъ, существующій съ 1842 года; онъ насчитываетъ 615 членовъ, имѣетъ собственную библіотеку, выписываетъ 29 газетъ и журналовъ, ежегодно собираетъ свыше 13,000 франковъ на общія нужды. Союзъ имѣетъ свою больничную кассу, часть членовъ организовали гимнастическое и музыкальное общество, общую кухмистерскую.

Гораздо большее значеніе имѣетъ *Grütliverein*, представляющій чисто швейцарскую организацію; въ него входятъ, кромѣ рабочихъ, ремесленники, мелкіе чиновники, крестьяне и проч. Онъ учрежденъ въ 1838 г. для распространенія демократическихъ началъ среди низшихъ классовъ и до сихъ поръ послѣдовательно проводитъ свою программу, выраженную въ девизѣ «къ свободѣ чрезъ просвѣщеніе». Секціи этого союза распространились по всей Швейцаріи и съ 70-тыхъ годовъ, кромѣ культурныхъ и политическихъ задачъ, начали преслѣдовать соціально-политическія задачи. Вмѣстѣ съ распространеніемъ полезныхъ книгъ, учрежденіемъ библіотекъ и школъ, Grütliverein сталъ стремиться къ соціаль-

нымъ реформамъ и къ упроченію демократіи,— уступка, вызванная духомъ времени. Средствами для достиженія этихъ цѣлей служатъ народное развитіе и близкое участіе въ государственной жизни. Число секцій въ настоящее время доходитъ до 300, а число членовъ во всѣхъ секціяхъ свыше 14,000, что для такой незначительной страны представляетъ явленіе поразительное.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ католическое духовенство, союзы не успѣли упрочиться,—явленіе, замѣченное и въ Германіи. Что касается внѣшней организаціи союза, то онъ долженъ быть названъ федералистическимъ и демократическимъ. Онъ основанъ на существованіи мѣстныхъ союзовъ или секцій съ центральнымъ комитетомъ во главѣ. Каждые два года устраивается собраніе делегатовъ, связанное съ особымъ торжественнымъ празднованіемъ. Отдѣльныя секціи пользуются значительной свободой и могутъ находиться въ связи съ другими организаціями, преслѣдующими иныя цѣли; кромѣ того, онѣ соединены въ кантональные или окружные союзы. Союзъ имѣетъ свою газету «Grütlianer», расходящуюся въ 12,500 экземплярахъ. Кромѣ центральнаго комитета, засѣдающаго въ С. Галленѣ, въ Хурѣ имѣется особый комитетъ для разработки темъ, служащихъ предметомъ споровъ, и вопросовъ, за разрѣшеніе которыхъ выдаются преміи. Гимнастическія секціи соединены въ особый союзъ. Къ числу учрежденій союза принадлежитъ больничная и похоронная касса.

Послѣднее мѣсто занимаютъ *католическіе* союзы, возникшіе въ концѣ 50-тыхъ годовъ. Главная задача ихъ заключается въ доставленіи помощи странствующимъ рабочимъ въ деньгахъ или въ видѣ ночлега и прокормленія; во главѣ ихъ стоятъ обыкновенно священники. Число локальныхъ союзовъ не велико, не больше 28, а число членовъ не достигаетъ 1,000 человѣкъ. Во главѣ всѣхъ союзовъ стоитъ центральный президентъ, живущій въ Эйнзиделнѣ, и генеральный президентъ, живущій въ Кельнѣ. Не смотря, однако, на роль, которую въ союзахъ играетъ католическое духовенство, союзы не носятъ исключительнаго характера и въ число своихъ членовъ принимаютъ даже протестантовъ.

Таковы основныя формы рабочихъ организацій въ Швейцаріи, носящія по преимуществу локальный характеръ. Совершенно другое представляютъ учрежденія, созданныя съ цѣлью объединенія всѣхъ швейцарскихъ рабочихъ. Къ этимъ учрежденіямъ, пріобрѣтающимъ все большее и большее значеніе, мы сейчасъ и обратимся.

II.

Огромное значеніе въ жизни швейцарскихъ рабочихъ организацій имѣлъ Женевскій конгрессъ 1873 г., на которомъ рѣзко проявилась противоположность между федералистами и централистами. Первые приняли анархическую окраску, вторые были сторонниками Маркса. Однако, ни

та, ни другая форма международнаго единенія не имѣла большаго успѣха, интернаціоналъ былъ для многихъ пугаломъ и не успѣлъ пустить глубокихъ корней въ населеніи, слишкомъ связанномъ съ традиціями и локальными интересами. Съ другой стороны этими особенностями объясняется нѣкоторый успѣхъ всеобщаго швейцарскаго рабочаго конгресса, идея котораго совпадаетъ съ политическимъ движеніемъ, имѣвшимъ своею цѣлью пересмотръ конституціи. Въ 1873 г. въ Ольтенѣ былъ созванъ первый всеобщій рабочій швейцарскій конгрессъ, который привелъ къ учрежденію перваго швейцарскаго рабочаго всеобщаго союза. Въ Ольтенѣ присутствовали представители организацій, насчитывающихъ до 10,000 членовъ. Изъ нихъ Grütliverein былъ представленъ 4,000 членами, 35 ремесленныхъ союзовъ 3,400, 13 нѣмецкихъ союзовъ 1,100. Чтобы не отвратить мирныхъ членовъ Grütliverein'а и въ то же время дать возможность иностраннымъ рабочимъ принять участіе въ новой организаціи, составители программы, по возможности, смягчили требованія соціалъ-демократіи и устранили вопросы, не имѣющіе ближайшаго значенія. Требованія конгресса сводились къ сокращенію рабочаго времени, къ ограниченію рабочаго дня maximum'омъ въ 10 часовъ, къ установленію платы соотвѣтственно съ потребностями населенія, къ ограниченію дѣтскаго труда, къ учрежденію производительныхъ товариществъ, къ устройству бюро для прiисканія труда, къ устройству кассы для выдачи пособій больнымъ и инвалидамъ, къ защитѣ рабочихъ отъ работодателей и т. д.

Въ сравненіи съ требованіями, предъявленными на Женевскомъ конгрессѣ, программа, выработанная въ Ольтенѣ, должна быть признана совершенно соотвѣтствующей настроенію большинства рабочихъ союзовъ. Юрская федерація интернаціонала и нѣкоторые другіе союзы не могли примириться съ національнымъ оттѣнкомъ Ольтенскаго конгресса. Такимъ образомъ изъ присутствовавшихъ въ Ольтенѣ представителей только около половины приняла программу, но частыя видоизмѣненія въ организаціи и компромиссы, къ которымъ неизбѣжно было прибѣгать для сохраненія связи между разнородными элементами, привели, наконецъ, къ тому, что на седьмомъ конгрессѣ въ 1880 году всеобщій союзъ распался на три новыхъ союза. Общій ремесленный союзъ для рабочихъ всѣхъ національностей, соціалъ-демократическая партія швейцарскихъ рабочихъ, имѣвшая цѣлью преслѣдованіе интересовъ родины, и нѣмецкая соціалъ-демократическая партія для поддержанія единомышленниковъ въ Германіи,—каждая изъ этихъ федерацій мѣстныхъ и центральныхъ союзовъ преслѣдовала особыя цѣли. Первыя двѣ партіи находились между собой въ связи и издавали одинъ общій органъ «Голосъ рабочихъ», послѣдняя группа начала издавать «Соціалъ-демократа». Ни одинъ изъ этихъ союзовъ не имѣлъ большаго успѣха. Общій ремесленный союзъ не порвалъ связи съ интернаціоналомъ и потому не могъ разсчитывать на успѣхъ въ Швейцаріи, не смотря на полную свободу дѣйствія. Что касается соціалъ-демократическихъ партій, то швейцарскіе рабочіе только въ большихъ центрахъ могли при-

нимать въ нихъ участіе, а нѣмецкіе рабочіе были слишкомъ поглощены внутренними конфликтами, происходившими въ ихъ партіи на родинѣ. Только быстрое распространеніе анархическихъ идей заставило отдѣльныя группы рабочихъ союзовъ, стремившихся къ улучшенію своего положенія чрезъ посредство законодательства, къ новому сплоченію. Въ сентябрѣ 1883 г. въ Цюрихѣ былъ созванъ конгрессъ, на которомъ присутствовало 85 делегатовъ отъ 69 рабочихъ союзовъ, 85 делегатовъ отъ 60 Grütliverein'овъ и представители центральныхъ комитетовъ другихъ организацій. На конгрессѣ было постановлено, чтобы всѣ пять группъ союзовъ съ соціалистическимъ оттѣнкомъ (Grütliverein, ремесленный союзъ, нѣмецкіе рабочіе союзы, швейцарскіе и нѣмецкіе соціалдемократы) соединились вмѣстѣ для образованія исполнительнаго комитета съ цѣлью общаго проведенія экономическихъ вопросовъ. Кромѣ того, имѣлось въ виду обратить вниманіе на усиленіе законовъ объ отвѣтственности, разработать вопросъ о страхованіи, заняться международнымъ фабричнымъ законодательствомъ и ходатайствовать объ учрежденіи на государственный счетъ въ Бернѣ бюро для статистики труда, на подобіе существующихъ въ Америкѣ. Но исполнительному комитету не суждено было оправдать возложенныхъ на него надеждъ,—вмѣсто федераціи пяти группъ союзовъ онъ обратился въ самостоятельную шестую организацію. Съ теченіемъ времени число соціалъ-демократовъ стало въ этомъ союзѣ сокращаться, политическіе вопросы выступили на первый планъ, и въ воззваніи къ рабочимъ союзамъ Швейцаріи въ августѣ 1887 г. комитетъ говоритъ слѣдующее: «наше объединеніе носитъ свободный демократическій характеръ; это союзъ единомышленниковъ для совмѣстнаго политическаго дѣйствія; онъ долженъ обратиться въ партію, пристать къ которому обязанность всѣхъ единомышленниковъ». Понятно, что при такихъ тенденціяхъ для нѣмецкихъ рабочихъ въ этомъ союзѣ нѣтъ мѣста.

Было бы ошибочно думать, что ремесленные союзы получили въ Швейцаріи такое значеніе, какое они имѣютъ въ Англіи или Сѣверо-Американскихъ штатахъ. Стоитъ только указать на то, что швейцарскіе рабочіе не создали въ своихъ союзахъ опоры для борьбы за плату и не въ состояніи совмѣстно устраивать продолжительныя стачки, чтобы сразу оцѣнить слабое значеніе ихъ въ развитіи промышленной жизни. Какъ почти всѣ союзы, ремесленныя организаціи носятъ слишкомъ локальный характеръ и слишкомъ выдвигаютъ умственное и нравственное развитіе своихъ сочленовъ, чтобы получить значеніе англійскихъ союзовъ, для которыхъ учрежденіе кассъ для помощи во время болѣзни и безработицы и для поддержанія стачекъ есть самое важное, во многихъ случаяхъ почти единственное дѣло. Будучи конгломератомъ разнообразныхъ мѣстныхъ союзовъ, не связанныхъ общими кассами, ремесленныя организаціи не въ состояніи содѣйствовать рабочимъ въ ихъ борьбѣ за рабочую плату. Швейцарскій рабочій прежде всего гражданинъ и хочетъ оставаться имъ, вступая въ союзъ. Поэтому экономическіе и

соціальные вопросы до такой степени смѣшиваются съ общими политическими задачами и кантональными интересами, что всякая организація, предъявляющая исключительныя требованія, не можетъ разсчитывать на большой успѣхъ. Швейцарскій рабочій не можетъ дѣлать взносовъ въ какой нибудь большой союзъ, такъ какъ онъ состоитъ членомъ нѣсколькихъ мелкихъ союзовъ и дѣлаетъ въ нѣкоторые изъ нихъ постоянные взносы. Отсюда совершенно номинальное участіе въ большихъ федераціяхъ и прочная привязанность къ мѣстнымъ союзамъ. Безъ большихъ затратъ немыслимы стачки, немыслима вообще организація, обнимающая большой контингентъ лицъ, а средствами не могутъ въ Швейцаріи располагать именно большія федераціи. Въ то же время это обстоятельство служитъ объясненіемъ тѣхъ частыхъ перемѣнъ и колебаній, которыя испытываютъ всѣ большія организаціи въ Швейцаріи.

Остается упомянуть еще объ одной новѣйшей попыткѣ объединенія, принятой въ іюнѣ 1886 г. центральнымъ комитетомъ Grütliverein'а. Созданная имъ организація близко напоминаетъ «рыцарей труда» и обнимаетъ большое число союзовъ. Какъ выше было упомянуто, въ Швейцаріи видное мѣсто занимаетъ прежде всего Grütliverein, потомъ большое значеніе имѣютъ ремесленный союзъ и исполнительный комитетъ рабочихъ конгрессовъ; остальныя федераціи занимаютъ второстепенное мѣсто. Всѣ эти три федераціи сплотились для учрежденія «общей швейцарской рабочей резервной кассы», съ цѣлью приходить на помощь рабочимъ въ ихъ столкновеніяхъ съ хозяевами, служить посредникомъ при всякаго рода недоразумѣніяхъ, помогать стачечникамъ изъ кассы и изъ общественныхъ сборовъ. Капиталъ кассы составился слѣдующимъ образомъ: Grütliverein пожертвовалъ изъ своего фонда 2,000 франковъ и обязался вносить ежегодно не меньше 1,000 франковъ, исполнительный комитетъ рабочихъ конгрессовъ обязался ежегодно жертвовать не меньше 800 ф., а союзъ ремесленниковъ не меньше 400 фр. Какъ и всѣ прежнія попытки новая попытка не создала ничего такого, что объединило бы всѣхъ рабочихъ; это искусственное соединеніе трехъ большихъ федерацій, не исключающихъ одна другую. Надо имѣть въ виду, что ремесленный союзъ можетъ въ то же время принимать участіе въ исполнительномъ комитетѣ, мѣстный Grütliverein можетъ тоже участвовать въ той или иной федераціи, отдѣльный рабочій можетъ одновременно быть членомъ во всѣхъ трехъ федераціяхъ и т. д. Новая касса не можетъ разсчитывать на большіе доходы, такъ какъ членами ея состоятъ не отдѣльные рабочіе, а союзы или скорѣе даже и федераціи союзовъ. Тѣмъ не менѣе удачный выборъ управленія привелъ къ тому, что касса получила сразу большое значеніе въ смыслѣ посредничества между хозяевами и рабочими. Въ 1887 г. касса принимала участіе въ 15 конфликтахъ, изъ нихъ 9 окончилось мирнымъ путемъ, а въ шести случаяхъ пришлось прибѣгнуть къ стачкамъ. Какъ ни значительны средства кассы, но даже и такое слабое участіе испугало хозяевъ, не при-

вызвшихъ къ организованному противодѣйствію со стороны рабочихъ; для противодѣйствія резервной кассѣ хозяева рѣшили основать свою предпринимательскую кассу для поддержанія другъ друга во время стачекъ. Успѣхъ кассы объясняется не только матеріальными пожертвованіями (въ 1887 г. на стачки всего было израсходовано 14,183 фр., собранныхъ путемъ добровольныхъ взносовъ), сколько оживленіемъ въ средѣ рабочихъ, умѣлой пропагандой комитета кассъ.

Въ началѣ прошлаго года стала еще осторожнѣе относиться къ стачкамъ и даже отказала въ помощи рабочимъ, вступившимъ въ стачку на одной лозанской башмачной фабрикѣ безъ достаточныхъ основаній. Въ то же время касса задалась цѣлью усилить свой фондъ до 30,000 франковъ и сдѣлала попытку привлечь къ участію союзъ типографовъ и федерацію часовщиковъ. Убѣдившись въ необходимости располагать большими рессурсами, коммиссія кассы выступила съ предложеніемъ обязать всѣхъ членовъ союзовъ, участвующихъ въ кассѣ, дѣлать обязательные еженедѣльные взносы въ размѣрѣ 10 сантимовъ, въ надеждѣ довести такимъ путемъ свои ежегодные доходы до 52,000 фр. Еслибъ это предложеніе не было принято, то взносъ предполагалось понизить наполовину. Какъ ни убѣдительны были доводы въ пользу обязательныхъ взносовъ, это предложеніе встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны Grütlivereiп'а и большей части другихъ союзовъ. Какъ политическій союзъ, въ которомъ принимаютъ участіе не одни только рабочіе, Grütliverein не ставилъ себѣ никогда задачей поддерживать стачки. Къ тому же трудно было обязать мелкихъ хозяевъ, принимавшихъ участіе въ союзахъ, давать деньги для стачекъ. Предложеніе коммиссіи кассы было отвергнуто, причемъ было указано на преимущества добровольныхъ взносовъ. Въ этомъ отказѣ главнымъ образомъ выступило опасеніе Grütliverein'а дать новой организаціи возможность захватить въ свои руки большую власть, путемъ установленія непосредственныхъ сношеній между рабочими и кассой. Старѣйшій швейцарскій союзъ въ этомъ случаѣ желалъ отстоять свою независимость и поддержать свое прежнее значеніе въ странѣ.

Съ умѣетъ ли устоять касса безъ обязательныхъ взносовъ и какое направленіе приметъ ея дѣятельность, покажетъ ближайшее будущее.

III.

Такова исторія швейцарскихъ рабочихъ организацій. Въ постоянныхъ измѣненіяхъ и колебаніяхъ, которымъ подвержены были почти всѣ выходившіе за предѣлы мѣстныхъ союзовъ попытки объединенія, трудно уловить общую нить, общую идею. Тѣмъ не менѣе, эта нить существуетъ и въ, повидимому, случайныхъ комбинаціяхъ различныхъ союзовъ, можно уловить что-то вродѣ общей тенденціи. При обсужденіи вопроса о союзахъ въ Швейцаріи надо принять во вниманіе два обстоятельства. Пер-

вое обстоятельство — это отсутствіе крупныхъ личностей, дѣятельности которыхъ можно было бы приписать движеніе. Въ Швейцаріи союзы возникаютъ не по иниціативѣ выдающихся дѣятелей, какъ это было въ другихъ странахъ, а развиваются сами собою безъ всякой искусственной поддержки. Другое обстоятельство — это слабое выдѣленіе четвертаго сословія изъ другихъ сословій, смѣшеніе сословныхъ интересовъ съ національными, сильное преобладаніе послѣднихъ и близкое участіе всѣхъ классовъ общества въ общинныхъ, кантональныхъ и государственныхъ дѣлахъ. На почвѣ этихъ двухъ условій жизнь въ Швейцаріи приняла своеобразное направленіе, заключающееся въ проведеніи *федеративнаго принципа* какъ въ отдѣльныхъ общинахъ и контонахъ, такъ и въ союзѣ. Швейцарская община не представляетъ собою однороднаго союза изъ отдѣльныхъ гражданъ, а есть федерація различныхъ болѣе тѣсныхъ и обширныхъ союзовъ. Самое малое селеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ союзовъ, — въ него входитъ союзъ всѣхъ гражданъ, союзъ жителей, альменда, школьная община, церковный приходъ, союзъ для помощи бѣднымъ. Каждая изъ этихъ общинъ имѣетъ, кромѣ того, связи съ внѣшнимъ міромъ: церковныя общины одного исповѣданія связаны вмѣстѣ, различныя альменды составляютъ большія корпораціи альмена, а кантонъ есть лишь федерація политическихъ общинъ. Нѣсколько кантоновъ связаны другъ съ другомъ конкордатами для общихъ цѣлей, а всѣ кантоны составляютъ швейцерскій союзъ.

Тѣми же принципами проникнуты организація рабочихъ союзовъ, сохранившихъ въ Швейцаріи полную связь съ общинной и государственной жизнью. Съ этой точки зрѣнія самыя сложныя организаціи не представляются уже столь искусственными, какими они кажутся по сраненію съ коалиціями рабочихъ въ Англіи, Франціи или Германіи. Приведенными выше формами далеко еще не исчерпывается общественная жизнь Швейцаріи, во всякомъ большомъ городѣ, кантонѣ, промышленномъ округѣ, во всякомъ ремеслѣ имѣются особыя организаціи, обязанныя своимъ существованіемъ тому же федеративному принципу. Составныя части всѣхъ этихъ организацій тѣ же, какія можно наблюдать въ крупныхъ союзахъ, т. е. мѣстные Grütliverein, ремесленные союзы, вообще рабочіе союзы, больничныя рабочія кассы, соціалъ-демократическія организаціи, наконецъ, общество для распространенія просвѣщенія среди рабочихъ, гимнастическія, музыкальныя и подобнаго рода общества. Какъ только въ какой-нибудь мѣстности существуетъ нѣсколько союзовъ или обществъ, они непремѣнно соединяются вмѣстѣ и помимо задачъ, преслѣдуемыхъ каждымъ изъ нихъ, ставятъ себѣ общія задачи. Одни ограничиваются наблюденіемъ за строгимъ исполненіемъ фабричныхъ законовъ, другіе ведутъ агитацію для сокращенія рабочаго дня, третьи задаются цѣлью улучшить вообще положеніе рабочихъ. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что въ такихъ единеніяхъ принимаютъ участіе не только рабочіе; весьма часто программа не противорѣчитъ взглядамъ и интересамъ хозяевъ, и наибо-

лѣе просвѣщенные изъ нихъ вступаютъ въ члены рабочихъ союзовъ. Къ федераціямъ союзовъ, связанныхъ общими мѣстными интересами, присоединяются федераціи, возникающія на почвѣ ремесла, на почвѣ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, распространяющіяся на болѣе и болѣе обширный районъ, иногда на всю Швейцарію. Короче, общественная жизнь представляетъ въ этой странѣ безконечное число различныхъ комбинацій; многочисленные мѣстные союзы, сохраняя свою самостоятельность, соединяются для достиженія общихъ цѣлей то въ одни, то въ другія организаціи съ легкостью, подобія которой нельзя отыскать ни въ какой другой странѣ. Различіе нарѣчій, національностей, политическихъ и соціально-политическихъ направленій придаетъ большимъ организаціямъ еще большую шаткость и неопредѣленность и служитъ нѣкоторымъ объясненіемъ неуспѣху попытокъ объединенія болѣе обширныхъ группъ. Въ Швейцаріи поражаетъ вѣчная смѣна статутовъ и программъ отдѣльныхъ союзовъ, но не слѣдуетъ думать, что это исключительная особенность рабочихъ организацій. Не проходитъ года, чтобы въ томъ или другомъ кантонѣ не собиралась коммиссія для пересмотра конституціи, чтобы не возникалъ вопросъ объ измѣненіи основныхъ государственныхъ установленій.

Федеративный принципъ, проникающій всѣ основныя учрежденія Швейцаріи, проявляясь въ организаціи рабочихъ союзовъ, придаетъ имъ совершенно особенный отпечатокъ и выдѣляетъ ихъ изъ извѣстныхъ въ другихъ странахъ формъ объединенія.

Г.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ѳ. Г. Савченко.—*Строеніе и жизнь исправительныхъ колоній и пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ.*—Одесса. 1888 г.

Въ средѣ нашихъ юристовъ, а также и образованной части общества начинаетъ все болѣе и болѣе укрѣпляться взглядъ на преступника, какъ на наслѣдственное орудіе соціальныхъ неустройствъ и общественныхъ пороковъ. Получивши въ большинствѣ случаевъ разстроенную организацію отъ потерявшихъ здоровье въ нищетѣ, пьянствѣ или развратѣ родителей, человѣкъ совершаетъ преступленіе не столько по злой волѣ, сколько по неблагопріятно сложившимся обстоятельствамъ жизни, толкающимъ его на скамью подсудимыхъ. Такой человѣкъ заслуживаетъ удаленія изъ среды общества, но не для наложенія на него кары и возмездія, а для излѣченія и возстановленія равновѣсія въ его расшатанномъ организмѣ, путемъ правильной постановки тюремной жизни, и для огражденія отъ него общества. Тюрьма здѣсь играетъ роль воспитательно-исправительнаго режима, котораго большинство ея обитателей было лишено въ эпоху дѣтства и юношества.

По отзыву спеціалистовъ, а въ томъ числѣ и автора разбираемой книги, служившаго нѣсколько лѣтъ въ Московской исправительной тюрьмѣ, правильно устроенныя школа и мастерскія имѣютъ весьма благотворное вліяніе на заключенныхъ. По словамъ г. Савченко, опытъ Московской исправительной тюрьмы въ этомъ отношеніи далъ такіе результаты, что въ періодъ времени съ 1869 по 1875 годъ, когда онъ слѣдилъ за рецидивистами, «въ число таковыхъ не попалъ ни одинъ изъ арестантовъ, прошедшихъ школу». Опираясь на этотъ фактъ, г. Савченко справедливо приходитъ къ заключенію, что «еще легче достичь благотворныхъ вліяній этихъ учрежденій на дѣтей, хотя бы и порочныхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, исходя изъ опыта, авторъ книги не ожидаетъ, очевидно, благихъ результатовъ отъ однихъ лишь *учрежденій*, но настаиваетъ главнымъ образомъ на пригодности *лицъ*, долженствующихъ руководить дѣломъ. Поэтому въ числѣ поводовъ, побудившихъ его составить эту «ру-

ководящую» книгу для лицъ, незнакомыхъ съ исправительными заведеніями, онъ выставляетъ на первый планъ тотъ, «что многія лица идутъ въ нихъ *ради насущнаго хлѣба*, полагая, что въ нихъ можно служить, отбывая одну, такъ сказать, формальную повинность».

При составленіи книги авторъ тщательно изучилъ по уставамъ и отчетамъ существующихъ русскихъ исправительныхъ пріютовъ и колоній для малолѣтнихъ преступниковъ всю постановку въ нихъ дѣла, начиная съ внѣшняго устройства и кончая внутренней ихъ жизнью и дѣятельностью. Г. Савченко съумѣлъ очень удачно скомбинировать разнообразныя относящіяся сюда данныя, предпославъ имъ нѣкоторые общіе взгляды въ главахъ: «Взглядъ юристовъ на причины преступленія», «Доказательства уголовной статистики» и «Общія основанія для устройства исправительныхъ заведеній». Переходя затѣмъ къ разработкѣ разныхъ сторонъ организаціи дѣла исправительныхъ заведеній, авторъ по каждому отдѣльному вопросу дѣлаетъ сводъ положеній изъ уставовъ и отчетовъ пріютовъ и колоній, сопровождая эти положенія критическимъ анализомъ, изъ котораго всегда видно, что, отдавая предпочтеніе тому или другому порядку, авторъ стоитъ на твердой и авторитетной педагогической почвѣ.

Въ виду того, что авторъ придаетъ своему труду значеніе «руководства», намъ казалось бы умѣстнымъ снабдить его текстуальной перепечаткой законовъ, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о малолѣтнихъ преступникахъ. Это значительно облегчало бы людей, незнакомыхъ съ дѣломъ, при устройствѣ исправительныхъ заведеній. Нельзя не упрекнуть г. Савченко также и за то, что при написаніи книги онъ не принялъ, очевидно, во вниманіе «трудовъ» перваго и втораго съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ, изданныхъ въ 1882 и 1885 гг предсѣдателемъ ихъ, К. В. Рукавишниковымъ, слѣдствіемъ чего явилась недостаточно обстоятельная обработка нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ. Укажемъ, напр., на неясность постановки важнаго вопроса о системахъ обученія мастерствамъ (стр. 32). Мы не согласны еще съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ книгѣ (стр. 13), что «въ исправительныхъ пріютахъ передъ нами находятся дѣти, внутренній міръ которыхъ близокъ къ состоянію *психопатовъ*, по крайней мѣрѣ въ моментъ ихъ поступленія въ исправительныя заведенія». Этотъ рѣшительный приговоръ положительно не имѣетъ фактическаго основанія.—Мы вполнѣ понимаемъ упрекъ, дѣлаемый авторомъ нѣкоторымъ «обществамъ», что они, «при постройкѣ своихъ учрежденій шли, какъ говорится, ощупью», не изучивши предварительно дѣла, а потомъ переиначивали назначеніе построекъ или перестраивали ихъ. Отсюда слѣдуетъ, что, прежде чѣмъ браться за дѣло, необходимо съ нимъ обстоятельно познакомиться. Но авторъ требуетъ, чтобы существовало извѣстное *однообразіе* въ планѣ, размѣрѣ и расположеніи построекъ. Требованіе это мы находимъ непрактичнымъ и излишнимъ, въ виду того, что здѣсь дѣло зависитъ отъ имѣющихся въ наличности средствъ, а затѣмъ и отъ мѣстныхъ осо-

бенностей. Въ данномъ случаѣ гораздо полезнѣе было рекомендовать *систему* устройства исправительныхъ заведеній, при чемъ предпочтительно рекомендовать устройство ихъ внѣ городовъ, въ сельской обстановкѣ и отдѣльными домиками, на извѣстное число воспитанниковъ (не выше 15-ти). Въ то же время слѣдовало показать всѣ невыгоды такъ называемаго *казарменнаго* способа воспитанія, который практикуется, напр., въ Московскомъ Рукавишниковскомъ пріютѣ.—При перечисленіи пороковъ, съ которыми очень трудно бороться въ исправительныхъ заведеніяхъ (стр. 25), не указана замѣчательная наклонность малолѣтнихъ преступниковъ къ мужеложству, о которой въ отчетахъ этихъ заведеній обыкновенно почему-то умалчивается. По этому поводу слѣдовало бы порекомендовать педагогамъ исправительныхъ заведеній писать свои отчеты болѣе откровенно въ интересахъ дѣла, памятуя, что политика: «у насъ все обстоитъ благополучно» пригодна здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Въ заключеніе своего добросовѣстнаго труда авторъ говоритъ, «что *всѣ благодѣянія исправительныхъ учрежденій могутъ оказаться построенными на пескѣ, если общество не прійдетъ на помощь къ выпущеннымъ воспитанникамъ*». И это вѣрное положеніе настолько практически важно, что всякое вновь возникающее «общество», желающее устроить исправительное заведеніе для малолѣтнихъ преступниковъ, должно, по нашему мнѣнію, сначала подготовить себя къ удачному практическому рѣшенію именно этого вопроса, составляющаго неизбѣжное и необходимое условіе исправительнаго воспитанія.

В. А.

Handwörterbuch der Staatswissenschaften. — Herausgegeben von *D-r J. Conrad*, *L. Elster*, *W. Lexis* und *Edg. Loening*. *Erste Lieferung*. Jena, Gustav Fischer, 1889.

Предъ нами первый выпускъ обширнаго политико-экономическаго словаря, предпринятаго проф. Конрадомъ въ сотрудничествѣ со всѣми почти выдающимися дѣятелями нѣмецкой экономической литературы. Историческое направленіе преобладаетъ въ спискѣ сотрудниковъ, но рядомъ съ именами Шмоллера, Брентано, Кнаппа, Шенберга и ихъ учениковъ мы встрѣчаемъ однако и «абстрактную» вѣнскую школу, съ Карломъ Менгеромъ во главѣ. «Нашъ словарь»,—говорятъ редакторы въ предисловіи къ 1-му выпуску,—«будетъ отраженіемъ идей, преобладающихъ въ области соціальныхъ наукъ, но не выраженіемъ мнѣній одной какой-нибудь партіи или одной школы... Стремясь придать нашему предпріятію единство и цѣльность, мы, тѣмъ не менѣе, предоставляемъ многочисленнымъ нашимъ сотрудникамъ полную самостоятельность, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ воззрѣнія не сходятся съ нашимъ или не гармонируютъ съ идеями, высказанными раньше другими. Въ энциклопедическомъ сочиненіи подобныхъ противорѣчій нельзя избѣжать, они даже

скорѣе составляютъ его достоинство, такъ какъ они даютъ картину развитія науки». При современномъ состояніи науки политической экономіи, это, разумѣется, неизбѣжное условіе сотрудничества, но едва ли можно при этомъ осуществить стремленіе къ единству.

Заглавіе новаго предпріятія уже указываетъ, что кромѣ политической экономіи, статистики и финансовъ, въ содержаніе его войдутъ статьи юридическаго характера, но слово «государственныя науки» употребляется въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно понимается въ германскихъ университетахъ, т. е. какъ науки, изучающія экономическія и соціальныя явленія общественной жизни. Особенное вниманіе удѣлено статистическому матеріалу, при посредствѣ котораго является возможность точно охарактеризовать современную экономическую организацію и историческое развитіе хозяйственной жизни народовъ. Какъ трудъ германскихъ ученыхъ, Словарь естественно даетъ больше фактовъ изъ германской экономіи, нежели изъ хозяйственныхъ условій другихъ народовъ, но участіе нѣкоторыхъ не нѣмецкихъ ученыхъ (Феррарисъ, Жемсъ, Бодіо, Эли) дастъ возможность издателямъ ввести въ кругъ своего изученія законодательства и экономическія характеристики другихъ странъ.

Въ вышедшемъ теперь выпускѣ помѣщены статьи проф. Конрада (Agrarkrisis и Agrarstatistik), проф. ф. д. Гольца (Ackerbausteme), Лексиса, Юрашека и мн. др. Самая обширная статья, на которой заканчивается выпускъ, посвящена акціонернымъ компаніямъ въ различныхъ странахъ и составляетъ коллективный трудъ многихъ сотрудниковъ. Не можемъ не отмѣтить обстоятельности работы, особенно статей Конрада, дающихъ въ сжатой формѣ точный матеріалъ и характеристику трактуемыхъ вопросовъ, равно какъ и тщательную библіографію. Намъ казалось бы, однако, болѣе удобнымъ — не придерживаться строго алфавитнаго порядка, какъ это дѣлаютъ редакторы, а группировать статьи по содержанію, удерживая, конечно, присущій словарь, порядокъ начальныхъ буквъ; такъ, напр., послѣ статьи Ackerbau умѣстнѣе было бы помѣстить работы объ аграрной исторіи и статистикѣ, не прерывая ихъ замѣтками объ агентурахъ или о дворянствѣ (Adel). Нѣкоторыя статьи безъ ущерба могли бы вовсе быть пропущены, какъ, напр., та же статья о дворянахъ или замѣтка «о вытравленіи плода». Все это, однако, мелкіе недостатки. не мѣшающіе признать новое изданіе крайне полезнымъ и желательнымъ. Handwörterbuch Конрада и др. не только вытѣснитъ устарѣвшіе словари Гильомена или Ренча, но составитъ и прекрасное дополненіе къ извѣстному, тоже сборному труду Шенберга, Handbuch der Politischen Oekonomie.

Г. I.

Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1889. Puttkammer u. Mühlbrecht.

Имперское статистическое бюро въ Берлинѣ съ 1880 г. приступило къ изданію Ежегодника, содержащаго существенныя и наиболѣе инте-

ресныя для массы читателей данныя изъ статистики Германіи. Главный матеріалъ относится къ статистикѣ народонаселенія, но рядомъ съ ними помѣщаются цифры, рисующія развитіе экономической дѣятельности страны и нѣкоторыя любопытныя данныя такъ наз. «моральной» статистики. Въ лежащемъ предъ нами 10 выпускѣ интереснымъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, помѣщавшимся въ предыдущіе годы, является распредѣленіе населенія по профессіямъ параллельно съ возрастными группами въ каждой крупной отрасли народнаго труда и данныя о географическомъ распредѣленіи промысловъ по Германіи. Въ отдѣлѣ «статистика общественнаго призрѣнія» очень любопытны свѣдѣнія о *причинахъ* обѣдненія, какъ они обнаружены имперской статистикой; данныя эти, конечно, не могутъ претендовать на полную точность, но они въ значительной степени совпадаютъ съ такимъ же изслѣдованіемъ, предпринятымъ Бемертомъ и изложеннымъ имъ въ недавно законченномъ трудѣ «Die Armenpflege in 77 deutschen Städten». Въ концѣ новой книги Ежегодника помѣщены 3 картограммы, рисующія состояніе преступности въ Германіи, причемъ 2 и 3 картограмма спеціально относятся къ преступленіямъ противъ жизни и къ преступленіямъ противъ собственности по даннымъ криминальной статистики за 1883—87 г.

Н.

Новыя изслѣдованія о Тюрго.

Къ вышедшей въ прошломъ году книжкѣ Леона Сэ о Тюрго, рецензія о которой была помѣщена въ «Юрид. Вѣстн.», приведены были неизданныя до сихъ поръ письма его, найденныя въ фамильномъ замкѣ Лангтейлѣ. Эти письма весьма интересны, такъ какъ освѣщаютъ политическую дѣятельность и общественныя воззрѣнія великаго государственнаго человѣка. Но Тюрго, какъ извѣстно, по своимъ экономическимъ воззрѣніямъ принадлежалъ къ школѣ физіократовъ и завоевалъ себѣ весьма почетное мѣсто среди экономистовъ второй половины прошлаго вѣка; въ его Réflexions sur la formation et la distribution des richesses, въ Mémoire sur les prêts d'argent и въ нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ произведеніяхъ можно найти много замѣчательныхъ мыслей. Новыя изысканія о Тюрго еще больше подтверждаютъ представленіе о немъ, какъ о выдающемся теоретикѣ, они даютъ возможность возстановить текстъ нѣкоторыхъ частей главной работы Тюрго, искаженной Дюпономъ де Немуромъ въ духѣ школы физіократовъ. Весьма любопытна исторія Réflexions; работа эта написана еще въ 1766 году (за десять лѣтъ до появленія Богатства народовъ) для двухъ китайцевъ, получившихъ воспитаніе во Франціи и возвращавшихся на родину. Тюрго снабдилъ ихъ книгами и хотѣлъ выяснить имъ принципы, которыми должно руководствоваться управленіе всякою страною. «Я испортилъ много бумаги, писалъ онъ Дюпону 9 декабря 1766 года, съ тѣхъ поръ какъ

видѣлъ васъ... я составилъ вопросы для двухъ китайцевъ, о которыхъ я говорилъ вамъ, и чтобы разъяснить имъ смыслъ этихъ вопросовъ, я набросалъ что-то вродѣ анализа труда и распредѣленія богатствъ. Въ немъ нѣтъ алгебры, изъ Экономической Таблицы я заимствовалъ только метафизическую часть и оставилъ безъ разсмотрѣнія многіе вопросы, которые нужно было бы разсмотрѣть, чтобы придать работѣ большую полноту. Но я основательно разсмотрѣлъ все, что относится къ образованію и движенію капиталовъ, процента и проч., это канва....».

Работа эта была напечатана въ Ephémérides du citoyen только въ 1769 г.; она была разбита на три части, появившіяся въ ноябрѣ 1769 г., декабрѣ того же года и январѣ 1770 г. Получивши рукопись, Дюпонъ исправилъ нѣкоторыя мѣста, не предупреждая автора. Тюрго настоялъ, чтобы ему были даны оттиски въ неискаженномъ видѣ, но такъ какъ такихъ оттисковъ было отпечатано очень мало, то взгляды Тюрго сдѣлались извѣстными по изданію Дюпона. Второе изданіе Дюпона въ 1808 г. есть перепечатка того, что появилось въ Ephémérides, а изданіе Дэра въ Collection des principaux économistes есть перепечатка изъ Дюпона. Такимъ образомъ самая крупная работа Тюрго до сихъ поръ извѣстна въ искаженномъ видѣ.

Шееле, изъ статьи котораго (Journal des Ecomistes 1888 г. Іюльская книжка) мы заимствовали эти детали, сопоставляетъ подлинный текстъ съ передѣлкой Дюпона. Въ § XVII, озаглавленномъ «Существенное различіе между двумя трудящимися классами», приведена общая физіократомъ мысль о происхожденіи *собственности*. Тюрго говорилъ, что собственникъ существуетъ только въ силу человѣческихъ договоровъ и гражданскихъ законовъ; чрезъ всю его работу проходила мысль, что собственность основана не на трудѣ, а на захватѣ. Дюпонъ выбросилъ слова «человѣческихъ» и «гражданскихъ», чѣмъ придалъ договорамъ и законамъ нѣсколько иной оттѣнокъ и прибавилъ слѣдующую фразу: «Это является результатомъ затратъ на землю, благодаря которымъ земли приведены были въ состояніе культуры и которыя срослись съ самой землей». Вмѣсто захвата получилось то объясненіе, которое дано физіократами.

Другое искаженіе касается воззрѣній Тюрго на *рабство*. Онъ относился къ рабству не какъ моралистъ, а какъ экономистъ, и думалъ, что отдѣльнымъ лицамъ и даже классамъ рабство можетъ доставлять выгоды. Дюпону такое отношеніе къ рабству казалось несоотвѣтствующимъ естественному праву, и онъ совершенно передѣлалъ все, что касалось этого вопроса. Въ началѣ § 55 у Тюрго была фраза: *«другой видъ движимаго богатства и затратъ на землю: рабы»*. Дюпону не нравилось причисленіе рабовъ къ богатству и онъ передѣлалъ заглавіе этого параграфа въ слѣдующее: «движимыя богатства обмѣниваются на землю». Поправка эта не понравилась Тюрго и онъ написалъ по этому поводу Дюпону 20 февраля 1770 г. довольно интересное письмо. «Еслибъ у

меня было немного досуга, я написалъ бы толстую книгу, чтобы доказать вамъ, что меня не слѣдовало поправлять. Я ограничусь тѣмъ, что скажу вамъ, что изъ моихъ словъ нельзя заключить, чтобы я считалъ рабство почетнымъ для какого нибудь общества даже въ самую раннюю пору. Совсѣмъ другое дѣло для частныхъ лицъ, владѣющихъ рабами. Я былъ бы очень радъ, еслибъ вы доказали, что рабство ни для кого не полезно, потому что это отвратительная и жестокая несправедливость, но я боюсь, что вы не докажете этого. Родъ человѣческій не такъ счастливъ, чтобы несправедливость сейчасъ же наказывалась. Существуетъ много несправедливыхъ поступковъ, доставляющихъ удовольствіе тѣмъ, которые ихъ совершаютъ... Я не думаю, чтобы народы, у которыхъ существуетъ рабство, чувствовали угрызеніе совѣсти. Не подлежитъ сомнѣнію, что несправедливость часто приноситъ пользу тому, кто ее совершаетъ, и рабство можетъ ее приносить, какъ всякая другая несправедливость».

Третья часть работы Тюрго не подверглась искаженію, но Дюпонъ имѣлъ сильное желаніе измѣнить тѣ части, которыя касались сбереженія и значенія сбереженія въ образованіи капитала. Тюрго не раздѣлялъ взглядовъ физіократовъ, по ученію которыхъ развитіе богатства зависѣло не столько отъ накопленія капиталовъ, сколько отъ способа употребленія ежегодныхъ доходовъ.

Шееле задается вопросомъ о мотивахъ, побуждавшихъ Дюпона исказить текстъ, и отвѣчаетъ, какъ намъ кажется, совершенно правильно. Глубоко проникнутый воззрѣніями школы, говоритъ онъ, Дюпонъ стремится подкрѣпить ихъ новыми доказательствами и настолько вѣрилъ въ непогрѣшимость Кене, что до конца своей жизни (письма къ Жанъ Баптисту Сэ написаны въ 1815 г.) считалъ школу физіократовъ единственною научною. На Дюпона не подѣйствовали ни событія, ни появленіе новыхъ экономистовъ, онъ въ теченіе полувѣка оставался вѣренъ традиціи и считалъ себя въ правѣ измѣнять рукопись начинающаго писателя, какимъ былъ тогда Тюрго.

М. Г.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Торговля и промышленность въ Россіи въ 1885 и 1886 гг. [1]). До послѣдняго времени у насъ совсѣмъ отсутствовала торгово-промышленная статистика. О торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ имѣлись лишь нѣкоторыя, приблизительныя и общія указанія, основанныя на данныхъ о выборкѣ торговыхъ документовъ на право торговли и промысловъ. Съ изданіемъ закона 15 января 1885 г., который устанавливаетъ для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій дополнительное обложеніе раскладочнымъ трехпроцентнымъ сборами, связано появленіе торгово-промышленной статистики. Раскладочному сбору подлежатъ предпріятія, составляющія собственность отдѣльныхъ лицъ или товариществъ, полныхъ и на вѣрѣ, за исключеніемъ заводовъ и фабрикъ, оплачивающихъ акцизные сборы. Раскладочный сборъ введенъ въ губерніяхъ Европейской России, включая Ставропольскую губернію съ Кубанскою и Терскою областями, въ Царствѣ Польскомъ и въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ: Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской. Трехпроцентному сбору подлежатъ предпріятія, принадлежащія акціонернымъ обществамъ, паевымъ товариществамъ и обществамъ, основаннымъ на круговой порукѣ, за исключеніемъ желѣзно-дорожныхъ компаній и обществъ взаимнаго страхованія, какъ освобожденныхъ отъ выборки гильдейскихъ документовъ. Трехпроцентный сборъ распространяется на всю Россію, безъ изъятій. И тому и другому сбору подлежатъ только предпріятія, обязанныя выборкою документовъ за право торговли и промысловъ по 1 и 2-й гильдіямъ.

Статистическія данныя, добытыя при взиманіи трехпроцентнаго сбора, даютъ указанія по исчисленію, классификаціи и опредѣленію *прибылей* предпріятій, уплачивающихъ 3% сборъ, но не даютъ указаній объ оборотахъ этихъ предпріятій, такъ какъ по закону для взиманія этого сбора

---

1) По даннымъ, напечатаннымъ въ 13, 14 и 16 №№ «Вѣстника финансовъ, торговли и промышленности» за 1888 г. и въ 4 и 5 №№ за 1889 годъ.

требуется лишь точное опредѣленіе чистой прибыли, на основаніи данныхъ годовыхъ отчетовъ предпріятій. Статистическія же данныя по раскладочному сбору даютъ указанія на обороты, классификацію и размѣръ предпріятій, а также и на среднюю прибыльность предпріятій. Такъ какъ извѣстна въ % средняя прибыльность предпріятій, подлежащихъ раскладочному сбору, и такъ какъ и для предпріятій, подлежащихъ трехпроцентному сбору, можно принять эту же среднюю прибыльность, потому что принадлежность предпріятія къ тому или другому сбору опредѣляется способомъ образованія предпріятія,—такъ, напр., производства по обработкѣ шерсти, хлопчатой бумаги, льна, шелка, дерева и др. фигурируютъ и въ трехпроцентномъ и въ раскладочномъ сборахъ,—то зная % прибыли въ предпріятіяхъ, подлежащихъ раскладочному, и самую прибыль въ предпріятіяхъ, подлежащихъ трехпроцентному сбору, можно опредѣлить и оборотъ предпріятій, подлежащихъ трехпроцентному сбору, съ той, конечно, приблизительной точностью, которая вообще возможна въ данной области и при данныхъ условіяхъ составленія матеріала. Такимъ образомъ, вездѣ въ нижеприводимыхъ цыфрахъ цыфры, показывающія оборотъ предпріятій, подлежащихъ трехпроцентному сбору, являются вычисленными показаннымъ способомъ цыфрами. Цифры же, показывающія оборотъ предпріятій, подлежащихъ раскладочному сбору, взяты изъ «Вѣстника».

Общее число торгово-промышленныхъ предпріятій, подлежащихъ трехпроцентному и раскладочному сборамъ, равнялось въ 1885 г. 124,005, въ 1886 г.—129,025; увеличеніе на 4%. Весь годовой оборотъ ихъ равнялся въ 1885 г. 7571,4 милл. руб., въ 1886 г.—7560,6 милл. р.; уменьшеніе на 0,1%. Разсмотримъ предпріятія по размѣрамъ оборотовъ. Съ оборотомъ 1 милл. руб. и болѣе было въ 1885 г. 587 предпріятій, въ 1886 г.—613; увеличеніе ва 4,4%. Весь оборотъ этого разряда равнялся въ 1885 г.—2939,5 милл. руб., въ 1886 г—3034,3 милл. руб.; увеличеніе на 3,2%. Съ оборотомъ отъ 100 тыс. до 1 милл. руб. было въ 1885 г.—6,883 предпріятія, въ 1886 г. 6,741; уменьшеніе на 2%. Весь оборотъ этого разряда равнялся въ 1885 г. 2803,5 милл. руб., въ 1886 г.—2,645 милл. руб.; уменьшеніе на 5,7%. Съ оборотомъ отъ 10 тыс. до 100 тыс. руб. было въ 1885 г. 48,430 предпріятій, въ 1886 г.—48,604; увеличеніе на 0,4%. Весь оборотъ этого разряда равнялся въ 1885 г. 1535,1 милл. руб., въ 1886 г.—1541,5 милл. руб.; увеличеніе на 0,4%. Наконецъ, съ оборотомъ менѣе 10 тыс. руб. было въ 1885 г. 68,105 предпріятій, въ 1886 г.—73,067; увеличеніе на 7,3%. Весь оборотъ равнялся въ 1885 г. 293,3 милл. руб., въ 1886 году—339,8 милл. рублей; увеличеніе на 15,9%. Крупныя торгово-промышленныя предпріятія (съ оборотомъ 1 милл. и болѣе) въ каждый изъ разсматриваемыхъ годовъ составляютъ 0,5% всего числа предпріятій съ 38,8% всего оборота въ 1885 г. и 40.1% въ 1886 г. Среднія предпріятія (отъ 100 тыс. до 1 милл. руб.) составляютъ 5,6%

въ 1885 г. и 5,2% въ 1886 г. всего числа предпріятій, съ 37% всего оборота въ 1885 г. и съ 35% въ 1886 г. Мелкія предпріятія (отъ 10 тыс. до 100 тыс. руб.) составляютъ 39% въ 1885 г. и 37,7% въ 1886 г. всего числа предпріятій съ 20,3% всего оборота въ 1885 г. и съ 20,4% въ 1886 г. Наконецъ, предпріятія менѣе 10 тыс. руб. составляютъ въ 1885 г. 54,9%, въ 1886 г. 56,6% всего числа предпріятій съ 3,9% всего оборота въ 1885 г. и съ 4,5% въ 1886 г. Соединяя крупныя предпріятія съ средними, а оба мелкія въ одну группу, получимъ, что 6,1% всего числа предпріятій въ 1885 г. и 5,7% въ 1886 г. имѣли въ 1885 г. 75,8% всего оборота, а въ 1886 г.— 75,1%, и что 93,9% всего числа предпріятій въ 1885 г. и 94,3% въ 1886 г. имѣли въ 1885 г. остальныя 24,2% всего оборота и въ 1886 г.—24,9%. Такимъ образомъ, мы получаемъ, что крупная торговля и крупная промышленность составляютъ основной фонъ въ экономическомъ развитіи нашей страны.

Обратимся къ предпріятіямъ, подлежащимъ одному трехпроцентному сбору. Эти предпріятія не раздѣлены на торговыя, съ одной стороны, и промышленныя, съ другой — по размѣрамъ предпріятій. Общее число торгово-промышленныхъ предпріятій, подлежащихъ трехпроцентному сбору, равнялось въ 1885 г. 802, въ 1886 г. — 800; уменьшеніе на 0,$_2$. Весь годовой оборотъ ихъ (вычисленный) равнялся въ 1885 г. 2,128,$_4$ милл. руб., въ 1886 г. — 2,012,$_2$ милл. рублей; уменьшеніе на 5,$_5$%. Съ оборотомъ 1 милл. рублей и болѣе было въ 1885 году 11 предпріятій; въ 1886 году — 9; Весь оборотъ этого разряда равнялся въ 1885 г. 590,$_8$ милл. рублей, въ 1886 году 474,$_3$ милл. рублей; уменьшеніе 19,$_7$%. Съ оборотомъ отъ 100 тыс. до 1 милл. рублей было въ 1885 году 144 предпріятія, въ 1886 г. тоже 144. Весь оборотъ ихъ равнялся въ 1885 г. 1,180,$_4$ милл. руб., въ 1886 г. — 1,147 милл. руб.; уменьшеніе на 2,$_8$%. Съ оборотомъ отъ 10 до 100 тыс. было въ 1885 г. 272 предпріятія, въ 1886 г.—265; уменьшеніе на 2,$_6$%. Весь оборотъ этого рязряда равнялся въ 1885 г. 319,$_3$ милл. рублей, въ 1886 г.—325 руб-; увеличеніе на 1,$_8$%. Наконецъ, съ оборотомъ менѣе 10 тыс. было въ 1885 г. 375 предпріятій, въ 1886 году 382; увеличеніе на 1,$_9$%. Весь оборотъ ихъ равнялся въ 1885 г. 37,$_9$ милл. руб., въ 1886 г. — 65,$_6$ милл. руб.; увеличеніе на 73,$_1$%. Крупныя предпріятія составляютъ въ 1885 г. 1,$_4$% всего числа предпріятій этой категоріи, въ 1886 г. — 1,$_1$%, съ 27,$_7$% всего оборота эгой категоріи въ 1885 г. и 23,$_6$% въ 1886 г. Среднія предпріятія составляютъ и въ 1885 году, и въ 1886 г. 18% всего числа предпріятій съ 55,$_5$% всего оборота въ 1885 г. и 57% въ 1886 г. Мелкія предпріятія составляютъ въ 1885 г. 33,$_9$% всего числа предпріятій и 33,$_1$% въ 1886 г., съ 15% всего оборота въ 1885 г. и 16,$_1$% въ 1886 году. Наконецъ, предпріятія съ оборотомъ менѣе 10 тыс. руб. составляютъ 46,$_7$% всего числа предпріятій въ 1885 г. и 47,$_8$% въ 1886 г., съ 1,$_8$% всего

оборота въ 1885 г. и $3,_{3}$% въ 1886 году. Соединивъ крупныя и среднія торгово-промышленныя предпріятія въ одну группу, а оба мелкія въ другую, получимъ, что въ 1885 году $19,_{4}$%, а въ 1886 году—$19,_{1}$% всего числа предпріятій этой категоріи имѣли $83,_{2}$% всего оборота этой категоріи въ 1885 г. и $80,_{6}$%—въ 1886 г., и что остальныя $80,_{6}$% всего числа предпріятій въ 1885 г. и $80,_{9}$% въ 1886 г. имѣли $16,_{8}$% всего оборота въ 1885 г. и $19,_{4}$% въ 1886 г. Къ этой категоріи предпріятій относятся коммерческіе банки, общества взаимнаго кредита, городскіе общественные банки, городскія кредитныя общества, ссудосберегательныя товарищества и кассы и страховыя общества (кромѣ взаимныхъ), которые дали въ 1886 г. уменьшеніе чистой прибыли. Къ этой же катогоріи относятся промышленныя предпріятія, давшія въ 1886 г, уменьшеніе чистой прибыли. Таковы: свеклосахарное производство (дало уменьшеніе на 2 слишкомъ милліона руб.), производства по обработкѣ: шерсти, шелка, кожъ и другихъ животныхъ продуктовъ, дерева, стеариновое (значительное уменьшеніе), горное, нефтяное производство и минеральныхъ маслъ, производство резиновыхъ издѣлій, питательныхъ продуктовъ, напитковъ и табачное. Въ этой категоріи предпріятій произошло значительное повышеніе чистой прибыли въ производствахъ по обработкѣ *хлопчатой бумаги, въ апретурномъ, красильномъ и набивномъ производствахъ*, въ производствѣ *по обработкѣ льна* и въ производствѣ по обработкѣ *металловъ и машиностроительномъ*. Наконецъ, необходимо прибавить, что предпріятія, подлежащія трехпроцентному сбору, составляли для 1886 г. $0,_{6}$% всего числа предпріятій, съ оборотомъ нѣсколько больше $^1/_4$ ($26,_{6}$%) всего оборота.

Общее число торгово-промышленныхъ предпріятій, подлежащихъ раскладочному сбору, равнялось въ 1885 году 123,203, въ 1886 г.— 129.225, увеличеніе на $4,_{1}$%. Весь оборотъ ихъ равнялся въ 1885 г. 5,443 милл. руб., въ 1886 г. — $5,548,_{4}$ милл. руб.; увеличеніе на $1,_{9}$%. Разсмотримъ ихъ по категоріямъ: торговыя предпріятія и промышленныя предпріятія.

Общее число торговыхъ предпріятій равнялось въ 1885 г. 111,139, въ 1886 г.—115,947; увеличеніе на $4,_{3}$%. Оборотъ ихъ равнялся въ 1885 году $4,914,_{4}$ милл. руб., въ 1886 году — $4,974,_{1}$ милл. руб.; увелисеніе на $1,_{2}$%. Съ оборотомъ 1 милл. и болѣе рублей было въ 1885 году 530 предпріятій, въ 1886 году 553; увеличеніе на $4,_{3}$%. Оборотъ ихъ равнялся въ 1885 году $2,279,_{6}$ милл. рублей и въ 1886 году $2,456,_{9}$ милл. рублей; увеличеніе на $7,_{8}$%. Съ оборотомъ отъ 100 тыс. до 1 милл. рублей было въ 1885 году 5,600 предпріятій, въ 1886 году — 5,459; уменьшеніе на $2,_{5}$%. Оборотъ ихъ равнялся въ 1885 году $1,358,_{9}$ милл. руб., въ 1886 г. — $1,234,_{9}$ милл. р.; уменьшеніе на $9,_{1}$%. Съ оборотомъ отъ 10 т. до 100 тыс. было въ 1885 году 41,977 предпріятій, въ 1886 г. — 41,862; уменьшеніе на $0,_{3}$%. Оборотъ ихъ равнялся въ 1885 году $1,039,_{7}$ милл. руб., въ

1886 году — 1,027,0 милл. руб.; уменьшеніе на 1,2%. Наконецъ, съ оборотомъ менѣе 10 тыс. руб. было въ 1885 г. 63,032 предпріятія, въ 1885 году — 68073; увеличаніе на 8%. Оборотъ ихъ равнялся въ 1885 году 236,2 милл. рублей, въ 1886 году — 255,3 милл. рублей; увеличеніе на 8,1%. Посмотримъ на обороты торговли въ зависимости отъ числа предпріятій. Крупныя торговыя предпріятія составляливъ 1885 и 1886 ггодахъ по 0,5% всего числа торговыхъ предпріятій, подлежащихъ раскладочному сбору, съ 46,4% всего торговаго оборота названной категоріи въ 1885 году и съ 49,4% въ 1886 г. Среднія торговыя предпріятія составляли въ 1885 г. 5% всего числа торговыхъ предпріятій и 4,7% въ 1886 г., съ 27,7% всего оборота торговли въ 1885 г. и съ 24,8% въ 1886 году. Мелкія торговыя предпріятія составляли въ 1885 г. 37,8% всего числа торгорыхъ предпріятій и 36,1% въ 1886 году съ 21,1% всего торговаго оборота въ 1885 г. и 20,6% въ 1886 г. Наконецъ, предпріятія менѣе 10 тыс. р. составляли въ 1885 году 56,7% всего числа торговыхъ предпріятій и 58,7% въ 1886 г., съ 4,8% всего оборота торговли въ 1885 г. и съ 5,2% въ 1886 году. Соединяя крупныя и среднія предпріятія въ одну группу, а оба мелкія предпріятія въ другую, получимъ, что 5,5% всего числа торговыхъ предпріятій въ 1884 г. и 5,2% въ 1886 году имѣли 74,1% всего оборота въ 1885 г. и 74,2% въ 1886 г., и что остальныя 94,5% всего числа торговыхъ предпріятій въ 1885 году и 94,8% въ 1886 г. имѣли остальные 25,9% всего оборота торговли 1885 г. и 25,8% въ 1886 г.

Теперь обратимся къ самой интересной сторонѣ дѣла, къ промышленнымъ предпріятіямъ, подлежащимъ раскладочному сбору. Общее число промышленныхъ предпріятій названной категоріи равнялось въ 1885 г. 12,064, въ 1886 г.—12,278; увеличеніе на 1,8%. Оборотъ ихъ равнялся въ 1885 г. 528,6 милл. руб., въ 1886 г.—574,3 милл. руб.; увеличеніе на 8,6%. Съ оборотомъ 1 милл. руб. и болѣе было въ 1885 г. 46 предпріятій, въ 1886 г.—51; увеличеніе на 10,9%. Оборотъ ихъ равнялся въ 1885 г. 69,1 милл. руб., въ 1886 г.—103,1 милл. руб.; увеличеніе на 49,2%. Съ оборотомъ отъ 100 т. до 1 милл. руб. было въ 1885 г. 1,139 предпріятій, въ 1886 г.—1,138; уменьшеніе на 0,1%. Оборотъ ихъ равнялся въ 1885 г. 264,2 милл. руб., въ 1886 г.—262,8 милл. руб.; уменьшеніе на 0,5%. Съ оборотомъ отъ 10 тыс. до 100 тыс. руб. было въ 1885 г. 6,181 предпріятіе, въ 1886 г.—6,477; увеличеніе на 4,8%. Оборотъ ихъ равнялся въ 1885 г. 176,1 милл. руб., въ 1886 г.—189,5 милл. руб.; увеличеніе на 7,6%. Наконецъ, съ оборотомъ менѣе 10 тыс. руб. было въ 1885 г. 4,698 предпріятій, въ 1886 г.—4,612; уменьшеніе на 1,8%. Оборотъ ихъ равнялся въ 1885 г. 19,2 милл. руб., въ 1886 г.—18,9 милл. руб.; уменьшеніе на 1,6%. Крупныя промышленныя предпріятія составляли и въ 1885, и въ 1886 гг. по 0,4% всего числа промышленныхъ

предпріятій этой категоріи, съ 13,1% всего оборота промышленныхъ предпріятій этой же категоріи въ 1885 г. и 17,9% въ 1886 г. Среднія промышленныя предпріятія составляли 9,4% всего числа промышленныхъ предпріятій въ 1885 г. и 9,3% въ 1886 г., съ 50% всего промышленнаго оборота въ 1885 г. и съ 45,8% въ 1886 г. Мелкія промышленныя предпріятія составляли 51,2% всего числа промышленныхъ предпріятій въ 1885 г. и 52,8% въ 1886 г., съ 33,3% всего промышленнаго оборота въ 1885 году и съ 33% въ 1886 году. Наконецъ, предпріятія менѣе 10 тыс. рублей составляли 39% всего числа промышленныхъ предпріятій въ 1885 г. и 37,5% въ 1886 г., съ 3,6% всего промышленнаго оборота въ 1885 году и 3,3% въ 1886 году. Такимъ образомъ, судя по приведеннымъ данымъ, наша промышленность быстро развивается специфически - капиталистической манерой: значительное развитіе крупныхъ промышленныхъ предпріятій при одновременномъ уничтоженіи средней и самой мелкой формъ промышленности. И только мелкая форма промышленности (отъ 10 до 100 тыс. руб.) расширяется одновременно съ крупною формою, но расширяется отставая, такъ какъ ея относительная доля въ общемъ промышленномъ оборотѣ уменьшается (33% въ 1886 г. противъ 33,3% въ 1885 г.). Соединяя крупныя и среднія промышленныя предпріятія въ одну группу, а оба мелкія въ другую, получимъ, что 9,8% всего числа промышленныхъ предпріятій въ 1885 г. и 9,7% въ 1886 г. имѣли нѣсколько менѣе 2/3 всего промышленнаго оборота въ 1885 и въ 1886 гг. (63,1% и 63,7%), и что остальныя 90,2% всего числа предпріятій въ 1885 г. и 90,3% въ 1886 г. имѣли нѣсколько болѣе 1/3 всего промышленнаго оборота и въ 1885 и въ 1886 гг. (36,9 и 36,3).

П. С.

Крестьянскія артели, общества и казенные подряды. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ земствахъ поднятъ вопросъ о передачѣ казенныхъ подрядовъ не отдѣльнымъ подрядчикамъ, а артелямъ кустарей или цѣлымъ сельскимъ обществамъ. Немногими земствами были произведены и опыты въ этомъ отношеніи, которые оказались очень удачными. Въ виду все болѣе усиливающагося интереса къ этому вопросу, мы хотимъ познакомить читателей съ любопытными порядками, существующими въ Сибири по сдачѣ казенныхъ подрядовъ на почтовую гоньбу, гдѣ между казной и настоящими ямщиками нѣтъ никакихъ посредниковъ. Всѣ выгоды отъ этого подряда здѣсь остаются пока въ рукахъ ямщиковъ, а не подрядчиковъ, какъ въ Европейской Россіи.

Наиболѣе равномѣрное распредѣленіе этихъ выгодъ между всѣмъ населеніемъ является по Якутскому тракту. Здѣсь почтовая гоньба отбывается безъ исключенія всѣмъ населеніемъ натурою; на почтовыя станціи лошади доставляются каждымъ селеніемъ сообразно числу его ревизскихъ душъ. Нужно замѣтить, что Якутскій трактъ идетъ по рѣкѣ Ленѣ; по

ней же сосредоточено почти все населеніе этихъ малонаселенныхъ округовъ. При такомъ разселеніи жителей здѣсь не представляется большихъ неудобствъ, для участія въ почтовой гоньбѣ всѣхъ селеній. И это дѣло здѣсь поставлено такимъ образомъ. Казна опредѣляетъ станціи, число лошадей на нихъ (почти вездѣ по 17 лош.), поверстную и полошадную плату ($4\frac{1}{2}$ коп. на версту и лошадь) съ проѣзжихъ по прогонамъ, опредѣляетъ качество экипажей и упряжи, и, наконецъ, устанавливаетъ правила для проѣзжихъ и почтовыхъ ямщиковъ. Затѣмъ гоньба сдается при посредствѣ выборныхъ отъ волости сельскимъ обществамъ, которыя потомъ уже для разсчетовъ между отдѣльными селеніями, а въ нихъ между отдѣльными дворами избираютъ одно лицо, называемое обыкновенно «подрядчикомъ». Онъ служитъ на жалованіи. На обязанности его лежитъ полученіе изъ казны денегъ и распредѣленіе ихъ между ямщиками, сообразно числу лошадей и выбѣжанныхъ ими верстъ. Кромѣ того, «подрядчикамъ» на общественныя деньги поручается закупка оптомъ привозныхъ предметовъ потребленія, которые сюда доставляются только во время навигаціи и то преимущественно весной на баржахъ, баркасахъ и прочихъ судахъ. Почтовая гоньба, такимъ образомъ, отправляется здѣсь всѣмъ населеніемъ натурально. Для этого съ каждой ревизской души выставляется лошадь на нѣсколько недѣль въ году, (на 5, на 7, на 8), смотря по густотѣ населенія и пространству волости. Въ какомъ дворѣ сколько ревизскихъ душъ, столько онъ выставляетъ и лошадей. Между ямщиками ведется строгая очередь и порядокъ въ дежурствѣ на станціяхъ, что устанавливается все тѣмъ же «подрядчикомъ». Для надзора за порядками, на каждую станцію избираются сельскими обществами отдѣльные старосты, которые получаютъ жалованіе и живутъ постоянно на станціи. Въ помощь къ неграмотнымъ старостамъ нанимается станціонный писарь. Такъ какъ смѣны ямщиковъ происходятъ черезъ недѣлю постояннаго дежурства (въ большинствѣ случаевъ съ воскресенья), то каждый ямщикъ, выѣзжая изъ своего селенія на станцію, везетъ съ собою провизію для себя и кормъ для лошадей. Каждая ревизская душа должна выставить одну лошадь; нѣтъ необходимости, чтобы при каждой лошади находился и кучеръ. Одинъ кучеръ полагается не менѣе, какъ на пару, и не болѣе, какъ на тройку лошадей. Дворъ, имѣющій одну душу и обязанный выставить одну лошадь, долженъ соединиться съ такимъ же однодушнымъ дворомъ и попремѣнно черезъ дежурство выставлять ямщика; онъ можетъ соединиться и съ двудушникомъ, чтобы образовать тройку, если только изъ этого селенія число троекъ не превышаетъ установленнаго по разсчету съ другими селеніями числа ихъ. Впрочемъ, соединеніе однодушника съ двудушникомъ бываетъ весьма рѣдко, такъ какъ такое соединеніе обязывало бы однодушника довѣрять свою лошадь на всѣ дежурства чужому человѣку, и кромѣ того выплачивать этому же человѣку еще третью долю того, во что по разсчету цѣнится трудъ самого ямщика. Хозяинъ, выставляющій свою пару, никогда не согласится довѣрить ее чу-

жому человѣку, который очевидно заинтересованъ въ томъ, чтобы сохранить свою лошадь отъ излишняго перегона. Да, наконецъ, рѣдкіе сибиряки довѣрятъ одинъ другому даже и кормъ для лошадей. Эта недовѣрчивость у сибиряковъ по истинѣ ужасна. Сосѣди изживаютъ другъ съ другомъ вѣкъ въ видимомъ согласіи, а никто изъ нихъ не довѣритъ другъ другу купить на базарѣ пуда муки, даже пуда соли! И эта довѣрчивость едва ли не имѣетъ за себя оправданія въ большинствѣ случаевъ. Кромѣ провіанта для себя, фуража для лошадей и установленной по условію сбруи для нихъ, ямщикъ ничего больше не везетъ съ собой. Экипажи здѣсь устраиваются на общественный счетъ и находятся постоянно на станціяхъ. Впрочемъ, экипажи нужны только для зимы (кошевы), для лѣта же нужны карбасы, шитики и лодки, которыя также возятся лошадьми. Лѣтомъ по берегамъ Лены, кромѣ тропокъ, по которымъ можетъ проѣхать развѣ только верховой, да и то нерѣдко съ опасностію жизни, проѣзжихъ дорогъ совсѣмъ нѣтъ. Лена течетъ между высокими и скалистыми берегами, по которымъ дороги невозможны, вдали же отъ рѣки, гдѣ горы позволяли бы устройство лѣтней дороги, нѣтъ селеній. Вотъ почему здѣсь, кромѣ городовъ и большихъ селеній, населеніе почти совсѣмъ незнакомо съ телѣгой; для своихъ хозяйственныхъ нуждъ, для возки сноповъ, сѣна и пр., здѣсь употребляютъ двуколески съ ползучими по землѣ двумя дрожками; сообщеніе же между селеніями происходитъ исключительно на лодкахъ. Лѣтомъ количество лошадей на станціяхъ нисколько не уменьшается; сколько выигрываютъ на лошадяхъ внизъ по теченію, столько же проигрывается въ сообщеніи вверхъ по рѣкѣ. Болѣе или менѣе значительныя селенія по Ленѣ встрѣчаются не часто, между тѣмъ почтовыя станціи отстоятъ одна отъ другой на 15 — 20 и рѣдко на 30 верстъ; очень часто на этихъ станціяхъ находится не болѣе трехъ-четыревъ дворовъ. Если не всѣ, то большая часть русскихъ селеній по Ленѣ основана исключительно въ видахъ правительства для почтоваго сообщенія. Для уравненія между всѣми селеніями волости почтовой гоньбы, крупныя селенія должны посылать часть своихъ ямщиковъ въ эти малонаселенные пункты. Такъ какъ селенія идутъ только по Ленѣ, и слѣдовательно волости растянуты на громадныя пространства, то высылать лошадей, нѣкоторымъ селеніямъ приходится иногда очень далеко. Такъ змѣиновцы около Киренска должны, напримѣръ, доставить нѣсколько паръ лошадей за 200 слишкомъ верстъ. Лошадей туда обыкновенно отправляютъ на цѣлый годъ. Содержаніе лошадей и ямщиковъ, отправленныхъ туда, принимается уже на общественный счетъ, для чего каждый домохозяинъ деревни Змѣиновой долженъ внести куль овса (около 3—4 пуд.) и полтора воза сѣна (около 6 пуд.). Все это весной отправляется на плотахъ, бревна для которыхъ взяты съ общества и также натурою. Мы уже сказали, что смотря по населенности волостей всѣ ямщики ихъ перебываютъ на станціяхъ въ годъ отъ 5 до 8 разъ, дежуря каждый разъ по недѣлѣ; въ Петропавловской волости, Киренскаго округа, въ годъ при-

ходится выѣзжать каждому 7 разъ. Не въ каждое время года бываетъ одинаковый разгонъ; онъ усиливается при установленіи саннаго пути и передъ весеннею распутицею. Чтобы однимъ ямщикамъ не пришлось терпѣть отъ разгона болѣе другихъ и чтобы дѣлежъ казенныхъ денегъ происходилъ по возможности равномѣрно, т. е. по числу душъ, предпринимаются кое-какія мѣры для уравненія между ямщиками разгона. Старосты строго слѣдятъ за количествомъ выгнанныхъ каждымъ ямщикомъ верстъ. Если у одного ямщика явился въ это дежурство значительный перегонъ противъ другихъ, а у кого нибудь опять недогонъ, то въ слѣдующее дежурство первый не въ очередь отдыхаетъ, второй не въ очередь запрягаетъ. Главная работа старосты, собственно говоря, и состоитъ въ этихъ выкладкахъ и равненіяхъ. Для равненія гоньбы между цѣлыми селеніями происходитъ смѣна подвижнаго состава станцій: ямщики станціи А. въ слѣдующее дежурство находятся уже на станціи В., а ямщики съ этой послѣдней приходятъ на А., и такъ постоянно. Но такія смѣны, конечно, являются нужными только тамъ, гдѣ двѣ рядомъ стоящія станціи находятся въ крайне различныхъ условіяхъ гоньбы; напримѣръ за станціей А. слѣдующая отстоитъ на 25 верстъ, за станціей В.—всего на 15 вер. Тогда смѣна станцій совершенно уровняетъ ѣзду каждой партіи ямщиковъ. Перемѣны въ станціяхъ не существуетъ, когда каждая изъ нихъ находится въ одинаковыхъ или почти въ одинаковыхъ условіяхъ гоньбы. Когда смѣной станціи полнаго равненія не достигается или же и достигается, но цѣною увеличенія неравенства гоньбы между другою парою станцій, тогда ихъ равняютъ уже путемъ отсылки лошадей изъ селеній, находящихся въ выгодныхъ условіяхъ, въ селенія съ болѣе тяжелыми условіями гоньбы. Для соблюденія справедливаго дѣлежа казенныхъ денегъ, по возможности, приняты всѣ условія отдѣльныхъ станцій—и разница въ дорогѣ, и теченіе рѣки, и дальность разстоянія отъ чужихъ станцій, которымъ приходится доставлять помощь лошадьми. Кромѣ казенной подрядной гоньбы въ послѣднее время все болѣе и болѣе усиливается гоньба за прогоны. Ежегодно до весенней и осенней распутицы тянется огромная масса рабочихъ и служащихъ на Витимскіе, а въ послѣднее время въ особенности на Олекминскіе золотые прiиски. Не всѣ партіи ямщиковъ успѣваютъ поживиться за эти два періода. Однако то, что выручается за недѣлю, дѣлится совершенно равно между всѣми дежурившими на станціи ямщиками соотвѣтственно числу лошадей каждаго, а не соотвѣтственно количеству верстъ, прогнанныхъ каждымъ. За прогонную ѣзду деньги получаетъ староста и распредѣляетъ ихъ каждую недѣлю между той группой ямщиковъ, которые ихъ выѣздили. Съ казны же деньги получаются только два раза въ годъ весной и осенью. Общественный «подрядчикъ» прежде всего изъ этихъ денегъ вноситъ подати, волостные и мірскіе сборы, такъ что здѣшнее населеніе совершенно незнакомо съ тѣми надоѣданіями, нравственными пытками и физическимъ принужденіемъ, съ чѣмъ такъ уже освоилось все сто-

милліонное крестьянское населеніе нашей Имперіи. Съ другой стороны и здѣшнія сельскія и волостныя власти также совершенно незнакомы съ одною изъ тягчайшихъ своихъ обязанностей—по взысканію податей и недоимокъ, за что сельскія и волостныя власти прочихъ мѣстъ такъ иногда дорого платятся. Здѣшній крестьянинъ о податяхъ слышитъ только на томъ сходѣ, когда происходитъ разверстка мхъ. Въ остальное время онъ ихъ не знаетъ и не интересуется ими. Гоньба и притомъ только казенная ему не только покрываетъ всѣ подати и сборы, которые въ общемъ достигаютъ рублей 15—20 въ годъ съ каждаго годнаго работника, не тольмо покрываютъ всѣ расходы на упряжь, экипажи и лодки, но и даютъ еще ему въ видѣ остатка рублей до 50 на годнаго работника. Вотъ почему, не смотря на страшную дороговизну здѣсь всѣхъ предметовъ первой необходимости (въ 1888 г. цѣны стояли: на ржаную муку 2 р. 60 к. п., крупчатку 1 и 2 сорта 5 и 4 р. п.удъ, мясо 5—7 р. пудъ, керосинъ 20 к. ф., сахаръ 32 к. ф. и пр.), здѣшній крестьянинъ живетъ зажиточнѣе, чѣмъ крестьянинъ Западной Сибири и въ нѣсколько разъ зажиточнѣе русскаго крестьянина. Собственное хозяйство здѣшняго крестьянина не велико; часто пашня его не доставляетъ на цѣлый годъ хлѣба даже хозяину; иногда хлѣбъ и совсѣмъ вымерзаетъ; сѣнокосы здѣсь лѣсные, а потому не богатые травой. Своимъ хозяйствомъ похвастаться здѣсь можетъ развѣ только женщина. Ея огороды, въ особенности въ подгородныхъ селеніяхъ, доставляютъ большое подспорье къ хозяйству мужа. Съ ростомъ Олекминскихъ пріисковъ нѣкоторыя хозяйки изъ селеній около Киренска начали выручать со своихъ огородовъ по 200 и 300 рублей.

Въ одну изъ получекъ (весеннюю) казенныхъ денегъ «подрядчикъ» по предварительнымъ общественнымъ приговорамъ закупаетъ для селеній своей волости въ верховьяхъ Лены хлѣбъ и всѣ привозные здѣсь продукты, конечно, благодаря оптовой покупкѣ значительно дешевле противъ мѣстныхъ цѣнъ. Это, какъ результатъ артельной гоньбы, также имѣетъ громадное значеніе для мѣстнаго хозяйства, пріучая каждаго изъ крестьянъ къ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Мы не будемъ упоминать о многихъ другихъ благодѣтельныхъ результатахъ этой системы казеннаго подряда почтовой гоньбы. Она, очевидно, не безвыгодна и для казны. Пробовалъ, говорятъ, когда-то вмѣшаться въ этотъ подрядъ капиталистъ, да лыжи повернулъ, едва ли дотянувъ дѣло даже до контрактнаго срока. Мѣстные крестьяне дали такой отпоръ ему, что онъ не только не досталъ здѣсь такихъ либо барышей, но потерялъ всѣ свои залоги и весь инвентарь.

Такъ же, повидимому, мало выгодъ или даже и совсѣмъ невозможно капиталисту брать эти подряды и на другомъ главнѣйшемъ трактѣ Сибири—*средне-сибирскомъ*, ѣдущемъ отъ Иркутска на Томскъ и Тюмень. Въ почтовой гоньбѣ здѣсь также не участвуетъ пока крупный капиталистъ, только здѣсь и выгоды ея уже не распредѣляются, какъ на якут-

скомъ трактѣ, между всѣмъ населеніемъ поровну. Гоньба здѣсь сдается на каждой станціи отдѣльнымъ подрядчикамъ, которые въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ развѣ только городовъ, состоятъ изъ артелей крестьянъ-ямщиковъ. Обязательное число паръ на станціяхъ этого тракта 9, въ содержаніи которыхъ участвуютъ артели, состоящіе большею частію человѣкъ изъ 6—8. Здѣсь уже каждый членъ артели, какъ отдѣльный контрагентъ, отвѣтствуетъ за исправность лошадей, экипажей и упряжи только за себя и непосредственно отъ себя. На якутскомъ трактѣ отвѣтственными лицами является цѣлая волость или группа нѣсколькихъ селеній. Тамъ казна не имѣетъ дѣла съ отдѣльными ямщиками, какъ здѣсь по среднесибирскому тракту. Само собой разумѣется, что въ казенномъ подрядѣ здѣсь участвуютъ только наиболѣе состоятельные мѣстные крестьяне, иногда даже не изъ того селенія, гдѣ находится почтовая станція. Однако, и эта система подряда несравненно выгоднѣе для мѣстнаго края, чѣмъ повсемѣстно принятая теперь система крупныхъ почтовыхъ подрядовъ въ Европейской Россіи. Тамъ часто цѣлая губернія, а иногда двѣ или три, находятся въ рукахъ одного почтоваго подрядчика, у котораго мѣстное населеніе является въ качествѣ только батраковъ; здѣсь насколько выигрываетъ казна въ удобствахъ надзора за гоньбой, настолько она теряетъ въ переплатѣ крупному подрядчику предъ мелкими, а населеніе лишается одного изъ выгоднѣйшихъ для своего хозяйства заработка.

П. Г—ъ.

Смертность въ Германіи. Statistische Correspondenz констатируетъ, что смертность въ Германіи 1887 г. благопріятнѣе для населенія, чѣмъ въ цѣлый рядъ предшествующихъ годовъ. Въ Пруссіи въ 1887 году умерло 686,170 лицъ, не считая 43,906 мертворожденныхъ: это $23,_9$ на 1,000 жителей. По обыкновенію, смертность мужчинъ ($25,_4$) была гораздо значительнѣе смертности женщинъ ($22,_3$); смертность дѣтей до 2 лѣтъ и стариковъ 80 лѣтъ и болѣе была однако въ 1887 году выше, чѣмъ въ 1886 году, и благопріятный общій результатъ вытекаетъ ихъ уменьшеніе смертности въ великовозрастныхъ группахъ. По всей Германіи процессъ смертности равнялся въ 1885 г. $25,_7$ противъ $27,_6$ на 1,000 въ 1886 г.; съ 1841 г. въ Германіи только одинъ 1860 г. отличается такой же незначительной смертностью. Даже абсолютно число умершихъ въ 1887 г. на 81,697 ч. менѣе чѣмъ въ предшествовавшемъ году, не смотря на послѣдовавшій въ 1887 году естественный приростъ населенія.

Правила учреждаемаго русскимъ правительствомъ международнаго конкурса на сочиненіе „*О значеніи Джона Говарда въ исторіи тюремной реформы*".

1) Въ виду совпаденія столѣтней годовщины смерти Джона Говарда,

скончавшагося въ Херсонѣ, въ 1790 г., со временемъ созванія въ С.-Петербургѣ IV международнаго тюремнаго конгресса, русское правительство, желая почтить память знаменитаго филантропа, учреждаетъ международный конкурсъ на сочиненіе «О значеніи Джона Говарда въ исторіи тюремной реформы».

2. Представляемыя на конкурсъ печатныя или рукописныя сочиненія должны быть изложены на французскомъ или русскомъ языкѣ, къ сочиненіямъ же, составленнымъ на другихъ языкахъ, приложенъ французскій переводъ.

3. Представляемыя сочиненія должны заключать въ себѣ:

а) очеркъ жизни и трудовъ Джона Говарда въ разныхъ сферахъ общественной дѣятельности;

б) подробную характеристику положенія тюремнаго дѣла въ эпоху Джона Говарда и подробное изложеніе всего совершеннаго и намѣченнаго Говардомъ въ этой области;

в) разсужденіе о вліяніи идей Говарда на послѣдующую исторію тюремнаго дѣла;

г) библіографію сочиненій о Говардѣ.

4. Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, должны быть доставлены не позже 1 го (13-го) мая 1890 г., въ С.-Петербургъ, на имя предсѣдателя коммиссіи для устройства IV международнаго тюремнаго конгресса (площадь Александринскаго театра, главное тюремное управленіе).

5. Представляемыя сочиненія должны быть доставлены подъ девизами, съ указаніемъ въ запечатанныхъ конвертахъ фамиліи автора и его точнаго адреса.

6. Для разсмотрѣнія представленныхъ сочиненій и присужденія премій, имѣетъ быть составлено жюри изъ лицъ, избранныхъ IV международнымъ тюремнымъ конгрессомъ.

7. За сочиненія, признанныя жюри удовлетворительно разрѣшившими требованія конкурса, присуждаются большая золотая медаль, малая золотая, серебряныя медали и почетные отзывы.

8. Автору сочиненія, удостоеннаго большой золотой медали, выдается денежная премія, въ размѣрѣ 2,000 франковъ. Сочиненіе печатается въ трудахъ IV международнаго тюремнаго конгресса, и за авторомъ сохраняется право на отдѣльное изданіе сочиненія.

9. Невзятыя авторами рукописи и печатныя сочиненія хранятся въ теченіе двухъ лѣтъ и затѣмъ уничтожаются.

10. Отчетъ о присужденіи наградъ будетъ помѣщенъ въ Bulletin'ѣ международной тюремной коммиссіи и, въ свое время, въ трудахъ IV международнаго тюремнаго конгресса.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

(ВТОРАГО ЗА 1889 ГОДЪ).

По политической экономіи и статистикѣ:

По исторіи права и учрежденій:

По обычному праву:

По полицейскому праву:

По каноническому праву:

По гражданскому праву:

По уголовному праву и уголовной статистикѣ:

По судоустройству и судопроизводству:

Библіографія:

Иностранная критика:

Разныя извѣстія и замѣтки.

